Софья Прокофьева

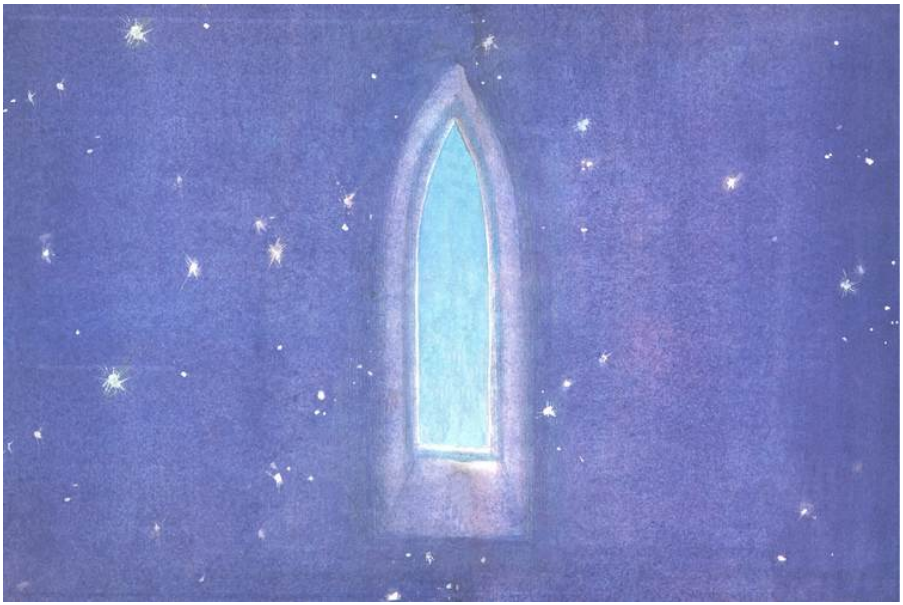
Астрель и Хранитель леса

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Главный герой книги волшебник Алеша получает таинственное письмо и отправляется в сказочное королевство, чтобы спасти его жителей от злого колдовства, а юную Астрель от неволи. Эта сказка рассказывает о том, что истинная дружба, мужество и верность неизменно побеждают силы жестокости и коварства. Для младшего школьного возраста.

- Софья Прокофьева
  -
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28



Софья Прокофьева
АСТРЕЛЬ И ХРАНИТЕЛЬ ЛЕСА
Повесть-сказка

Софья Прокофьева
Астрель и Хранитель Леса
рисунки Геннадия Калиновского
Издательство «Детская литература»

Глава 1

Глава 1
ДОМИК, НАРИСОВАННЫЙ НА АСФАЛЬТЕ. *И главное:* ЗАГАДОЧНОЕ ПИСЬМО

Волшебник Алеша сидел за столом и в глубокой задумчивости глядел на лежащее перед ним письмо.

Солнце светило прямо в окно, и, хотя волшебник Алеша плотно задернул шторы, всё равно яркие лучи проникали сквозь тонкий желтый шелк и слепили глаза. Крепкий чай в стакане казался красным, золотом горел кружочек лимона.

Чай давно успел остыть, а волшебник Алеша всё сидел, подперев щеки кулаками, и разглядывал письмо, лежавшее перед ним на столе.

Письмо было написано на небольшом клочке сероватой, совсем тонкой, почти прозрачной бумаги с неровными краями. Уголки бумаги загнулись, как у сухого кленового листа.

Загадочное письмо! Откуда оно взялось? Волшебник Алеша просто терялся в догадках. Утром его не было, это точно. Потом волшебник Алеша пошел в магазин купить себе что-нибудь на обед, а заодно коту Ваське молока. А когда он вернулся — письмо лежало на столе.

«Какой странный почерк, — подумал волшебник Алеша. — Буквы такие узкие, хрупкие, как будто озябли. И еще, похоже, тот, кто писал это письмо, очень торопился…»

А написано было вот что:

«Всем, всем добрым волшебникам!

Поскорее придите в наш город. Если нам никто не поможет, случится большое несчастье. Обойдите стороной королевский дворец и разыщите башню Ренгиста Беспамятного. Вам каждый покажет. Только не удивляйтесь, что дверь не скоро откроют. Пожалуйста, не уходите, подождите у дверей. Потому что тетушка Черепаха спускается по лестнице очень медленно. Неужели, неужели вы не придете?»

Внизу стояла подпись: Астрель. А с краю, совсем маленькими буквами, потому что места почти уже не осталось, было еще приписано: принцесса Сумерки.

Волшебник Алеша еще раз перечитал письмо. Сердце почему-то сжалось от страха за этих неизвестных ему людей, от страха и сочувствия. Да, это был призыв о помощи. Но какой-то

безнадежный, полный покорной тоски. Как будто тот, кто писал, уже больше ни во что не верил, ни на что не надеялся.

Кот Васька лежал на диване и, не мигая, смотрел на волшебника Алешу поблескивающими глазами. Смотрел кот Васька на волшебника Алешу снисходительно, с видом превосходства, как часто смотрят взрослые на ребенка.

«Что за манера, право! — с раздражением подумал волшебник Алеша. — Глядит, можно сказать, свысока. Как будто умнее меня. Или знает, чего я не знаю. И я должен почему-то это терпеть. А кто он такой, собственно говоря? Еще недавно был всего-навсего нарисованный кот. Просто рисунок. И если бы я его не оживил, так бы и висел до сих пор на стене под стеклом в рамочке».

Да, друзья мои, не удивляйтесь, волшебник Алеша оживил нарисованного кота! А случилось это вот как. Волшебник Алеша

очень любил детские рисунки. Одна стена в его комнате с полу до потолка была завешена всякими детскими картинками. И вот однажды Вася Вертушинкин из сорок восьмой квартиры принес ему в подарок нарисованного кота. И этот кот так понравился волшебнику Алеше, что он взял и оживил его.

И опять-таки, ничего тут нет особенного. Потому что настоящему волшебнику оживить нарисованного кота, можно сказать, пара пустяков: прочел заклинание и оживил.

— Никто без меня не приходил? — спросил волшебник Алеша кота Ваську. — Ну, пока я в магазин ходил.

— Не… — равнодушно отозвался кот Васька. — Никто. А-а, соседка забегала. Спрашивала: нет ли у нас морковки для супа. Я ей сказал: не знаю, не интересуюсь я вашими морковками.

Так. Значит, письмо никто не принес. В таком случае откуда же оно все-таки появилось у него на столе? Астрель… Принцесса Сумерки. Да, это какая-то сказка. Но волшебник Алеша не знал такой сказки, никогда не читал.

Тем временем солнце зашло. Небо стало бледно-серым, листья ясеня под окном теперь казались совсем черными, и в комнату вошла тишина.

«Всем, всем добрым волшебникам! Поскорее придите в наш город. Если нам никто не поможет…» — в который раз прочел волшебник Алеша и вдруг с изумлением увидел, что тонкая бумага письма как будто тает в вечернем воздухе, узкие буквы становятся зыбкими, еле видными, как паутинки. И все письмо постепенно исчезает. Мгновение еще можно было разглядеть загнутый уголок бумаги, но вот и он пропал из глаз. Письмо словно растворилось в серых сумерках.

В мягком вечернем свете волшебник Алеша еще отлично видел стакан с чаем, шариковую ручку, тюбик клея, старинную книгу в кожаном переплете. Но таинственное письмо исчезло.

Необъяснимо, невероятно. Волшебник Алеша крепко зажмурился, взглянул снова: письма не было.

Волшебник Алеша бессильно уронил руки на стол, и вдруг что-то еле слышно зашуршало под его пальцами. Что-то невидимое. Волшебник Алеша поспешно нажал кнопку настольной лампы, теплый круг света уютно лег на стол. Так вот же оно, загадочное письмо! Лежит себе, как и лежало.

Волшебник Алеша погасил лампу, письмо снова исчезло.

«Да, ясно одно: письмо исчезает в сумерках, — с волнением подумал волшебник Алеша. — Но в таком случае… Принцесса Сумерки… Нет ли тут какой-то закономерности, скрытой связи? Как вы считаете? О, несомненно!..»

— В сказку, что ли, собрался? — Кот Васька проницательно

прищурил глаза. — Вижу, вижу! Одного не пущу, не надейся. Наделаешь там глупостей.

— Ох, дал я тебе волю, совсем распустился! — строго прикрикнул на него волшебник Алеша. — Помолчи, пожалуйста, не мешай.

Старинные часы в углу гулко и протяжно пробили, напоминая, что время уже позднее.

— И правда, спать пора. Все равно ничего путного не вычитаешь, — недовольно проворчал кот Васька.

Волшебник Алеша ничего не ответил — так был занят своими мыслями.

Он лег на диван и укрылся пледом. Кот Васька тут же пристроился у него в ногах, повозился немного, ища в складках пледа самое уютное, самое приятное местечко, чтоб было тепло и удобно. Потом вздохнул и затих.

«Астрель… Принцесса Сумерки… — уже засыпая, подумал волшебник Алеша. — Интересно, какое там время года? Оденешься потеплей, так непременно угодишь в жарищу. А то придется стучать зубами от холода. Нет, на всякий случай обязательно теплый шарф и свитер. Ну, что ж…»

Проснулся волшебник Алеша оттого, что кот Васька лапой гладил его по щеке.

— Все спишь и спишь, тоже нашел время, — с обидой сказал кот Васька. — Я уже сколько дел сделал. Во двор сбегал. Всем рассказал, и кошке Мурке, и ребятам, что мы с тобой сегодня отбываем не куда-нибудь, а в самую удивительную сказку. Давай вставай и ставь чайник. Ведь от тебя, пока ты чаю не напьешься, толку никакого.

Волшебник Алеша сел, спустил ноги на пол, провел ладонями по лицу.

— Смотри, лопнет мое терпение, — сказал он, зевая. — Вчера тоже мне нагрубил. Твое счастье — не до тебя было. А собираюсь я в сказку или нет, вот уж это тебя совершенно не касается. Ты-то уж, во всяком случае, останешься дома. Мало ли что меня там ждет, а тут еще беспокойся, как бы с тобой чего не случилось. Ведь сам отлично знаешь, это здесь я волшебник, а в сказке я просто человек, как все.

— Тем более я с тобой. — Кот Васька с важным видом вскинул голову. — Умный совет подать, все объяснить, что да как. Пропадешь там без меня, как мышонок.

— Нет, каков нахал! — Волшебник Алеша даже не сразу нашелся от возмущения. — Да чтоб я больше слова не слышал об этом! Останешься дома как миленький! Будешь доставать газеты из почтового ящика и поливать цветы. А если еще раз нагрубишь,

смотри, отправлю обратно в рамочку, будешь висеть на стене.

— Ха-ха!.. — развязно начал было кот Васька, но, увидев, как сурово сдвинулись брови волшебника Алеши, благоразумно исчез под диваном. Превратиться снова в нарисованного кота? Нет уж, спасибо! Этого кот Васька боялся больше всего на свете.

Волшебник Алеша поглядел на стол с тайной надеждой, что никакого письма нет, может, просто приснилось, померещилось… Но нет, письмо на тонкой бумаге, почти невесомое, по-прежнему лежало на столе, и залетевший в форточку ветер играл его загнутым уголком.

Кот Васька чем-то гремел на кухне, видимо, пытался зажечь газ и поставить чайник.

«Ни за что не возьму его с собой, — окончательно решил волшебник Алеша, — ну совсем от рук отбился».

Итак, в сказку! Как попасть в сказку — дело известное. Достаточно нарисовать ключ волшебным мелом на любой двери. И все. Потом открой эту дверь, шагни… И вот ты уже в сказке.

Но вот беда: нарисовать ключ на двери можно только один раз. Второй раз нарисуешь — дверь просто не выдержит волшебного напряжения, рассыплется в пыль, в прах.

Итак, какую же выбрать дверь? Волшебник Алеша в задумчивости оглянулся. Он уже побывал в стольких сказках… Пожалуй, все двери в его квартире уже сослужили свою службу. И дверь в ванную, и дверь в переднюю, и даже вот эта дверца книжного шкафа, плотно набитого старинными книгами, с потемневшими от времени корешками.

— А вон и мой пушистый Вертушинкин! — с нежностью проговорил кот Васька. Он сидел на подоконнике и смотрел на улицу. — И Катя с ним, конечно. Вася Вертушинкин! Вот человек! А рисует как! Как меня нарисовал, а? Великий художник, можно сказать!

И кот Васька с довольным видом оглядел свои лапы и хвост.

— Нет, вы только посмотрите, какой домик нарисовал на асфальте мой Вертушинкин! — продолжал восхищаться кот Васька. — Какая крыша! А на крыше труба, и из нее дым. А какое окошко! Чудо что за окошко! Я уж не говорю о крылечке. В жизни не видел такого крылечка! Клянусь! А дверь? Да где вы еще такую найдете? Лучшая на свете дверь!

— Дверь? — заинтересовался волшебник Алеша и шагнул к окну.

На улице как раз под его окном Вася Вертушинкин цветными мелками рисовал домик на асфальте. А возле него стояла Катя и по привычке закручивала на палец кончик косы. Бант, аккуратно завязанный у нее на затылке, сверху казался большой коричневой

бабочкой, которая вот-вот взмахнет крылышками и улетит.

— Дверь! Отлично! То, что мне нужно! — вскричал волшебник Алеша. — Шарф, теплый свитер!..

Он поспешно стал натягивать свитер, от нетерпения не попадая в рукава и стараясь сообразить, что еще может пригодиться в дороге.

Он рассовал по карманам всякие мелочи: расческу, шариковую ручку, носовой платок.

Старинные часы как-то особенно настойчиво и громко пробили десять раз, словно напоминая ему, чтобы он ничего не забыл.

— Спасибо, — повернувшись к часам, поблагодарил волшебник Алеша.

Ну конечно же! Мел, волшебный мел. Он разыскал его в старой коробочке из-под чая, завернул в обрывок бумаги, сунул в карман. Теперь, кажется, все.

— Подходи к телефону, спрашивай, кто звонил, не смотри целый день телевизор! — Волшебник Алеша погрозил пальцем коту Ваське и торопливо вышел из квартиры.

Круглая кнопка звонка возле двери на миг превратилась в маленькую вертлявую птичку.

— Возвращайся скорее, нам без тебя скучно, — тоненько пропищала птичка. И добавила застенчиво и совсем тихо: — Мы тебя любим…

И тут же снова превратилась в кнопку звонка.

Волшебник Алеша быстро захлопнул дверь, чтоб кот Васька за ним не увязался, и побежал вниз по лестнице.

Но как вы думаете, друзья мои, кто был первый, кого он увидел на улице? Ну конечно же, это был кот Васька. Что такое запертая дверь для отважного, любящего приключения кота? И для чего, собственно, существует форточка? Ловкий прыжок, потом пройтись по карнизу до соседнего балкона. А там уже лапой подать до пожарной лестницы. И вот, пожалуйста, через полминуты ты во дворе.

Когда волшебник Алеша подошел к ребятам, кот Васька что-то хвастливо и возбужденно говорил им, привстав от волнения на задние лапы.

— Вот увидите… Мы сейчас… Да волшебник Алеша без меня…

— Дядя Алеша, а мы? Можно и мы с вами? — словно сговорившись, вместе сказали Катя и Вася Вертушинкин, с мольбой глядя на волшебника Алешу.

Волшебник Алеша покачал головой. Конечно, взять с собой в сказку таких славных и надежных ребят было бы очень неплохо,

но вот вопрос: в какую сказку они попадут, что их там ждет. Нет, это было слишком опасно, слишком рискованно.

— Исключено, — твердо сказал волшебник Алеша. Но тут же улыбнулся, обнял Васю Вертушинкина за плечи. — Вот что, мои дорогие, у меня к вам просьба, причем очень серьезная. Не удивляйтесь. Я сейчас войду в дверь этого домика, нарисованного на асфальте. А ты, Вася, должен все время подновлять рисунок. Следить, чтоб его не стерли, не затоптали. Понятно? Иначе я не смогу вернуться обратно. Катя, а ты последи, пожалуйста, чтоб он не забыл. Мало ли, человек в футбол заиграется, в кино пойдет… Так что смотрите, дело ответственное.

— Ответственное! — повторил Вася Вертушинкин. Видно было, что это его немного утешило.

— А ему можно с вами? — негромко спросила Катя, указывая на кота Ваську.

— Конечно нет, — решительно отрезал волшебник Алеша. Он вообще был сердит на кота Ваську за его распущенный и нагловатый тон. — Как всегда, одни выдумки и хвастовство.

Кот Васька возмущенно фыркнул. Говорить с ним таким тоном в присутствии Васи Вертушинкина! Разве это не оскорбительно?

Волшебник Алеша наклонился и попытался взяться за нарисованную ручку нарисованной двери. Однако из этого ничего не вышло. Волшебник Алеша только почувствовал шероховатость асфальта и сухость пыли на пальцах.

— Ах, да! Я же забыл нарисовать ключ волшебным мелом, — спохватился волшебник Алеша.

Он достал из кармана заветный кусочек мела, присел на корточки и, отбросив за плечо конец шарфа, нарисовал старинный ключ с затейливыми завитушками.

Волшебник Алеша, стараясь унять стук сердца, взялся за ручку нарисованной двери. Он почувствовал, что воздух под его пальцами как бы сгустился, постепенно твердея и принимая форму гнутой дверной ручки. Он ухватил ее покрепче, потянул на себя, сначала слабо, нерешительно, потом сильней. Но дверь не поддавалась, как будто ее давно не открывали.

Волшебник Алеша поднатужился, дернул изо всех сил и вдруг… В асфальте появилась длинная черная щель. Дверь открывалась все шире и шире с негромким, каким-то особым таинственным скрипом. Все больше становился черный провал в асфальте, ведущий куда-то глубоко вниз.

— Темнотища какая! Даже я, кот, а и то ничего не вижу! — перегнувшись через край, испуганно пискнул кот Васька. — Я туда и за сто мышей не полезу!

— На самой дороге копают! Не смотрят, что люди ходят, — возмущенно воскликнула проходившая мимо старушка в лиловой шляпке и с досадой махнула зонтиком.

— Так ты не забудь домик, нарисованный на асфальте… — стараясь казаться спокойным, сказал волшебник Алеша.

— Н-не забуду, — заикаясь, прошептал Вася Вертушинкин.

— Не забудем! Ой, ой, дядя Алеша! — Катя от волнения закусила кончик косы. — Не надо, не ходите туда!

Волшебник Алеша осторожно спустил ногу в темноту открывшейся двери, нащупал что-то твердое: не то камень, не то ступеньку. Да, вниз уходила лестница. Вот еще одна ступенька, и еще одна.

— А если люди туда попадают, кто отвечать будет? — не унималась сердитая старушка в лиловой шляпке, ожесточенно стуча зонтиком по асфальту.

Алеша спустился еще ниже, обеими руками поддерживая тяжелую дверь. И вдруг он не то споткнулся, не то просто дальше не было ступенек, но он почувствовал под ногами пустоту, почувствовал, что падает, проваливается куда-то вниз… Дверь с грохотом захлопнулась у него над головой, и вместе с ней исчез свет.

Глава 2

— Ап-чхи! — чихнул волшебник Алеша. Он сидел на земле, весь окутанный клубами желтовато-рыжей пыли. Пыль жгла глаза, першило в горле.

Волшебник Алеша протер глаза. Пыль оседала слоями, редела. Он увидел удаляющуюся карету, спину кучера, сидевшего на высоких козлах, поднятую руку с кнутом. Тускло блеснуло в пыли стекло кареты.

Мимо прошел старик в коротких залатанных штанах, в полосатых чулках. На голове высокая шапка.

Приземистые дома с крутыми черепичными крышами тесно жались друг к другу.

«Сказка…» — почему-то с тоской подумал волшебник Алеша. Он с трудом встал, потирая ушибленный локоть.

Что-то заставило его оглянуться назад. На стене, сложенной из грубо отесанных камней, он увидел нарисованную цветными мелками дверь. Изогнутую дверную ручку, замочную скважину.

Дверь эта показалась ему такой родной, спасительной, манящей…

Всего-то нарисовать волшебным мелом ключ и… Но нет! Нечего раскисать, не для того он сюда явился.

«И ребята такие славные, не подведут… — подумал он. — Это уж точно. Надежные ребятки».

Из травы выкатился кто-то рыжий с вытаращенными зелеными глазами. Встряхнулся, подняв желтоватое облачко пыли, и вдруг превратился в полосатого кота Ваську.

— Ты-то тут как очутился, голубчик? — ахнул волшебник Алеша. — Я же тебе строго-настрого…

— А я и не хотел! А я и не собирался! — захлебнулся от возмущения кот Васька. — А та старуха в шляпе, чтоб ей десять собак приснилось, взяла да как пихнет меня зонтиком. Я и полетел неведомо куда!

— Что же мне с тобой, братец, делать? — озабоченно потер лоб волшебник Алеша. — Надо же, какая незадача. Сам знаешь: волшебную дверь можно открыть только дважды — один раз, чтоб войти в сказку, второй — чтоб вернуться домой, назад. И все. Тут уж, братец, ничего не поделаешь. Но ведь ты и сам просился со мной. Так и получилось…

Волшебник Алеша подхватил кота Ваську на руки, погладил, прижал к себе, чувствуя, как утихает дрожь испуганного зверька, мягкими становятся лапы, втягиваются когти.

— А интересно, коты тут есть? — полюбопытствовал кот Васька. — А что они пьют? Ну не воду же, быть такого не может. Наверно, молоко, как все порядочные коты.

— Все узнаем, все скоро узнаем, — рассеянно сказал волшебник Алеша. — Значит, так. Для начала мы с тобой должны разыскать башню Ренгиста Беспамятного. Это самое главное.

Волшебник Алеша пошел по теневой стороне узкой улочки. Он заглянул в открытое окно низкого домика. Всюду на полках, на лавках рядами стояли туфли, башмаки с пряжками. Звездочкой сверкнула золоченая шпора на высоком сапоге.

Возле окна сидел пожилой человек, быстро и ловко прибивая каблук к башмаку.

«Надо бы спросить… Но как трудно в первый раз заговорить в сказке, — подумал волшебник Алеша. — Потом легче, но в первый раз…»

— Скажите, пожалуйста, — чуть дрогнувшим голосом спросил волшебник Алеша, наклоняясь к окну, — как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?

— Э, отсюда далековато будет, не близкий путь, — не поворачивая головы, ответил сапожник. — Иди все прямо, прямо, через мост Зевни-Во-Весь-Рот, потом…

— Через мост… Как вы сказали? — с изумлением переспросил волшебник Алеша.

— Через мост Зевни-Во-Весь-Рот, — загоняя еще один гвоздь в каблук, повторил сапожник. Голос у него был спокойный, будничный. — А там спросишь…

Волшебник Алеша дошел до конца улицы.

Откуда-то потянуло влажной прохладой, донесся негромкий разговор воды. Волшебник Алеша увидел изогнутый мост над быстрой, круто бурлящей рекой.

Навстречу шла молодая женщина, бедно, но опрятно одетая. Она тащила за руку сонного мальчугана.

— А-ах! — сладко зевнул малыш, запрокинув голову. Волшебник Алеша увидел его розовый язычок.

— Вот, зевнул, пришлось заплатить денежку, — с ласковым

упреком сказала женщина.

— И ты, мама, тоже зевнула, — малыш бочком привалился к ней. — На ручки хочу…

— Так я один раз только, а ты… — Мать взяла разморенного усталостью ребенка на руки.

Волшебник Алеша с удивлением проводил их глазами. Но тут на него налетел человек с влажной, не просохшей еще рыболовной сетью, перекинутой через плечо. Человек широко зевнул и даже зажмурился.

— А-ах!.. — сонно зевнула высокая женщина в темном платье, споткнулась и чуть не выронила из рук румяный круглый каравай хлеба.

Волшебник Алеша ступил на мост.

— А-ах!.. — широко зевнул молодой гончар. К его холщовой рубахе прилипли комочки глины. Он нес в руках два расписных кувшина с витыми ручками. Шедшая рядом с ним девушка тоже зевнула, старательно прикрыв рот ладошкой.

Зевали все люди на мосту.

«А-ах!» — слышалось отовсюду.

Зевки как будто носились в воздухе, перелетая от одного человека к другому.

Все прохожие, которые шли ему навстречу, зевали так заразительно, что удержаться не было никакой возможности.

— А-ах!.. — зевнул волшебник Алеша.

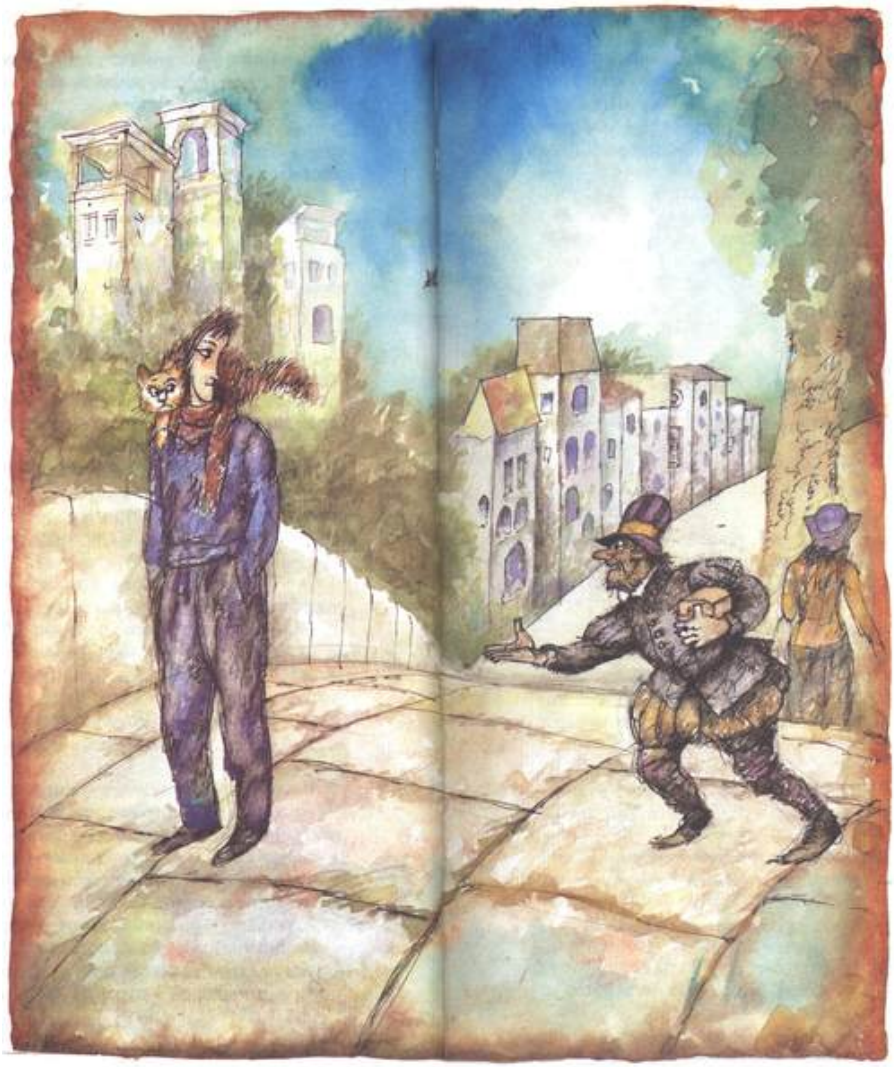
— Зевнул! Зевнул! — послышался злорадный голос, и кто-то цепко ухватил за рукав волшебника Алешу. — Зевнул — плати денежку. Денежку плати!

Волшебник Алеша увидел тощего человека с изможденным лицом. Веки его припухли, глаза покраснели, словно от долгой бессонницы. Его дорогой костюм из серого бархата был весь измят и покрыт пылью.

Человек в сером зябко ежился и не переставая зевал. Но его быстрый взгляд жадно следил за всеми, кто шел по мосту.

— Нет у меня денег, — растерянно проговорил волшебник Алеша, глядя, как все проходившие по мосту неохотно совали человеку в сером мелкие монеты.

Кот Васька, сидевший на плече волшебника Алеши, потянулся и тоже уютно зевнул.



— И за кота плати! — взвизгнул серый человек.

Волшебник Алеша отступил назад, не зная, что ему делать.

Мимо прошла старушка, закутанная в темный платок. Тихонько зевнула, прикрыв рот уголком платка. Человек в сером подскочил к старухе и грубо сдернул платок с ее седой головы. Та вздохнула и сунула ему в руку тусклый медяк.

— Ишь исхудал-то, в чем душа держится, — с укоризной покачала головой старушка. — Все забросил: родной дом, семью. Так и живешь тут на мосту, как пес на цепи. А все жадность проклятая. Боишься, пройдет бедняк какой-нибудь и не отдаст тебе последний грош. Помяни мое слово: плохо ты кончишь. Сгубит тебя твоя жадность. Посмотри, весь иссох, кожа да кости. Ведь не спишь совсем. Оттого так и зеваешь, что хочешь не

хочешь, а поглядишь на тебя, ни за что не удержишься — зевнешь!

— И буду зевать, и буду! — Человек в сером потряс тугим кошельком. С наслаждением прислушался. — Звенят мои милые, монетки мои! Век бы слушал… Даже спать расхотелось. Всех вас, бродяг, вижу, всех! Никого даром не пропущу!

Человек в сером повернулся к волшебнику Алеше, исподлобья посмотрел на него красными, воспаленными глазами.

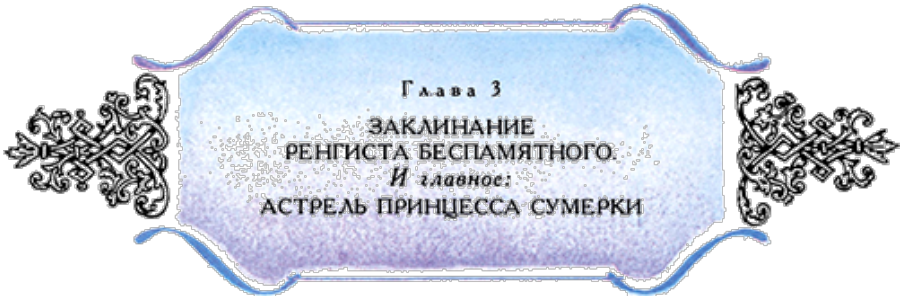
— А ну плати! Не то стражу кликну! — с угрозой прошипел он.

Волшебник Алеша понял, что серый человек не пропустит его.

Поневоле он повернулся и сошел с моста. А вдогонку ему неслись сонные, усталые зевки и звяканье монет.

— Всего-то пустяк — перейти мост, а вот попробуй перейди… — Волшебник Алеша со вздохом посмотрел на далекий берег реки. — Как мне туда перебраться? Я должен, мне просто необходимо найти башню Ренгиста Беспамятного…

Глава 3



Астрель подошла к окну.

Солнце, уже не золотое, а багрово-красное, тяжело опускалось за Олений лес. Вот солнце коснулось верхушки высокой ели, и острая верхушка, как черная стрела, вонзилась в его жарко пылающую середину.

Словно оплавленные огнем, горели нижние края облаков.

Астрель посмотрела вниз. Широкие мраморные ступени дворцовой лестницы полукругом спускались в сад. На каждой ступени по два стражника. Дальше у чугунных витых ворот — тоже стража.

Стражники стояли опершись на алебарды, лениво поглядывали по сторонам.

Было тихо. Король уехал на охоту в Олений лес. Затих заливистый лай собак, ржание коней, резкие повелительные окрики. Вместе с королем ускакали оба принца, Игни и Трагни. За ними свита, слуги, заносчивые, наглые.

Солнце совсем ушло за Олений лес, и лишь в одном месте, словно раздвинув густую хвою столетней раскидистой ели, сверкал последний пучок лучей.

А внизу уже скапливались густые, глубокие тени. Белые и желтые розы словно плавали в темной листве.

«Это мой час…» — подумала Астрель.

Она подошла к высокому зеркалу.

Гладкое прохладное стекло отразило бледное лицо. Большие, родниковой прозрачности глаза, нежный рот. Слишком длинные, тяжелые, словно влажные, ресницы. Тонкие зеленовато-серебристые волосы падали на узкие плечи, зыбкими прядями лились вниз. Капельками ртути слабо мерцали туфельки.

Астрель тихо вздохнула, глядя на себя в зеркале. Ее лицо, серебристое платье, стянутое узким поясом, все меркло, таяло, словно растворялось в вечернем воздухе. Мелькнули две темные

точки — зрачки ее глаз.

Какое-то время Астрель еще видела в зеркале что-то туманное, еле уловимое, гаснущее с каждым мгновением.

На миг ей показалось, что в воздухе повисли прозрачные нити дождя. Или это были ее волосы? Но вот и это исчезло. Из зеркала на нее смотрела пустота.

Астрель, как всегда, туго переплела пальцы на руках, стиснула изо всех сил.

— Я — здесь. Вот она я. Только меня не видно, — прошептала Астрель.

Она приложила руку к сердцу. Сердце билось часто и сильно. Резкие удары стучали в ладонь.

— Не бейся так… — попросила Астрель. — Меня не должны ни видеть, ни слышать.

Астрель приоткрыла дверь. Торопливо сбежала по лестнице.

Мягкий ковер глушил шаги. Залы наполнены глубоким вечерним полумраком. Астрель замерла. Мимо прошел придворный, хитро и недобро улыбаясь каким-то своим мыслям.

Снова лестница, и вот, наконец, высокая двустворчатая дверь, а за ней приглушенные голоса стражников.

Астрель обеими руками толкнула дубовую дверь. Неслышно шагнула через порог.

— Сквозняки… — проворчал один из стражников и пнул дверь ногой так, что она с грохотом захлопнулась.

Астрель, затаив дыхание, на цыпочках стала спускаться по широким ступеням.

— Что это стучит? Вот так: тук-тук — и замрет? — оглядываясь, спросил высокий стражник.

— И вправду, словно дождь стучит, — откликнулся другой.

Это испуганно стучало сердце Астрель. Она быстро сбежала со ступеней.

Розы слабо светились в густой листве. Ей показалось, что они поворачиваются и следят за ней.

«Нет, они меня не выдадут», — подумала Астрель.

Теперь осталось только незаметно пройти мимо стражников, охраняющих ворота, и она на воле.

Астрель вошла под высокую темную арку ворот. Вдруг под ее ногой скрипнул камешек.

— А? — испуганно вскинулся верзила-стражник. — Стой! Кто идет?

Он опустил алебарду и перегородил проход. Астрель подобрала юбку, гибко наклонилась и с быстротой белки проскользнула под древком алебарды.

— «Стой, кто идет?»! — передразнил его второй стражник. — Глаза протри. Кто тут? Ты да я. Кого еще видишь?

Тем временем Астрель летела по улицам, задыхаясь, не оглядываясь. Ей надо было спешить. Через час во дворце зажгут свечи, и тогда…

Она взбежала на крутой и высокий мост Зевни-Во-Весь-Рот.

Человек в сером вздрогнул, услышав ее быстрые шаги. Он повел головою вправо, влево, но никого не увидел и принялся снова, шевеля губами, пересчитывать медяки.

Астрель торопилась знакомым путем.

Вот и башня Ренгиста Беспамятного. Старая, полуразрушенная и заброшенная. Высоко в тусклом небе еще четко были видны осыпающиеся, источенные непогодой и временем зубцы.

Астрель забарабанила кулачками в потемневшую от дождей и ветров дверь.

— Иду, иду! — послышался глухой ворчливый голос.

Видимо, ее ждали. Скрипнул ключ, дверь отворилась ровно настолько, чтобы пропустить Астрель.

На темной лестнице стояла старая служанка со свечой в руке. Дрожащий язычок пламени осветил ее лицо. Морщины, жесткие и глубокие, как щели в камне, набегали одна на другую. Казалось, и за тысячу лет не могло так состариться человеческое лицо.

— Здравствуй, тетушка Черепаха, — тихо сказала Астрель.

— Здравствуй, девочка, — медленно роняя слова, проговорила старуха. — Иди, иди. Господин Ренгист ждет тебя.

Астрель стала подниматься по стертым, выщербленным ступеням, а огонь свечи слабел и мерк где-то внизу. Она уже поднялась на самый верх, а медлительная служанка за это время с трудом одолела несколько ступеней.

— Отец! — Астрель обняла старого человека, сидевшего в глубоком кресле у горящего камина.

Он сидел неподвижно, словно погруженный в вечную дремоту. Его седые волосы были похожи на высушенные ветром и временем дикие травы. Они в беспорядке падали на ветхий бархат воротника.

Астрель опустилась перед ним на колени, взяла его вялую, безжизненную руку, прижалась к ней щекой.

Нет, этот старик не был ее отцом. Но в этом чужом, враждебном ей мире он был самым близким, единственным ее другом, если не считать ворчливой и неповоротливой служанки.

«Когда же я первый раз прибежала в эту башню? — подумала Астрель. — Давно, очень давно. Он был тогда совсем не такой, добрый волшебник Ренгист. Он тогда еще многое мог вспомнить, пусть ненадолго, на минуту, но вспоминал. Хотя и тогда не сумел мне помочь».

Да, прошло уже, пожалуй, года три, а то и больше.

А случилось это вот как. Однажды Астрель в сумерках незаметно скрылась из дворца. Она мчалась по улице, словно наперегонки с ветром, лишь бы убежать подальше от королевского дворца.

Вдруг ее заметили стражники с факелами: волосы Астрель зеленым дождем блеснули в свете огней. Она кинулась в переулок, кружила, как испуганный зверек. До сих пор ей помнится топот сапог за спиной и грубые голоса.

Она нырнула в первую же открытую дверь. Это была дверь башни Ренгиста Беспамятного.

Она крикнула: «Спасите! Помогите!» Тетушка Черепаха схватила ее в охапку и живо спрятала в сундук. А сама как ни в чем не бывало уселась на тяжелую крышку сундука, зажав в руке

длинную деревянную скалку.

Стражники ворвались в башню толпой, рыскали повсюду, не было уголка, куда бы они ни сунули нос.

А тетушка Черепаха все сидела на сундуке и бранила их на чем свет стоит:

— Видно, вы все с ума спятили! Ищете, чего нет. Бездельники и лоботрясы! Трусы и лентяи! Какая девчонка, где вы ее видели? Спите на ходу, вот вам и мерещится невесть что!

При этом она так размахивал скалкой, что стражники и подступиться к ней не посмели. Так ни с чем, как побитые собаки, ворча, убрались восвояси.

Тогда тетушка Черепаха подняла крышку сундука и потащила Астрель за руку к своему господину, по дороге приглаживая ее растрепавшиеся волосы.

Ренгист посадил Астрель перед собой на низкую скамейку и так по-доброму взглянул на нее, что она все, все рассказала о себе и о своем горе.

С тех пор каждый вечер, дождавшись, когда солнце скроется за Оленьим лесом, она тихонько прокрадывалась в башню Ренгиста Беспамятного…

— Ты, ты… принцесса Сумерки? — неуверенно, с трудом проговорил Ренгист Беспамятный. Он хмурил брови в мучительном усилии сосредоточиться и вспомнить.

— Да, я — Астрель, отец. Видишь, ты вспомнил меня.

Ренгист Беспамятный с нежностью поглядел на девушку, но его взгляд вдруг начал тускнеть, угасать, словно уходил куда-то вглубь.

— Отец, отец! — повторила Астрель, теребя старика за руку. — Спаси меня! Ты — могучий волшебник. Вспомни, вспомни какое-нибудь заклинание! Чтоб у меня выросли крылья. Или пусть все слуги во дворце уснут так надолго, чтобы я успела убежать далеко-далеко. Ведь я невидима только в сумерках, а когда зажгут свечи, слуги сразу хватятся меня. Мне не убежать. Они торопят меня со свадьбой, отец. А я лучше умру…

Шаркая жесткими подошвами, вошла тетушка Черепаха с большим серебряным подносом в руках.

— Кофе, Пачереха, наконец-то, — пробормотал Ренгист Беспамятный. — Придвинь стол к огню и оставь нас.

— Чай, а не кофе, — проворчала тетушка Черепаха. — Когда бы я успела сварить кофе, если ты велел сварить его только сегодня утром? Вот чай. Ты заказал его вчера. Как раз хорошо настоялся.

— Ступай, Харечепа, ступай, — равнодушно махнул рукой Ренгист Беспамятный. — Все равно…

Астрель помогла тетушке Черепахе придвинуть небольшой столик, расставить чашки. Цветной узор на столике стерся, лишь кое-где тускло поблескивал перламутр.

Астрель старалась не глядеть на руки тетушки Черепахи, морщинистые, древние.

— А ведь они были братья. Ренгист и Каргор. Ренгист и Каргор… — Голос тетушки Черепахи звучал глухо и заунывно, как осенний ветер. И хотя она всегда рассказывала одно и то же, всякий раз Астрель с волнением ловила каждое ее слово. — Братья… Они играли вместе. Вон в старом сундуке до сих пор лежат их игрушки. А когда подросли да возмужали, оба стали волшебниками. И оба влюбились в одну девушку. Говорят, краше ее не было никого на свете. Дождирена Повелительница Дождя. Так ее звали. Она полюбила моего господина, доброго волшебника Ренгиста. И они уехали куда-то далеко-далеко. Счастливые, молодые. Только с тех пор о ней никто ничего не слышал. Словно сгинула, пропала без следа красавица Дождирена Повелительница Дождя… (При этих словах сердце Астрель почему-то всегда сжималось от непонятной тоски.) Ох, давненько это было! Бегала я тогда босоногой девчонкой. А как исполнилось мне шестнадцать, нанялась я в служанки к господину Каргору. Недобрые дела творились в его Черной башне! А меня только смех разбирал, когда, бывало, влетит в окно летучая мышь или филин. Ударится об пол — и вот тебе знатный гость, весь в шелку да в бархате. Только глаза светятся как угли в темноте. А потом в башне завелись какие-то голоса. Никого нет, а голос то стонет, то плачет. Слуги подогадливей разбежались кто куда. Ну а я что? Молода была да глупа, а платил господин Каргор щедро. Прислуживала ему, как умела. Только с каждым днем становился он все злей да придирчивей, никак не угодишь. Однажды я что-то замешкалась. «Что ты тащишься, как черепаха! — закричал он в ярости. — Вот и стань черепахой, старой черепахой!» Он прочел какое-то заклинание, и вмиг кожа моя сморщилась, потемнела, на спине вырос твердый панцирь. Я превратилась в старую черепаху. Даже душа у меня постарела. Что делать? Я уползла в лес, и если бы не господин Ренгист… Как раз в те дни возвратился он из дальних краев. Один-одинешенек, без красавицы жены. Молчаливый, не по годам седой. И поселился в этой башне, заброшенной и унылой, под стать ему.

Да, был он уже не тот, что прежде, как подменили. Но его еще не прозвали в городе Ренгист Беспамятный. Хотя уже и тогда, бывало, битый час все думает, хмурится, трет лоб, пока припомнит, что надо. Пожалел он меня. Начал читать заклинание, да вот беда, забыл посередке. Так и не смог победить

до конца злые чары Каргора. Вот я и стала тетушкой Черепахой, вот кем я стала…

Тетушка Черепаха глубоко вздохнула, постучала своей жесткой рукой по твердому, как панцирь, переднику.

— Так и живу теперь на посмех людям, — глухо проговорила она, уже стоя на пороге. Закрыла за собой дверь, затихли ее шаркающие шаги.

Астрель снова взглянула в окно, и бледная звездочка на темнеющем небе словно уколола ее.

— Я еще помню, смутно помню какие-то заклинания, волшебные слова, — как во сне проговорил Ренгист Беспамятный. — Но что они значат, их тайный смысл, он ускользнул от меня, я все забыл…

— Не будем терять надежды. — Астрель припала к его плечу. Почему-то на миг ей представился белый парус далеко в темном море. — Нам ничего не осталось, кроме надежды. А вдруг ты вспомнишь!

— Да, да… — равнодушно пробормотал Ренгист Беспамятный. Веки его безвольно опустились, он снова погрузился в свою безжизненную дремоту.

— Отец! — взмолилась Астрель. Такое отчаяние звучало в ее голосе, что Ренгист Беспамятный вздрогнул и открыл глаза.

Мгновение он бессмысленно озирался по сторонам, словно стараясь понять, где он, кто рядом с ним.

— Я был далеко… — прошептал он.

Ренгист Беспамятный посмотрел на Астрель, взгляд его становился все пронзительней, глубже. Вдруг он заговорил, и по мере того, как он говорил, голос его креп, обретал величие и звучность:

Инвер и авер, венли и вемли!
Слову волшебному тайное внемли.
Снежными звездами, вниз или ввысь,
Тайна, откройся, тайна, явись!

Астрель замерла, ожидая сама не зная чего. Может быть, содрогнется старая башня или вдруг она взлетит с легкостью птицы. Но ничего не случилось. Только в мрачной комнате стало

еще темней.

Астрель глянула в окно. Мимо окна медленно-медленно, покачиваясь, проплыла крупная звездочка-снежинка. Астрель проводила ее недоуменным взглядом. Вот пролетела еще одна снежинка, а за ней еще и еще. С каждым мгновением снежинок становилось все больше. Налетевший ветер вдруг взвихрил их, закружил, завивая столбами. Астрель с трудом могла разглядеть сквозь их беспокойный танец дальние крыши домов, потемневшие деревья с поникшей листвой. С ветвей рушились белые обвалы, а вверх струились туманы из снежной пыли.

Мгновение, и все скрылось за сплошной пеленой падающего снега.

Прерывая завывание ветра, донеслись неясные крики:

— Снег! Снег!

— А ветрище-то!

— Какой холод!

— Ай-ай! Мой салат и горошек…

Астрель посмотрела на Ренгиста Беспамятного.

«Опять ничего, просто снег, пусть волшебный, но зачем, ведь он не может мне помочь. Опять все попусту, а времени больше нет».

Ренгист Беспамятный сидел безучастный ко всему, уронив руки на подлокотники кресла.

— До завтра! — Астрель улыбнулась, стараясь скрыть печаль и разочарование. — Спасибо, отец. Ты наколдовал снег, такой белый, красивый. Я приду завтра в сумерках, как всегда. Жди меня…

Ренгист Беспамятный слабо кивнул головой, не открывая глаз.

За дверью ждала тетушка Черепаха со свечой.

— Неужели я так долго заваривала чай, что наступила зима? — проворчала тетушка Черепаха. — А мне еще надо взбить подушки на ночь моему господину. И еще я хотела пойти в лес и поискать добрых трав и кореньев. Старая Черепаха хоть и безобразна, но знает толк в травах, уж поверь мне.

— До завтра, добрая, милая тетушка Черепаха. — Астрель с нежностью коснулась губами ее морщинистой жесткой щеки.

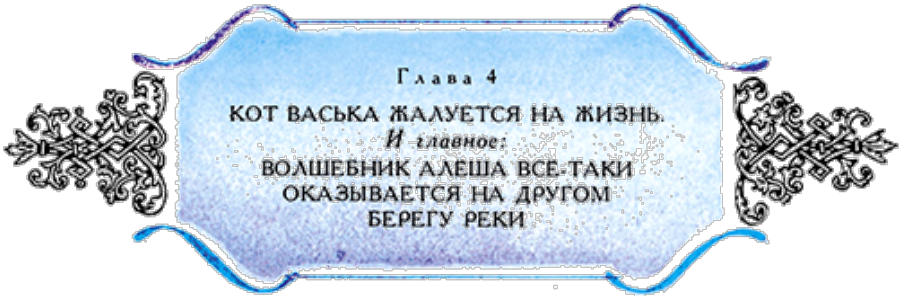
— Только ты одна меня целуешь, — проскрипела тетушка Черепаха. И огонь свечи, отразившись в одинокой слезе, золотой каплей скатился по глубокой морщине.

Тетушка Черепаха подняла свечу повыше, и Астрель быстро сбежала по темной лестнице.

— Час, чтобы спуститься вниз по лестнице и запереть дверь, и час, чтобы подняться, — охала тетушка Черепаха, с трудом

спускаясь следом. — Ах, милая девочка, милая девочка…

Глава 4



Волшебник Алеша в полном унынии стоял и смотрел на темную быструю воду реки, где закипали пенные водовороты.

Вплавь, что ли, перебраться? По правде говоря, плавает он неважно. К тому же в толстом свитере, в ботинках, все это намокнет, отяжелеет, потянет ко дну. Ну да ладно, он как-нибудь переплывет. А кот Васька? Он до смерти боится воды. Что же теперь делать?

Кот Васька уныло понюхал траву, покрутил головой.

— Ну ладно, будь волшебником, я не против. — Кот Васька с упреком посмотрел на волшебника Алешу. — Нарисованных котов оживлять — дело хорошее, кто спорит. Но по сказкам шататься — охота была! Как будто нет у нас своего теплого угла. Дом есть? Есть. Молоко в холодильнике есть? Есть. Так надо дома сидеть. Логично? Логично!

— Слушай, прекрати. И без тебя тошно, — не выдержал волшебник Алеша. — Мне надо сосредоточиться, подумать как следует…

Вдруг невесть откуда налетел леденящий порыв ветра, иглами впиваясь в лицо и руки.

Кот Васька весь взъерошился, прижался к ноге волшебника Алеши, продолжая свою еле слышную воркотню:

— Опять-таки, если уж отправляться в сказку, тоже надо с умом выбирать, куда идешь. Чтобы сказочка была теплая, чтоб солнышко грело. Где собак нет, а кругом мышки бегают. А здесь — бр-р!.. Холодище какой! Сплошное мяу! Никакого мур!

Ветер крепчал. Шарф волшебника Алеши рванулся, вытянулся, грозя улететь.

— Батюшки, снег! — растерянно мяукнул кот Васька.

И тут же их словно накрыло густым белым облаком. Никогда в жизни волшебник Алеша не видел такого снегопада. В один миг все скрылось: мост, деревья, дома на том берегу.

Кот Васька сразу провалился в сугроб. Волшебник Алеша поспешно подхватил его, прижал к груди. Казалось, весь мир исчез, кругом был только снег, снег…

Волшебник Алеша с трудом справился с улетающим шарфом, потуже обмотал вокруг горла, заодно укутал им кота Ваську.

На миг свист ветра умолк, и в этой короткой тишине волшебник Алеша не услышал шума и плеска речных волн.

Снег норовил залепить глаза, но все же волшебник Алеша сумел разглядеть зеркало льда, по-зимнему сковавшего реку.

— Лед! — с изумлением ахнул кот Васька. Он выскользнул из-под шарфа и скатился с обледенелого берега. — Не бойся, пушистый Алеша, иди сюда, — донесся его голос. — Лед! Клянусь хвостом и ушами, до самого того берега — лед! Настоящий!

«Гм… Там, где может пройти кот, вовсе не обязательно смогу пройти я», — с сомнением подумал волшебник Алеша.

Но это была единственная возможность перебраться на тот берег.

Волшебник Алеша спустился к реке, ступил на гладкий, почти прозрачный лед. На всякий случай постучал по нему ногой, лед прямо-таки звенел под каблуком.

Волшебник Алеша торопливо пошел по льду. Под снегом лед был чистый и скользкий, как стекло.

Снегопад вдруг кончился как-то до странности сразу. Последняя снежинка удала на щеку волшебника Алеши и растаяла.

Теплые струи воздуха смешивались с холодными, слоились, переплетались. Откуда-то донесся густой сладкий запах жасмина.

К своему ужасу, волшебник Алеша увидел, что лед потемнел, потрескался. Он крошился, расползался под его ногами. Впереди мелькнули зловещие мутные полыньи.

Волшебник Алеша огромными скачками бросился бежать, но все-таки возле самого берега провалился в крошево холодной воды и осколков льда. К счастью, там было уже совсем мелко. Он только зачерпнул воду одним башмаком.

— Вот копуша! — шипя от страха, набросился на него кот Васька. — Надо же быть таким нескладехой! Зимовать ты, что ли, собрался посреди реки?

Но на этот раз волшебник Алеша совсем на него не рассердился. Понял: просто переволновался за него преданный кот Васька.

Глава 5

А теперь, друзья мои, вернемся к башне Ренгиста Беспамятного.

Мы расстались с Астрель, когда она сбегала по лестнице, а тетушка Черепаха стояла на верхней площадке со свечой в руке.

Посмотрим теперь, что же случилось дальше.

Астрель торопливо шла узкими улочками. Метель утихла, но туфли глубоко увязали в снегу.

Астрель вся сжалась от холода, скрестила на груди руки. Здесь, на улице, она опять стала невидимой, словно растворилась в вечернем воздухе.

Распахнулось оконце высоко под крутой крышей дома. Из окна выглянула девушка. Она накинула на голову теплый платок, прихватила его рукой под подбородком.

Отворилось окно в доме напротив. Из окна высунулся юноша, помахал ей рукой.

— Мы сегодня не встретимся, — печально улыбнулась ему девушка. — Из дома не выйти, дверь замело снегом до самого верха. Подумать только, такой снег.

— Я пробовал открыть дверь, Ильти, но ее даже вот на столько не сдвинешь, — отозвался юноша. — Посмотри, у пирожника Ринтуса сугробы выше окна.

— Я брошу тебе цветок! — крикнула девушка. — Лови!

Она сорвала ветку алой герани и бросила через дорогу. Но легкий цветок не долетел и упал на снег посреди улицы.

— Теперь он замерзнет, — с жалостью сказала девушка.

Цветок упал прямо к ногам невидимой Астрель. Она подняла его, кинула юноше.

— Что это? — ахнула девушка. — Цветок сам взлетел в воздух. Вот чудо-то!

— Смотри, Ильти! — юноша протянул руку. — Вон! Следы. Видишь, следы на снегу!

— Вижу, вижу! — откликнулась Ильти. — Маленькие какие! И будто бегут друг за дружкой. Откуда они берутся, ведь по улице никто не идет?

«Мои следы…» — подумала Астрель.

Она оглянулась. Позади нее тянулась узкая неровная цепочка следов. Ее маленькие туфли с острыми каблуками оставляли четкий след на гладком, нехоженом снегу.

«Следы ведут от башни Ренгиста Беспамятного прямо к королевскому дворцу, — мелькнуло в голове у Астрель. — Мало ли кто их увидит. Не трудно догадаться…»

Астрель скинула туфли и в тонких ажурных чулках побежала по снегу. Осколки льда вмиг порвали чулки в клочья. Снег холодом обжег босые ноги. Астрель вихрем перебежала через

мост Зевни-Во-Весь-Рот.

В воротах королевского дворца угрюмо переругивались мокрые, продрогшие стражники.

Астрель проскользнула через сад. Розы, расплющенные снегом, распрямляли согнутые стебли.

На лестнице Астрель остановилась. Она нагнулась и вытерла обрывком кружевной манжеты кровавый след на мраморной ступени.

Она увидела где-то далеко на окраине города отблески факелов. Словно струя расплавленного золота влилась в город и, извиваясь, потекла по улицам. Это возвращался с охоты король.

Когда слуга, держа тяжелый подсвечник с зажженными свечами, вошел в комнату Астрель, она, как обычно, сидела в глубоком кресле, поджав под себя ноги, и неподвижно смотрела в ночное небо.

Глава 6

Волшебник Алеша едва отдышался.

Снял башмак, вылил из него воду. Взял на руки озябшего кота Ваську. Обтер концом шарфа холодные лапы.

Город оживал, стряхивая с себя тяжесть тающего снега. С крыш текло, кое-где проступила мокрая земля с поникшей, примятой травой. То там, то тут в домах приветливо затеплились свечи.

Волшебник Алеша заглянул в окно низкого дома. Он увидел молодую женщину с ребенком на руках. Ее милое кроткое лицо было омрачено заботой и печалью.

Ребенок потянулся к свече.

— Нельзя, нельзя, — женщина ласково перехватила маленькую ручку. — Пальчик сожжешь… Скоро отец вернется. Рыбки принесет. Только какой улов в такую непогоду?

Женщина подошла к окну и задернула старенькую занавеску.

— У кого бы спросить? Хоть бы какой прохожий попался, — посетовал волшебник Алеша. — Все попрятались по домам. Впрочем, вон кто-то идет…

Навстречу ему, косолапо ставя короткие ноги, брел человек. Он бережно нес большую шкатулку, по углам окованную медью.

Пятнистый свет фонаря у входа в трактир осветил прохожего. У него было темное, словно вылепленное из глины, лицо. Из-под уродливо нависшего лба хитро и подозрительно посверкивали злые глазки.

Прохожий в свою очередь с откровенным изумлением уставился на волшебника Алешу и даже приоткрыл рот. Блеснули длинные кривые клыки. Быстрым потаенным движением он прикрыл плащом шкатулку, окованную медью.

Преодолевая себя, волшебник Алеша все-таки спросил у прохожего:

— Извините, пожалуйста. Не скажете ли, как пройти к башне

Ренгиста Беспамятного?

И тут случилось нечто неожиданное. Странный человечек высоко и резко подпрыгнул, вскинул руку с растопыренными пальцами. Он словно хотел поймать нечто невидимое, пролетевшее над его головой. Он сжал руку в кулак, будто и впрямь поймал что-то. Потом быстро сунул свою добычу в шкатулку и поспешно захлопнул крышку. Жадное торжество мелькнуло у него в глазах.

С поспешностью он сделал несколько скачков, стараясь подпрыгнуть повыше. Его хваткие, ловкие пальцы опять что-то поймали в воздухе и сунули в шкатулку. Потом, угловато и нелепо подпрыгивая, помчался по улице, словно хотел догнать что-то улетающее от него.

«Что он ловит: жука, ночную бабочку?» — с недоумением подумал волшебник Алеша.

Он уже пожалел, что заговорил с этим странным человеком.

Тем временем прохожий вернулся, тяжело дыша и отдуваясь. Его крючковатые пальцы с нежностью поглаживали крышку шкатулки.

— Так вы мне не ответили. Как… — начал было снова волшебник Алеша.

— М-м!.. — вдруг тупо промычал человек.

Глаза его стали пустыми, тусклыми.

«Да он немой! — догадался волшебник Алеша. — Но все равно, что-то в нем удивительно злобное, хитрое».

Волшебник Алеша пошел дальше по улице, но шагов через пять оглянулся. Странный человек стоял под фонарем и смотрел ему вслед пристальным, выслеживающим взглядом.

По стенам домов запрыгали золотистые мигающие вспышки огня. Послышался разноголосый говор вперемешку с лаем и визгом собак.

Волшебник Алеша свернул в узкий переулок и прижался боком к стене.

Мимо него проскакали всадники с факелами. За ними на белой породистой лошади ехал грузный человек в шляпе с обвисшими страусовыми перьями. В свете факела золотой змеей шевельнулась цепь на груди всадника с подвеской в виде зубчатой короны.

«Да это сам король!» — догадался волшебник Алеша.

За королем ехали двое юношей, оба сильные, широкоплечие, с тупыми надменными лицами. А дальше пестрой толпой — придворные. Позади всех псари с трудом удерживали на сворках усталых, хрипло лающих собак.

— Тысяча дьяволов! — услышал волшебник Алеша резкий голос короля. — Будь проклят этот снегопад! Провались все на свете! Уже почти затравили оленя, как все пошло к черту!

— Ваше величество! — подхватил тощий юркий человечек с лукавым острым лицом, подъезжая поближе к королю. — По вашему королевскому приказу, я, как всегда, ни во что не верю и во всем сомневаюсь. С чего бы снегопад в это время года? Кто-то это подстроил, не иначе.

— Спрошу Каргора… — проворчал король.

— Глянь-ка, Игни, — негромко окликнул один из юношей другого. — Какие странные следы!

— Где, Трагни? Здесь столько следов, весь снег истоптан, — отозвался Игни. — А-а, эти?..

Он придержал коня, наклонился, рассматривая следы. Следы были маленькие, узкие. Кто-то прошел по снегу в туфельках с острым треугольным каблуком.

— Уж не наша ли это птичка, Астрель? — подозрительно протянул Игни.

«Астрель? — вздрогнул волшебник Алеша. — Кажется, он сказал: Астрель…»

Волшебник Алеша сделал несколько шагов вперед, прячась в тени дома.

Юноши поехали рядом, не сводя глаз с тонкой цепочки следов.

— Точно — Астрель. Провалиться мне на этом месте! — с угрозой, сквозь зубы процедил Трагни. — У кого еще такая крошечная ножка? Поглядим, куда ведут эти следы.

— Смотри, смотри! — вдруг грубо захохотал Игни. — Это сумерки нас морочат. Да ты вглядись получше: нога-то босая!

— А… — Трагни выпрямился в седле. — Какая-то девчонка-нищенка босиком шлялась по снегу.

— Сомневаюсь! Сам во всем сомневаюсь и вам советую, — откуда-то сбоку вынырнул юркий человечишко.

— Опять ты тут, Врядли! Вечно суешь нос, куда не просят, — надменно отмахнулся от него Трагни.

— Погоди, может, Врядли прав? — угрюмо проговорил Игни. — Вот что. На всякий случай я прикажу усилить стражу возле ее дверей.

— Почему это ты прикажешь? — вскинулся Трагни. — Мои слуги надежнее. Будут день и ночь сторожить Астрель.

Тягучий топот всадников по раскисшей дороге смолк в отдалении. Волшебник Алеша вышел из своего укрытия и снова зашагал вдоль притихших, спящих домов.

«Город будто вымер, спросить не у кого, — с огорчением оглянулся по сторонам волшебник Алеша. — Делать нечего, придется подождать до утра. Астрель… Да, все может оказаться гораздо сложнее, чем я предполагал».

С неба на длинных лучах свисали крупные звезды.

Откуда-то потянуло запахом сена. Волшебник Алеша увидел неплотно притворенные двери старого сарая. Там, в глубине, было приютно и тихо.

— Хоть раз в жизни переночевать на сене, — сонным, разомлевшим голосом пробормотал кот Васька. Шерсть его высохла, он стал мягким, пушистым. — А пахнет как…

Глава 7

В глубоком кресле, перед камином, сидел худой, костлявый человек, с ног до головы одетый в черное. Черный плащ, небрежно перекинутый через ручку кресла, свисал до полу, как надломленное крыло.

Его иссохшее лицо было мертвенно-бледным. Крупный нос с хищной горбинкой придавал ему жесткое и заносчивое выражение. Глубоко запавшие глаза и серые запекшиеся губы говорили о тайном страдании, а руки, судорожно стиснувшие подлокотники кресла, — о бессильной, застарелой злобе.

Человек в черном наклонился вперед. Жадным неотрывным взглядом он смотрел на пламя, метавшееся в утробе огромного камина.

Но это был не просто огонь! Это, встав на хвосты, в жаркой пляске извивались огненные змеи. Они шевелились, раскачивались. Вот они свились в одно нестерпимо пылающее кольцо… И вдруг на мгновение в самой его середине сверкнула маленькая голубая искра. Она казалась такой беззащитной и слабой. Огненные змеи тянулись к ней, с их острых жал сыпались раскаленные искры.

Человек в черном откинулся в кресле, словно свет этой маленькой искры ослепил его.

— Какая ты стала крошечная и дрожишь, словно чуешь свою гибель! — с ненавистью прошептал он. — А когда-то ты освещала голубым светом весь зал. Ты сводила меня с ума! Что? Жарко тебе? Нравятся тебе мои огненные змейки? Я раздобыл их своим черным колдовством. Змейки, мои вечно голодные змейки! Вам надо все время что-то пожирать, жечь. Вы можете уничтожить все: камень, железо, верность, любовь, сострадание. Я подкинул вам лакомый кусочек. Так покончите же с ней наконец. Пусть она сгинет навеки, проклятая… О, как трудно тебя убить, маленькая голубая искра!

На выступ окна опустилась небольшая птичка. Пестрая, с черными полосками на крыльях и острым хохолком на макушке.

— Чересчур! — недовольно заверещала птичка, прикрывая головку крылом. — Ф-фу! Чересчур жарко натоплено, вот что я вам доложу, господин Каргор!

Человек вздрогнул, так глубоко он ушел в свои мысли.

— А, это ты, птичка Чересчур. Ты испугала меня. Я задумался, я был далеко отсюда…

— Опомнитесь, да что с вами? — пожала плечиками птичка Чересчур. — Нельзя же так! Целыми днями сидите в кресле как приклеенный и смотрите на огонь, когда вокруг столько событий, мух, комаров, новостей и всего прочего.

— Ну какие там еще новости, птичка Чересчур? — Каргор со вздохом оторвал взгляд от огня. — Ну, выкладывай.

— Во-первых, мы тут чуть было не погибли под снегом, — с важным видом сообщила птичка Чересчур. — Вдруг снег! Как вам это нравится, когда на дворе лето? Но слушайте дальше, господин Каргор, хотя и этого чересчур много. В нашем лесу появился страшный ворон. Какой клюв, какие когти! Ну, доложу вам, в дрожь кидает! Если бы не Гвен…

— Гвен? Это еще кто такой? — настороженно спросил Каргор, и его черные косматые брови нахмурились.

— Ах, Гвен! — с нежностью пропела птичка. — Вот что значит чересчур долго сидеть взаперти. Гвен — Хранитель Леса! Он строит для нас, птиц, чудесные домики, с крепкими дверями и запорами, с резными балкончиками и круглыми маленькими окнами.

— Гвен… — глухо прошептал Каргор. — Так вот откуда в чаще леса эти резные дворцы и башни для летающей мелюзги.

— А какой у него топор! — не унималась птичка Чересчур, в восторге запрокинув голову. — Он с ним никогда не расстается.

Говорят, этот топор достался ему еще от деда. Ах, господин Каргор, какое счастье — надежный домик! Но ведь этот ужасный ворон налетает внезапно и невесть откуда. Как убережешься? Схватит птичку железными когтями — и бедняжке конец. Вы такой могучий волшебник! Избавьте нас от этого чудовища. Помогите нам в нашей беде, добрый, добрый господин Каргор!

— Что ж, надо подумать, чем вам помочь. — Губы Каргора искривились, но нет, это была не улыбка. — Вот только одно неотложное дельце, никак не разделаюсь с ним. И тогда весь к вашим услугам. Мне надо кое-что уничтожить, погасить…

— Вот эту голубую звездочку, да? — подхватила птичка Чересчур. — Вы глядите на нее так сердито. А ведь вы не умеете сердиться, я знаю, знаю. У, противная искорка! Доставляет

столько хлопот нашему доброму господину Каргору. Да прикажите вашим золотым змейкам проглотить ее, и делу конец. Они всегда такие голодные, ваши змейки, и от них такой жар, ух! Что ж, желаю вам удачи, дорогой господин Каргор! Боюсь, не утомила ли я вас. Чересчур разболталась. Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур взмахнула крыльями и исчезла, скользнув в поток солнечных лучей за окном.

Каргор с усилием встал. Он поднял руки в широких рукавах, и, покорные его знаку, огненные змеи в камине, извиваясь, вспыхнули еще ярче и со свистом окружили голубую искру.

В огненном вихре видно было, как плавятся, тают ее тонкие голубые лучи. И все же она светила, упрямо светила, крошечная дрожащая искорка!

— Откуда в тебе столько силы? — бесконечная усталость прозвучала в голосе Каргора. — Тебе не спастись все равно. Так сгинь, исчезни! Твой слабый свет уже все равно не поможет Ренгисту, моему брату Ренгисту…

Каргор на мгновение прикрыл глаза ладонью.

Вдоль северной стены шла длинная дубовая полка, и отсветы огня падали на нее. На полках стояло подряд множество шкатулок и ларцов. Здесь были ларцы из простого дерева грубой работы, в сальных пятнах и подтеках, словно их хватали жирными руками. И легкие узорные шкатулки, поражающие искусством резьбы. Ящички из куска цельной яшмы, кованые медные ларцы. Но взгляд Каргора только безразлично скользнул по ним.

Он сунул руку за пазуху и нащупал у себя на груди маленький прохладный медальон на серебряной цепочке. Каргор осторожно снял его через голову.

Обеими руками, стараясь унять дрожь, он держал серебряный медальон. Тонкая цепочка просочилась между пальцев и повисла, качаясь как паутинка.

— Дождирена Повелительница Дождя… — голосом, полным боли, простонал он. — Я похитил тебя глубокой ночью, тайно. Похитил и заточил в этой башне. Тебе на погибель, себе на вечное горе. Дождирена… Ты не покорилась мне. И вот тебя больше нет. Остался только твой голос. Да, он в моей власти. Я его повелитель. Пожелаю — и он зазвучит. Послушно зазвучит для меня одного. Но клянусь, Дождирена, он убивает меня! И я не могу жить без него…

Каргор нажал замочек медальона словно бы с огромным усилием. Пальцы его свела судорога.

Крышка медальона беззвучно откинулась.

И в тот же миг зазвучал голос тихий, невесомый, но, казалось, проникающий в самую душу. Все вокруг наполнилось

неясным плеском, влажным шелестом струй дождя.

Каргор упал в кресло, закрыл глаза.

— Отпусти, отпусти меня… — звенел и дрожал в воздухе прозрачный голос. — Я умру, но не стану твоей женой. Ренгист узнает… Он отомстит за меня… Где моя дочь? Где моя дочь?.. Дочь… Дочь…

И слово «дочь», повторяясь словно эхо, стало звучать все тише, невнятней и постепенно превратилось в слово «дождь… дождь…».

Каргор закрыл медальон.

Голос смолк. Смолк тихий и влажный шепот дождя.

Каргор опустил лицо в ладони, прижался лбом к прохладной серебряной крышке медальона.

— Но я не отпустил тебя, — глухо проговорил он, — и ты плакала наверху башни, плакала день и ночь, пока сама не превратилась в серебряный дождь. И когда я увидел этот дождь за окном, я сразу все понял. Я понял, что больше нет Дождирены Повелительницы Дождя. Но твой голос, Дождирена, я запер его в медальоне. И потом сыграл неплохую шутку с Ренгистом. С милым моим братцем Ренгистом, могучим добрым волшебником.

Каргор хрипло рассмеялся.

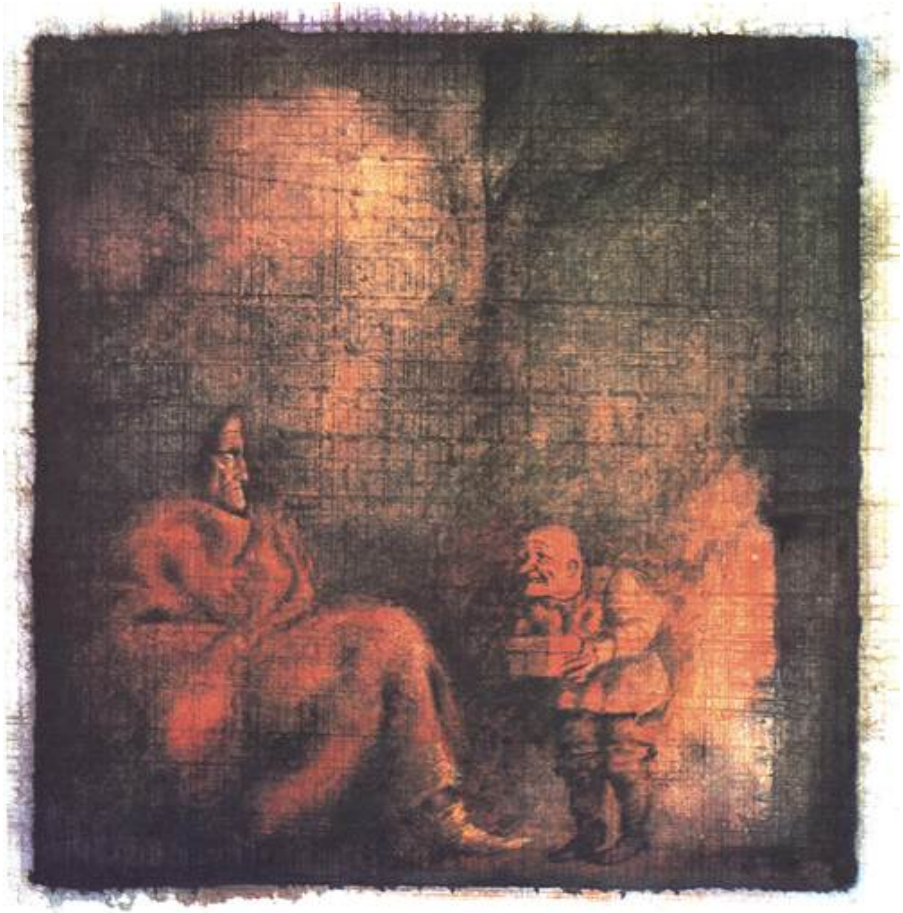
— Только с тех пор мне стало труднее дышать, труднее ступать по земле.

Каргор снова накинул на шею тонкую цепочку, спрятал медальон под кружева, застегнул камзол.

Послышался топот грубых башмаков.

— Войди, Скипп! — властно крикнул Каргор.

Дверь отворилась. На пороге появился приземистый человек, с нависшим тяжелым лбом. Глубоко упрятанные глаза смотрели угодливо и настороженно. В руках он держал черную шкатулку, обитую медью. Человек низко поклонился, весь согнулся, будто свернулся улиткой.



— Ну, что приволок сегодня, Скипп? — спросил Каргор, бросив равнодушный взгляд на шкатулку. — Опять какое-нибудь старье? Брань торговок или крики королевских стражников?

— М-м… — замотал головой немой слуга.

Его заискивающая улыбка была хитрой и вместе с тем самодовольной. Он несколько раз с нежностью погладил крышку черной шкатулки, качая головой и причмокивая губами. Мол, принес такое, что хозяин будет доволен.

— Ну, так что там у тебя? — Каргор нетерпеливо взял черную шкатулку, откинул крышку.

— Извините, пожалуйста… — зазвучал на всю комнату взволнованный голос волшебника Алеши. — Не скажете ли, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?

Голос умолк. Теперь слышно было только, как падают в бочку капли талой воды. Где-то тявкнула собака.

Каргор захлопнул шкатулку. В тяжелой задумчивости провел рукой по лбу.

— Странный, странный голос. Ума не приложу, кто бы это мог быть? Чужак, не из наших мест, по голосу слышно. Ищет, где башня Ренгиста Беспамятного. Не нравится мне это. Слышал я, что по городу шляется какой-то бродяга, не то с котом, не то с обезьянкой. Но зачем ему понадобился мой братец, а? Вот в чем загадка. Молчишь, Скипп, славный парень. Ты всегда молчишь. Но все равно ты молодчага, Скипп. На этот раз и вправду принес кое-что стоящее. О чем следует подумать на досуге.

Каргор подошел к дубовой полке и поставил шкатулку, окованную по углам медью, в ряд с другими ларцами и шкатулками.

Глава 8

Немного терпения, друзья мои, и вы узнаете, почему король сегодня был в самом скверном расположении духа.

Он ходил по мраморному залу из угла в угол, и шаги его отдавались под потолком четко и тупо, как шаги караульного солдата.

Холодные мраморные стены, в углах мраморные вазы с цветами, вытесанными из разноцветных камней. Все мертвое и холодное. Даже ясные лучи солнца теряли здесь свое живое тепло. Зеркала, льдисто поблескивая, подхватывали отражения короля, передавали друг другу.

Король взял золотой колокольчик, позвонил. В дверях появился слуга, склонился в молчаливом поклоне.

— Послали за Каргором? Велели ему немедленно явиться во дворец? — нетерпеливо спросил король.

— Да, ваше величество, — прошептал слуга.

По знаку короля бесшумно исчез.

Вдруг за окном мелькнула быстрая крылатая тень, что-то резко стукнуло в стекло. Король увидел большую, черную как уголь птицу. Птица пролетела мимо, вернулась и снова ударила клювом, по стеклу скрипнули кривые когти.

Король, подхватив край тяжелой мантии, шагнул к окну и распахнул его.

В зал влетел большой ворон. От взмахов могучих крыльев качнулись занавески. Ворон сделал круг под высоким сводом зала и опустился перед королем.

На его шее между гладких черных перьев блеснул маленький серебряный медальон.

Король поднял руку, словно отгораживаясь от чего-то. И действительно, в этот миг произошло невероятное.

Ворон натужно и хрипло каркнул. Карканье его перешло не то в стон, не то в тяжелый вздох, и в тот же миг он превратился в

худого, словно иссохшего человека, с ног до головы одетого в черное.

— Каргор… — невольно отшатнулся король.

Да, он не в первый раз видел эти превращения, но всякий раз страх колючими ледяными шариками скатывался по спине.

Каргор молча и низко поклонился королю, так что черный плащ у ног собрался складками.

— Я уже больше часа жду тебя, Каргор, — недовольно проговорил король. — К тому же, не знаю, разумно ли тебе летать над городом?

В глазах Каргора под нависшими бровями сгустился непроглядный мрак.

— Ваше величество… — Каргор заговорил сбивчиво и глухо. — С каждым днем мне труднее ходить по земле. Все для меня стало чужим: эти руки, плечи, грудь. Мне тесно, я задыхаюсь в этом теле. Все чужое, как маскарадный костюм. — Каргор выпростал из-под плаща свои худые желтоватые руки и как-то странно оглядел их. Потом поднял глаза на короля и мрачно усмехнулся: — Зато как легко я теперь превращаюсь в ворона! Стоит мне только трижды каркнуть… и вот: это уже не руки, а крылья. Один свободный взмах — и я лечу. Но… Увы, ваше величество! Я волшебник, только пока я в обличье человека. Тогда, вы знаете сами, я всесилен, никто со мной не может сравниться в могуществе. А когда я превращаюсь в ворона, я теряю свой волшебный дар. Мне хорошо, мне привольно быть вороном, но я не смею им долго оставаться. Потому что вернуться в это тело, снова превратиться в человека мне с каждым днем все трудней и мучительней.

— И все же мои придворные, слуги, — поморщился король, — все видят тебя во дворце. Но никто не знает, как ты появляешься здесь и выходишь отсюда.

Каргор надменно повел плечом.

— Пустое. Пусть это не тревожит ваше величество. Придворные и так трясутся как в лихорадке при виде меня.

— Ну хорошо, хорошо, — нетерпеливо махнул рукой король. — Я не затем позвал тебя.

Король прошелся по залу и остановился перед Каргором.

— Ты знаешь, как долго я ждал этого дня, — начал король, с трудом сдерживая нарастающий гнев. — Мечтал! Большая королевская охота в Оленьем лесу. Сколько там оленей! Ну, да не мне говорить тебе об этом. Прекрасных оленей с глазами…

Король не договорил, но и Каргор не вымолвил ни слова.

Они молча смотрели друг на друга и, не выдержав, оба одновременно отвели глаза.

— Проклятые твари! — король топнул ногой. — Они слишком умны и осторожны. Весь день я гонялся за ними. И наконец-то! Под вечер из чащи на меня выскочил олень. Красавец! Он замер, дрожа, в трех шагах от меня. Я прицелился. Черт побери! В этот миг на нас обрушились лавины… Да что там! Обвалы снега! Все перемешалось: небо, земля. Клянусь преисподней, в жизни не видел такого снегопада. Проклятый олень удрал, а мы, увязая в снегу, еле живые выбрались из леса. Чьи это штучки, Каргор? Уж не подстроил ли все это твой брат, Ренгист Беспамятный?

Каргор презрительно усмехнулся и покачал головой:

— Не думаю, ваше величество. Ренгист почему-то совсем потерял память. Так, отдельные слова без всякой связи. Обрывки, осколки…

— Но тогда кто же… — начал король, но не успел договорить. Высокие двери зала распахнулись и вошли оба принца, Игни и Трагни. Еще в дверях они принялись пихать друг друга плечами. Каждый хотел войти первым.

— Отец! — воскликнул Игни. — Эта ночь принесла мне удачу. Астрель — моя! Я добыл целый сундук золотой и серебряной посуды.

— Плошки и миски! — завизжал Трагни. — Что они стоят по сравнению с изумрудами, которые я выудил из поклажи богатого путешественника три дня назад? Отец справедлив! Правда, отец? Ты сказал, что Астрель достанется тому, кто больше награбит добра!

— А жемчуг? Забыл про жемчуг?! — завопил Игни, стиснув кулаки и наступая на брата. — Я ограбил купцов, а они везли жемчуг из заморских стран. А каждая жемчужина — ну те орех. Астрель — моя! Отец, ну скажи ему, скажи!

— Игни! Трагни! Опомнитесь, дети мои! — попытался утихомирить расходившихся принцев король. — Да любая красавица почтет за счастье, если вы бросите на нее благосклонный взгляд. А тут три косточки и печальные глаза — вот и вся ваша Астрель. И вы завели из-за нее свару?

Игни и Трагни переглянулись с упрямой ненавистью.

— Прямо какое-то наваждение, — король огорченно вздохнул. — Она вас приворожила, не иначе. Что вы в ней нашли, не пойму? Волосы зеленые, словно водоросли. От нее тянет сыростью, болотом и лягушками. Бр-р!..

— Все равно я женюсь на Астрель, — насупившись, буркнул Игни.

— Нет, я! — крикнул Трагни.

Спор готов был вспыхнуть снова.

— Да вы разглядите ее получше. Жалкая девчонка. Вечно молчит, жмется по углам, обирает там паутину. Вот мы сейчас ее позовем, и вы сами убедитесь, мои родные, она недостойна вас. Ее место в поварне, на скотном дворе, а не во дворце. Эй, позвать сюда Астрель!

— Астрель! Астрель! — Петушиная перекличка голосов затихла вдали.

Каргор еще плотнее запахнул на себе длинный черный плащ. Отступил в тень, за колонну.

Послышался легкий перестук каблуков, такой негромкий, как будто падали и разбивались о камни капли дождя.

Вошла Астрель. И казалось, вместе с ней вошла прохлада и тишина.

Астрель остановилась перед королем, опустив глаза. Тени от длинных ресниц полились по ее щекам, делая их еще бледнее. Волнистые пряди длинных волос влажно поблескивали.

В зале стало чуть темнее. Мраморные колонны словно подернуло зыбью в полусвете. За окнами повисли нити редкого дождя.

В этом неясном свете Астрель в своем серебристо-сером платье казалась легкой, как тающее вечернее облако.

— Астрель… — как-то неуверенно сказал король.

Его голос заставил ее вздрогнуть. Астрель подняла на него глаза, бездонные, полные привычной печали. С мольбой сложила ладони. Кончики ее пальцев казались прозрачными.

— Отпустите меня, отпустите… Я умру, умру, если вы меня не отпустите, — послышался ее тихо звенящий голос.

— Нет! Нет! — вдруг дико и пронзительно вскрикнул Каргор. Он вскинул руки и закрыл плащом лицо. — Дай забыть! Я не могу, не могу видеть тебя! Ты ходишь за мной по пятам. Будь ты про…проклята!

Вопль Каргора перешел в хриплое удушливое карканье.

В тот же миг Каргор исчез. И к потолку, грузно взмахнув крыльями, взлетел угольно-черный ворон. Он заметался по залу, слепо ударяясь в зеркала, задевая мраморные колонны, и вылетел в распахнутое окно.

В глазах Астрель мелькнуло изумление и погасло.

— Не обращайте внимания, — недовольно сказал король. — Каргор великий волшебник, но у него есть свои причуды. Итак…

— Решено, я женюсь на Астрель! — Игни грубо схватил Астрель за плечо. — Эй, радость моя, не вырываться!

— Она моя! — Трагни вцепился брату в горло, так что тот невольно выпустил Астрель.

Вбежали слуги, придворные. По знаку короля растащили

принцев в разные стороны.

— Маленькая ведьма! Ты поссорила моих добрых мальчиков! — гневно воскликнул король. — Я прикажу бросить тебя в подземелье. Там, в темноте, ты пропадешь, сгниешь от холода и сырости!

— Пусть! Мне все равно! Лучше умереть! — с мужеством отчаяния крикнула Астрель.

Дождь усилился. Струи дождя льнули к окнам, словно хотели проникнуть в зал, заливали стекла сплошной завесой.

Астрель бросилась к дверям, слуги расступились. Стук ее каблуков затих, слившись со стуком дождевых капель.

Откуда ни возьмись, как из-под земли, выскочил проворный, юркий Врядли.

— Ваше величество! — Врядли сокрушенно развел руками. — Какой-то богатый купец просит у вас аудиенции. Твердит, что его ограбили. Но сомневаюсь, как всегда сомневаюсь…

В зал вкатился коротконогий толстячок. Его коричневый бархатный камзол был весь заляпан землей и глиной. Мясистые щеки прыгали и тряслись.

— Ваше величество! Защиты и справедливости! — еще с порога запричитал коротышка. — Меня бессовестно ограбили! Ночью на дороге на меня напали разбойники. Отняли сундук, полный посуды из серебра и золота. Цены ей нет! Я разорен!

По щекам толстяка покатились крупные слезы. Они казались сладкими и розовыми.

— Стоит ли огорчаться из-за таких пустяков, — лениво протянул король. — Что такое богатство? Так, суета, тлен. Смотрите на все философски, друг мой. Эй, кубок вина моему гостю!

Слуга с поклоном подал толстяку золотой кубок на серебряном подносе.

Тот изумленно охнул, вытаращил глаза, и вдруг лицо его расплылось в счастливейшей улыбке.

— Вот те на! Это же мой кубок. Из моего сундука! — Толстяк прямо-таки подпрыгнул от радости. Вино из кубка потекло по его пухлым, словно вылепленным из теста пальцам. — Видите, видите, вот мои инициалы «И» и «Т». Игран Толстый! Игран Толстый — так меня зовут.

— «И» и «Т» — это инициалы моих сыновей, принцев Игни и Трагни, — со скучающим видом проронил король. — И подумайте сами, каким чудом ваш кубок мог очутиться у меня во дворце?

— Справедливо, справедливо, ваше величество, — запинаясь, забормотал Игран Толстый. — Но извольте взглянуть. Вмятинка на боку. Вот она, вмятинка. Мой слуга ненароком уронил этот

кубок…

— Боюсь, ох, боюсь, и вас тоже могут уронить ненароком. А что, если у вас на боку тоже появится вмятинка, бесценный господин Игран? — пропел под самым ухом Играна Толстого юркий Врядли. В глубине его глаз поблескивали быстрые, ускользающие искры, и он лукаво опускал глаза. — Сомневаюсь, что это поведет к добру. Вряд ли, вряд ли! Сомневаюсь во всем, и вам советую. Лучше отправляйтесь-ка восвояси подобру-поздорову. Налегке оно и сподручнее. Мой вам добрый совет, пока с вами не приключилось чего похуже.

Игран Толстый испуганно выронил золотой кубок, и тот со звоном покатился к ногам короля.

— Помилуйте, ваше величество! — Игран Толстый упал на колени, словно плюхнулся на толстые подушки. — Негодяи были в масках, но я догадался, кто они. Это рыбаки! Чуть рассвело, мои слуги нашли на дороге рыболовную сеть.

Игран Толстый оперся ладонью об пол, неуклюже поднялся с колен.

— Смотрите, ваше величество! Рыболовный крючок! Впился в мой дорожный плащ.

Игран Толстый ухватил крючок, вырвал его вместе с куском бархата и протянул королю на дрожащей ладони.

Игни, не сдержавшись, пихнул локтем брата.

— Да, похоже, вы правы. Вас ограбили рыбаки, — король брезгливо тронул кончиком пальца рыболовный крючок. Вместе с тем, как ни странно, затаенная улыбка скользнула по его

губам. — Что ж! Виновные будут наказаны, и наказаны сурово.

— А… мои сундуки? — с трепетом и надеждой спросил Игран Толстый.

— Сомневаюсь! — тощий Врядли с деланным сочувствием развел руками. — Вряд ли, вряд ли найдутся. Сомневаюсь и вам советую. Народец — дрянь. Пошаливает тут народец. Вот не далее как неделю назад… Ну точно, прошла неделя. Ехали путешественники из дальних стран. Везли редкие жемчужины. И что вы думаете? Вот так же ночью на них напали разбойники. Всех перемазали сажей да еще в спешке обронили кузнечные клещи и подкову. Ясное дело — кузнецы, кто же еще. Брошены в тюрьму, заточены в подземелье.

— А жемчуг? — встрепенулся Игран Толстый.

Врядли скорбно покачал головой.

— Ищи ветра в поле! Представьте себе только, жемчужины были величиной с грецкий орех, вот жалость-то, а, господин Игран? Ну что вы скажете?

Игни и Трагни, потешаясь, переглянулись. Игни хихикнул в кулак.

Игран Толстый открыл было рот, но Врядли не дал ему сказать и словечка:

— Еще послушайте. Ехали тут как-то лесом богатые люди, знатные люди, всем известные, только я вот их не знаю. Везли с собой изумруды… Никогда не видел изумрудов такой красоты!

— Так вы их видели? — Игран Толстый даже привстал на цыпочки. — Значит, они нашлись?

— Гм… — несколько смешался Врядли, но тут же затараторил еще быстрее: — Разве я сказал «видел»? Я сказал «никогда не видел». Помилуйте, как я мог их видеть, если их украли. Просто я хотел сказать, что если бы их не украли и я бы их увидел, то тогда, конечно, я бы мог сказать, что никогда не видел изумрудов такой красоты. Поняли теперь, милый, славный господин Игран?

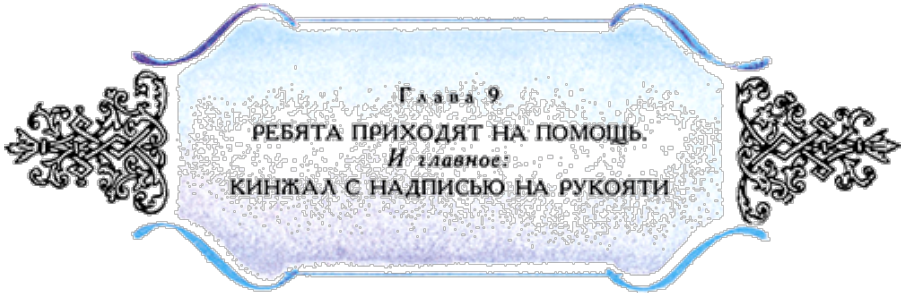
Игран Толстый только растерянно поморгал глазами. Он хотел что-то сказать, но Врядли не умолкал, слова сыпались, как горох:

— Впрочем, могу вас порадовать: разбойников мы изловили. Оказался пекарь с подмастерьями. Тащили мешок с мукой, а в мешке прореха. Да еще в канаве нашли пирожки с капустой, сдобные булочки и…

— Довольно! — нетерпеливо прервал король его болтовню. — Я устал. Рыбаков — схватить, предать суду. Каргор, наш судья, мудр, справедлив и скор на расправу. В этом наш почтенный гость сможет убедиться сам. И не далее как завтра.

Игран Толстый с молчаливой тоской посмотрел на золотой кубок, лежавший на полу в луже пролитого вина. Отвесил несколько поклонов и, пятясь, выбрался из зала.

Глава 9



А теперь, друзья мои, нам пора вернуться к волшебнику Алеше. Ведь мы уже давно ничего о нем не знаем.

Рассветало. Сквозь неплотно прикрытую дверь сарая было видно бледное небо, чуть подсвеченное розовой полоской над самыми крышами. В дверь тянуло утренним, зябким холодком.

Волшебник Алеша не спал всю ночь. Ворочался с боку на бок. Думал, напряженно искал ключ к непонятным загадкам. Зато кот Васька беспечно дрыхнул за двоих на сухом пахучем сене.

Волшебник Алеша пригладил взлохмаченные волосы, стряхнул сухие травинки, зацепившиеся за свитер, и окликнул кота Ваську.

Кот Васька лениво и сонно потянулся и вдруг вскочил, тараща круглые глаза.

— Вот те на! Мы еще тут? А я-то думал, посплю немножко, а проснусь уже дома! — разочарованно протянул он.

Волшебник Алеша ничего не ответил. Он сполз с копны сена и выбрался из сарая. Кот Васька мигом вскарабкался ему на плечо.

Пухлые облака в несколько слоев закрывали солнце. Но дул ровный теплый ветер.

Волшебник Алеша сложил шарф, сунул в карман и зашагал по улице.

Его тут же окружила стайка любопытной ребятни.

— Он — хороший, — застенчиво сказала худенькая рыжая девчушка.

— Подумаешь, важная птица! — засмеялся вихрастый мальчуган. Он приплясывал на месте, вскидывая босые ноги, и поднял целую тучу пыли. — Ишь, как чудно вырядился. Где плащ? Где шляпа?

— А почему у него кот на плече? Может, он фокусник? Бродячий фокусник? — закричал другой мальчишка.

— Эй, ты! А кот тебе зачем? Верно, билетики вынимает на счастье?

Кот Васька возмущенно зашипел и выгнул спину.

— Погадай! Погадай нам!

Мальчишки с веселыми воплями закружились вокруг волшебника Алеши. У него запестрело в глазах: рваные локти, смеющиеся рожицы, веснушки и нечесаные вихры. Кто-то показал ему длинный нос. Чья-то проворная рука вытянула шарф из кармана. Еще кто-то повис у него на руке, болтая ногами.

— Погадай! Погадай! Купит мне матушка к зиме башмаки? Нас вон сколько! Семеро братьев. А башмаки одни!

— Нет, пусть сперва мне погадает!

— Пусть скажет, как найти серебряную монетку!

— Скоро ли сборщик налогов лопнет от злости и околеет?

На ребят налетело облако пыли.

Послышалось громкое «Тпру!», и рядом остановилась карета. На козлах дюжий кучер с широкой спиной.

Ребята с визгом бросились врассыпную, кого-то успел задеть длинный безжалостный кнут.

Из окна кареты выглянул плюгавый человечек. Увидел волшебника Алешу, так и замер. Впился в него острыми, как буравчики, глазами. Забормотал про себя что-то непонятное:

— Сомневаюсь и всем советую… На кого похож? Ни на кого не похож. Странно, очень странно, непонятно и подозрительно. Кто такой, зачем, откуда и так далее?

— Это господин Врядли, — вихрастый мальчишка ткнул волшебника Алешу локтем в бок. — Удирать надо!

— Плохой… — прошептала рыжая девчушка, выглядывая из-за угла.

— Эй, стража! — во весь голос завопил Врядли. — Сюда! Схватить вот этого!

Врядли протянул руку, повелительно указал на волшебника Алешу.

С запяток кареты спрыгнули два долговязых лакея с разбойничьими рожами. В руках у обоих — ножи.

Из-за угла вихрем вылетело несколько стражников на лошадях. Сколько их, волшебник Алеша не успел сосчитать: пять или шесть. Он только услышал грохот сапог, когда они спешились.

Быстрый, как обезьянка, вертлявый человечек выскочил из кареты и двинулся на волшебника Алешу. В руке его, заведенной за спину, потаенно сверкнул холодным блеском тонкий отточенный кинжал.

«Окружают! Подлая шайка… — мелькнуло в голове

волшебника Алеши. — Дело дрянь».

Он перехватил руку Врядли, сжимавшую кинжал, и стал по одному быстро разгибать холодные цепкие пальцы. Врядли пронзительно взвизгнул, но волшебник Алеша резким толчком отшвырнул его в сторону. Кинжал упал на землю. В тот же миг сзади на волшебника Алешу, как тяжелый мешок, навалился кучер. Они оба рухнули на дорогу, но волшебник Алеша успел нащупать в мягкой пыли чуть блеснувшую рукоять кинжала.

Волшебник Алеша извернулся, коленом надавил на толстое брюхо кучера, угрожающе вскинул руку с кинжалом.

— Берегись! — послышался звонкий мальчишеский голос.

За спиной волшебника Алеши стояли двое слуг с ножами наготове.

— Прикажете связать, господин Врядли? — злорадно ухмыльнулся один из них. — Или прирезать? Это мы мигом!

Волшебник Алеша отскочил в сторону, сжимая кинжал. Пусть теперь только попробуют схватить его!

Где-то воинственно мяукнул и зашипел кот Васька. Видно, отважный кот тоже ввязался в драку.

«Не пришибли бы его ненароком…» — тревожно подумал волшебник Алеша. Он прижался спиной к шаткому забору. Толстый кучер, расставив руки, шел прямо на него. Через канаву разом перемахнули трое стражников. Один из них по-звериному пригнулся, приготовился к прыжку.

— Живьем хватайте! Он мне живой нужен! — простонал Врядли, корчась на земле. — Негодяй! Он переломал мне все

ребра.

— Ни с места! Так просто я не сдамся! — крикнул волшебник Алеша.

В этот миг толпа ребятишек с криком и гомоном высыпала на дорогу. Словно в дикой пляске они завертелись вокруг стражников. Мягкая пушистая пыль поднялась густыми клубами. Гибкие, скользкие, как рыбки, ребятишки ловко увертывались от неповоротливых верзил.

Уже ничего нельзя было разглядеть в мутном буром облаке пыли.

Толстый кучер споткнулся и всей тяжестью рухнул на господина Врядли. Стражники, кашляя и задыхаясь, бестолково метались, терли глаза, налетали друг на друга. Все смешалось: испуганное ржание, проклятия, лязг оружия.

Волшебника Алешу схватила за край свитера чья-то маленькая рука. Куда-то потянула. Он доверчиво двинулся вслед за невидимым вожатым, крикнув только:

— Кот Васька, за мной, не отставай!

— Тут я, тут! — бодро отозвался из самой гущи пыльного облака кот Васька. Волшебник Алеша вздохнул с облегчением: жив и невредим верный кот.

— Нагнись! — приказал тоненький детский голосок.

Волшебник Алеша послушно нагнулся, пролез под перекладиной в щель забора. Он немного отдышался и протер глаза.

Так вот кто спас его! Маленькая босая девочка в длинном платье с обтрепанным подолом. Волшебник Алеша увидел серьезное бледное личико, россыпь веснушек на щеках и две тощие рыжие косички.

— Сюда, сюда, скорее…

Волшебник Алеша неведомо как очутился возле уже знакомого ему старого сарая. Скрипнула дверь, косо висящая на одной петле. Он упал в душистое сено, с наслаждением почувствовал, как колют щеку ломкие стебли.

— Славное было сраженьице, а? — хвастливо заявил кот Васька. В глазах его еще горел боевой огонь. — Даже не сосчитать, скольких я перецарапал. Самого господина Врядли за нос цапнул. Попомнит он мои коготки!

Кот Васька куда-то исчез, но скоро вернулся очень довольный, благостно мурлыча и облизываясь.

Рыжая девчушка принесла волшебнику Алеше горбушку хлеба и глиняную кружку с парным молоком.

— А далеко ли отсюда до башни Ренгиста Беспамятного? — спросил волшебник Алеша.

Тут сверху из-под самой крыши, как белки из дупла, посыпались босоногие веселые мальчишки.

— Близко! Мы проводим, покажем!

Мальчишки окружили волшебника Алешу. Самый маленький весь закутался в его шарф. Обмотался им до самой макушки, оставив только щелочку для глаз.

— Хороший… — ласково шепнула рыжая девочка и погладила кота Ваську, а тот благодушно потерся мордой о ее ладонь.

В сарае было достаточно светло, и волшебник Алеша смог разглядеть надпись, опоясывающую рукоять кинжала: «Сомневаюсь и вам советую».

Он сунул кинжал за пояс. Еще соскользнет в пышную груду сена: потом ищи — не найдешь.

Поразмыслив, волшебник Алеша решил — разумнее дождаться темноты. Днем на улице как раз угодишь в лапы стражников.

Бессонная ночь брала свое. Тепло пахло сухими цветами и травами. Волшебник Алеша сам не заметил, как задремал.

Его разбудил кот Васька. Бесцеремонно ткнулся в щеку холодным мокрым носом.

— Ты что, решил тут навсегда поселиться? — недовольно спросил он. — Очень мило, ничего не скажешь.

Волшебник Алеша вздохнул, потянулся. В дверном проеме было еще светло, но в сарае уже скопилась темнота и только поблескивали ребячьи глаза.

«Пора!» — решил волшебник Алеша.

Ребята всей гурьбой вывели его на пустынную улицу.

— Вон там, там, — показали они на темневшую вдали за крышами домов башню. Издали она казалась плоской, словно угловато и неровно вырезанной из черной бумаги.

— Хороший… — ласково и грустно шепнула ему на прощание рыжая девочка.

Волшебник Алеша обернулся и помахал рукой стайке ребятишек. Они притихли и смотрели ему вслед. Их рваные одежки слились в одно темное пятно, и только белели лица и босые ноги.

«Славные ребятки! Как им помочь?» — подумал волшебник Алеша.

— Неплохие, — солидно согласился кот Васька. Видно, волшебник Алеша думал вслух. — Котов уважают. Особенно нарисованных. А что касается меня, я с хорошими людьми всегда договорюсь. Мы друг друга поймем.

Волшебник Алеша шел, осторожно оглядываясь, прижимая к

груди кинжал. С ним он чувствовал себя уверенней и спокойней.

Одинокие прохожие не обращали на него внимания.

Над темной башней Ренгиста Беспамятного, словно указывая ему путь, зажглась робкая звездочка.

Уже близко…

И вдруг случилось нечто невероятное. Кинжал словно ожил в его руке, задрожал и сам собой повернулся острием вперед. Волшебник Алеша судорожно стиснул рукоять, стараясь удержать его, но куда там!

Кинжал с силой вырвался из его руки и быстро полетел вдоль улицы. Свет фонаря коротко сверкнул на его отточенном клинке.

Волшебник Алеша проследил взглядом его полет. Кинжал долетел до конца улицы и скрылся в темноте.

— Ты чего? Вот еще придумал! — сонно пробормотал кот Васька. — Зачем такой хороший ножик кинул? Острый…

Волшебник Алеша ничего ему не ответил. Да и что он мог сказать? Он сам не знал, почему кинжал вырвался из его руки и улетел. Одно только ясно: он опять остался без оружия. Досадно и не вовремя. И к тому же: еще одна загадка!

Глава 10

Дождь кончился. Все вокруг казалось умытым и свежим. Вечерний воздух был таким чистым, что можно было разглядеть за крышами дальних домов башню Ренгиста Беспамятного, похожую на темную зубчатую тень.

Астрель невольно протянула вперед руки. О, если бы она могла каким-то чудом хоть ненадолго очутиться в башне! Среди тех, кто ее любит, в безопасности и тепле. Услышать хоть одно доброе, ласковое слово.

А вместо этого… Из-за двери доносились сиплые, резкие голоса стражников. Стражники играли в кости, бранились, ссорились из-за медяков. Нет, их не разжалобишь, не уговоришь!

Астрель ломала голову, как ей выбраться из дворца, и ничего не могла придумать.

Облака, розовея, длинными рядами бежали на запад. Солнце опускалось за верхушки Оленьего леса. Скоро, очень скоро начнет смеркаться. Что же ей делать?

Неожиданно дверь распахнулась. В комнату, отвешивая мелкие частые поклоны, вкатился толстенький человечек, маленький, приземистый, в туфлях на высоченных каблуках.

Позади теснился целый штат подмастерьев. У каждого в руках волны кружев, тонкие вуали, белый, как снег, шелк.

«Королевский портной», — догадалась Астрель.

Но круглого человечка тут же грубо отпихнул в сторону еще один портной, длинный, тощий, на журавлиных ногах.

— Меня прислал сам принц Игни, чтоб я снял мерку для подвенечного платья, — хвастливо заявил толстяк, — так что тебе, дружок, нечего здесь делать. Отваливай!

— А меня прислал сам принц Трагни, — заносчиво и чванливо возразил тощий. — Это я должен снять мерку для подвенечного платья. А ты убирайся!

Оба портных принялись безжалостно крутить, вертеть и

поворачивать Астрель.

При этом они толкали друг друга, сыпали на пол дождь булавок и трещали, как сороки:

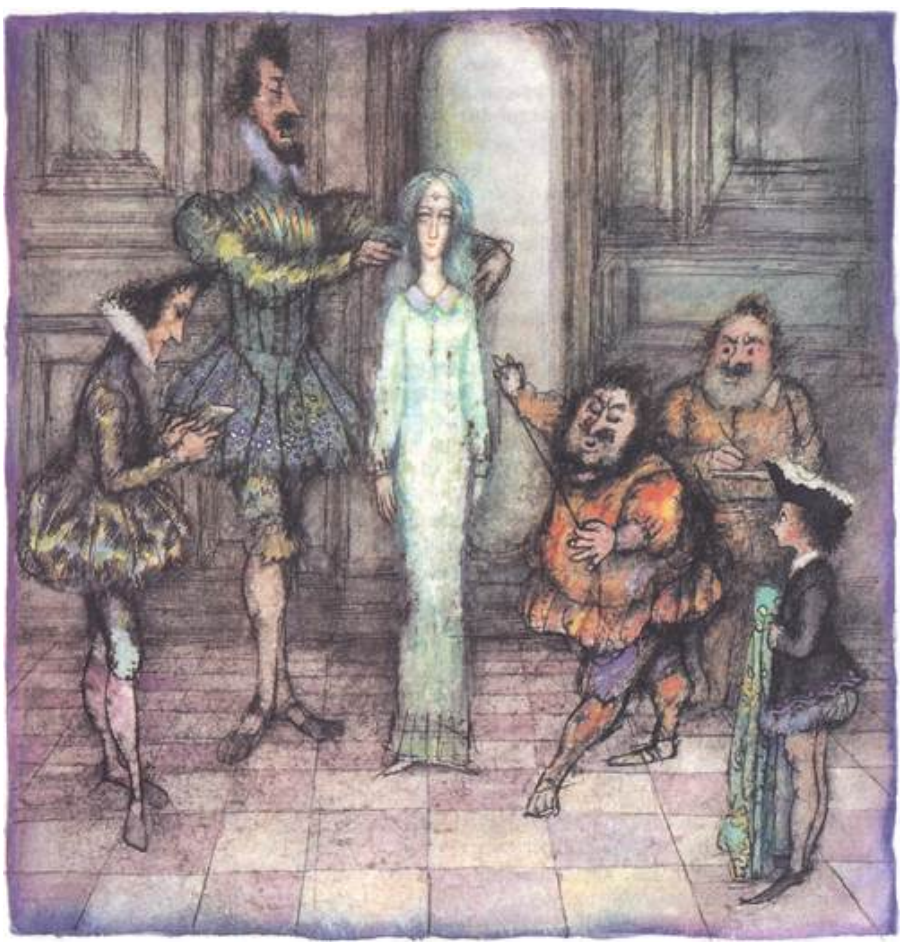
— До чего тонкая талия! Первый раз вижу!

— Плечи! До чего узенькие.

— Я сделаю юбку пошире и всю в оборках.

— Вот уморил, оборки! Ха-ха-ха! Да невеста просто утонет в оборках, и ее не будет видно. Я украшу платье сверху донизу бантами, бантами, бантами!

— Невежа! Ты, верно, хочешь сшить платье на ветряную мельницу, вот что я тебе скажу.



Астрель с тоской поглядела в окно. Небо теряло свою дневную яркость, словно выцветало на глазах.

Наконец примерка кончилась, и портные отправились восвояси. Остался только маленький портняжка. Он начал ползать на четвереньках, терпеливо подбирая рассыпанные

булавки. Астрель принялась помогать ему.

— Что вы, что вы! Я сам… — смущенно пролепетал мальчик. Он глядел на Астрель с робким восхищением.

Когда он уходил, Астрель, в наступивших сумерках, быстро и беззвучно проскользнула вслед за ним…

Астрель торопилась знакомым путем. На этот раз она сильно запоздала.

Вот и башня Ренгиста Беспамятного. По сырой стене ползли густые плети дикого винограда, словно старались укрепить, поддержать старые, потрескавшиеся камни.

Тетушка Черепаха, как всегда, ждала Астрель на лестнице, высоко подняв свечу своей словно окаменелой рукой.

Астрель быстро взбежала по разбитым, выщербленным ступеням.

Как изменился Ренгист Беспамятный! Минул только один день, а он одряхлел и состарился, словно прошли долгие годы.

Астрель села на низенькую скамейку у его ног. Камин дохнул жаром в спину. Она положила подбородок на колено старика.

Глаза Ренгиста на миг равнодушно скользнули по ней, и он снова пустым, словно невидящим взглядом уставился в огонь.

— Отец! Отец! Боже мой… Что с тобой сегодня? — с ужасом позвала Астрель. — Отец, слышишь, мне страшно, я боюсь. Король грозит заточить меня в подземелье. Там темно и холодно. Там тихо. Там не слышно шума дождя. Я там умру…

Астрель потянула Ренгиста Беспамятного за руку, он качнулся, как кукла, и снова застыл, далекий, чужой.

Отчаянье навалилось на девушку каменной плитой. Она скорчилась на скамейке. Все пропало… Дождь, дождь, живительный, смывающий печаль и усталость. Стук капель по крыше усыпительно-добрый. Никогда больше она не услышит голоса дождя.

— Прощай, отец…

Она обняла Ренгиста Беспамятного, и ее слеза, тяжелая и горячая, упала на висок старика, сбежала по его щеке к уголку губ.

Ренгист Беспамятный вздрогнул.

— Слеза! Какая горькая! Кто плачет так горько? — дико озираясь, проговорил Ренгист Беспамятный. Глаза его вдруг ожили, и все лицо сразу просветлело.

— Отец! — вскрикнула Астрель. — Это я, принцесса Сумерки!

— Сумерки… — затихающим голосом, полусонно проговорил старик.

— Только не уходи опять туда, отец. Туда, где ты забыл меня, — торопливо и бессвязно заговорила девушка. — Подожди!

Не бросай меня тут одну. Дай я согрею дыханием твои руки. Отец! Вспомни, вспомни какое-нибудь заклинание. Ведь ты знал их без счета. Вдруг оно спасет меня!

— Знал, знал, — как эхо, повторил старик. — Все рассыпалось… Я все забыл. А-а! Вот какие-то слова. Или это стая журавлей? Они кружатся надо мной. Последние… Треугольник журавлей. Не улетайте! Слова… Треугольник…

Ренгист Беспамятный со стоном стиснул лоб рукой, стараясь удержать ускользающие слова. Он заговорил, напрягая голос:

Ивер и авер, венли и вемли,
Силе волшебной тайное внемли!
Острое, звонкое в стены вонзись!
Тайна, откройся, тайна, явись!

Астрель глотнула воздуха, замерла в ожидании.

Вдруг мимо ее щеки пролетел сверкающий кинжал и вонзился в стену между камнями.

И в тот же миг воздух наполнился звоном и блеском.

Со всех сторон, легко проникая сквозь толстые камни стен, в зал влетело множество ножей, кинжалов, стрел с цветным опереньем. Со свистом рассекая воздух, они проносились мимо старика и испуганно прильнувшей к нему девушки. Втыкались в щели между камнями и замирали дрожа. Со звоном сталкивались в воздухе. Впивались в закопченные балки потолка.

Из камина вылетела старинная шпага, покрытая рыжими пятнами ржавчины, волоча за собой ветхие ножны. Воткнулась в пол прямо у ног Ренгиста Беспамятного.

Дверь заскрипела, и вошла тетушка Черепаха с подносом в руках. На подносе стояли две чашки и медный кофейник.

— Тетушка Черепаха! Скорее уходи! — со страхом вскрикнула Астрель.

Но тетушка Черепаха все так же неспешно пересекла зал, будто не сыпались вокруг нее стрелы, не сверкали клинки мечей и кинжалов.

— Ваш кофе, господин Ренгист, — медленно проговорила она и принялась расставлять чашки на столике.

Широкий нож мясника ударил ее прямо в грудь и отскочил, как от крепкого щита. Стрела со скрежетом скользнула по ее переднику.

— Ты наколдовал ножи и кинжалы, отец, — шепнула Астрель, скорее себе самой, чем вновь погрузившемуся в свое дремотное забытье Ренгисту Беспамятному. — Но они меня не спасут.

Над ее головой пролетел тонкий отточенный кинжал и

глубоко ушел в высокую спинку кресла. Астрель успела разглядеть крошечные золотые буквы вокруг рукояти.

«Лучше бы он вонзился в мое сердце…» — подумала Астрель.

Ей показалось, что замшелые камни подземелья неумолимо надвигаются на нее, смыкается над головой. Все кончено.

Астрель с трудом встала. Какая слабость…

И вдруг… Что-то на миг заслонило свет. Через зал пролетел тяжелый топор, сверкнув в блеске огня. За ним — человек, крепко ухватившийся за топорище. Острый топор так и рвался из рук, но человек не выпускал его.

Пролетая над низким столиком, он смахнул ногой кофейник и чашки. Тонкий звон разбитой посуды потонул в железном лязге и грохоте.

Топор с силой врубился в дубовую скамью. Человек рухнул перед скамьей на колени. Он мгновенно вскочил на ноги, вырвал туго заклинившийся топор и с изумлением огляделся.

Он был совсем юн. Сероглаз и высок. Светлые волосы путано падали на лоб. На юноше была простая холщовая куртка с широким кожаным поясом, какие носят мастеровые. Он отлепил от щеки влажный дубовый листок.

— Лес так и хлестал меня ветками. Я пролетал между деревьями… — словно оправдываясь, сбивчиво проговорил юноша. Похоже, он сам не очень-то понимал, что говорит.

— Ах ты бессовестный! — набросилась на него тетушка Черепаха. — Где это видано без спросу влетать сквозь стены в чужой дом? Заявился без приглашения, да еще перебил дорогую

посуду моего господина!

Но юноша, казалось, не слышал ее. Остановившимся, полным изумления взглядом он смотрел на Астрель. Словно глазам не верил.

Астрель стояла, держась за плечо Ренгиста Беспамятного. Ее волосы с серебристо-зеленым отливом упали на выцветший камзол старого волшебника.

Между тем пронзительный свист ножей и кинжалов становился все тише и реже. Да и с самими ножами и шпагами творилось что-то странное. Они медленно уходили в стены, в балки потолка, постепенно исчезали между камнями. Старая ржавая шпага по рукоять ушла в пол и вдруг рассыпалась в прах вместе со своими источенными временем ножнами.

Только остро отточенный топор в руках юноши блестел, отражая игру огня в камине. И все глубже уходил в спинку кресла Ренгиста Беспамятного тонкий кинжал с золотой надписью вокруг рукояти.

— А ну, убирайся отсюда, чтоб духу твоего здесь не было! — в сердцах проговорила тетушка Черепаха и со скрипом наклонилась, чтобы подобрать осколки посуды.

Юноша, не отводя взгляда от Астрель, как во сне, попятился к двери. Вдруг из кармана его куртки выпорхнула юркая птичка с хохолком на макушке и уселась у него на плече.

— Ну уж это чересчур! — затараторила птичка Чересчур, ибо это была именно она. — Знаете ли вы, с кем говорите? Это же Гвен — Хранитель Леса! Собственной персоной. Извольте говорить с ним повежливей!

— Гвен Хранитель Леса… — еле слышно прошептала Астрель, и голос ее был как шелест тихого дождя.

— Гвен строил мне такой хороший домик! — гневливо тараща круглые глазки, не умолкала птичка Чересчур. — С башенкой и балконом. Да, да, с балконом, обратите внимание. Я тем временем шмыг к нему в карман. Там попадаются иногда превкусные крошки. И вдруг что-то налетело, закружило. И вот те на! Нас куда-то несет. Летать на собственных крыльях — с удовольствием! Но летать в чужом кармане — это уж, согласитесь, чересчур!

— Это правда, — еще задыхаясь, проговорил юноша. — Я мастерил домик для птички Чересчур. Вдруг топор рванулся из моих рук. Это топор моего отца, а ему он достался еще от деда. Я сжал его изо всех сил. Вдруг я почувствовал — ноги мои отрываются от земли и я куда-то лечу. Ветки, деревья, потом, кажется, я летел над городом. И вот я тут. Я не знаю, где я и кто вы.

— Он сказал, что не знает господина Ренгиста! — тетушка Черепаха обомлела от возмущения. — Вот до чего я дожила. Ну и времена! Не знать господина Ренгиста и Астрель принцессу Сумерки! Ведь это свету конец!

— Астрель… — дрогнувшим голосом повторил Гвен. — Так звенит ручей на камнях в глубине леса, поздно вечером, в темноте.

— В темноте! — вскрикнула Астрель.

Она подбежала к окошку. В густой синеве вечернего неба уже зашевелились первые звезды.

— Я погибла! — Астрель посмотрела на Гвена прощальным взглядом, полным боли и недосказанности, и бросилась к двери.

— Астрель! — крикнул юноша.

Она остановилась, оглянулась через плечо.

— Кто бы ты ни была, Астрель, я пойду за тобой. Клянусь, я защищу тебя от любого врага! — торопливо шагнув к ней, проговорил юноша.

Астрель благодарно улыбнулась Гвену и покачала головой. Мудрой и горькой не по годам была ее улыбка.

— Ты не сможешь идти туда, куда я иду, и никогда не найдешь меня.

— Поторопись, девочка, — позвала тетушка Черепаха, и сколько нежности было в ее глухом голосе! Она стояла в распахнутых дверях с горящей свечой. — Скоро ночь. Как бы тебя не хватились. Поторопись. Терпеть не могу это слово, да делать нечего.

Астрель побежала вниз по уходящим в темноту ступеням. Гвен опрометью бросился за ней.

Птичка Чересчур уселась на каминную доску, недовольно переступая лапками: слишком жарко. Потом перепорхнула на спинку кресла.

— Глупо, очень глупо, — недовольно прочирикала она. — Не знаю, как у вас, у людей, но у нас, у птиц, это называется любовь с первого взгляда. А потом, глядишь, все не то и не так. Чересчур поспешно!

Птичка Чересчур сорвалась с места, покружилась немного и уселась на плечо Ренгиста Беспамятного.

— А все равно она мне понравилась, эта Астрель, — с вызовом вскинула голову птичка Чересчур. — Да! Очень мила и такая легкая. Ей бы немного перышков, пару крыльев, и я бы научила ее летать. Вот что я вам скажу, и не пытайтесь меня переубедить!

Дверь со стуком распахнулась, в зал ворвался Гвен.

— Где она? Куда вы ее спрятали? — закричал он, озираясь по сторонам. Юноша начал метаться по залу, с грохотом опрокинул стул. — Я бежал за ней, а она… Как в воду канула. Где она?

Никто ему не ответил. Тетушка Черепаха хмуро молчала. Ренгист Беспамятный дремал. Лицо его подергивалось, и было видно, что ему снятся бессвязные, путаные сны.

— Я увидел ее внизу на лестнице, — топнул ногой Гвен. — Она обернулась и, клянусь, поглядела на меня. Ей мешали волосы, она откинула их и поглядела на меня. А когда я выскочил на улицу, ее не было. Исчезла! Шли люди, но ее нигде не было. Потом мне показалось, что она пробежала мимо таверны. Блеснули ее волосы в свете фонаря. Я кинулся туда — опять никого! Где она, говорите, я заставлю вас сказать!

— Бедная, бедная девочка… — вместо ответа прошептала тетушка Черепаха. Охая, она принялась подбирать осколки посуды и складывать их в свой жесткий передник. — Лишь бы она успела.

Снизу послышался стук. Кто-то стучал в дверь. Сначала негромко. Потом кто-то несколько раз ударил в дверь кулаком.

— Она! — Гвен, как молния, бросился к окну, и тут же голос его разочарованно упал. — Нет… Это не она. Какой-то человек. Странный такой…

Тетушка Черепаха выпрямилась, кряхтя потерла поясницу.

— Кого еще принесло? — проговорила она. — Нет покоя моему господину. А он так слаб и болен.

Тетушка Черепаха заковыляла к окну.

— Чудной какой-то, — удивленно протянула она. — И одет несуразно. На шее шарф, а на плече…

Птичка Чересчур перепорхнула к окну.

— Да это же кот! У него на плече кот! — возмущенно запищала она. — Да еще полосатый. Ну, знаете ли! Это уже чересчур!..

Тем временем Астрель, невидимая в сумерках, одним духом перебежала мост Зевни-Во-Весь-Рот. Ей казалось, что в груди у нее, раскачиваясь, бьет колокол. Не вздохнуть.

Заслышав ее частые, пугливые шаги, сборщик податей протянул свою короткопалую руку и чуть было не ухватил девушку за край платья.

— Кто тут? — хрипло крикнул он в пустоту. — Эй, деньги плати! Плати деньги!

Но Астрель была уже далеко. Не чуя под собой ног, она бежала по улицам. Каждое освещенное окно пугало ее. Свет уличного фонаря на углу заставил ее шарахнуться в сторону, словно она была ночной птицей.

Еще издали она увидела, как одно за другим зажигаются окна в королевском дворце. Слуги вереницей переходили из зала в зал, зажигая висячие люстры.

Астрель застонала. Нет, быстрее она бежать не может. А надо быстрее.

Под навесом темной арки неподвижно стояли стражники, не то люди, не то статуи. Надвигающаяся ночь давила тишиной, унынием, медленно текущим временем.

Волосы Астрель зацепились за чугунный завиток решетки. Астрель безжалостно рванула спутанную прядь. Один из стражников закашлялся, прочищая горло.

Но Астрель уже торопливо бежала через сад. Розы погасли в темноте, утонули в густой черной зелени.

Лестница… Боже мой, какая она длинная! Кажется, тысячи и тысячи ступеней. Скорее! За ее спиной слышны мерные, важные шаги. Это поднимается по лестнице слуга, чтобы зажечь свечи в ее комнате.

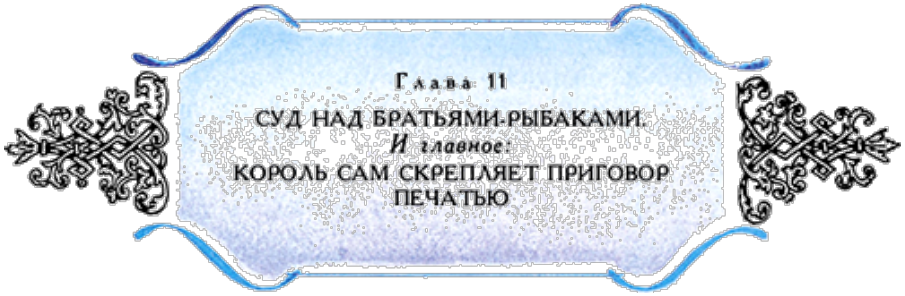
Астрель собрала последние силы. Что с ней? Ноги словно скованы цепями. Стон вместо дыхания…

Астрель рывком распахнула дверь. Все! Какое счастье, она не опоздала.

Слуга с тяжелым канделябром в руках, ступая по мягкому ковру, поднялся на самый верх лестницы.

В последний миг он успел увидеть, как закрывается дверь в комнату принцессы Сумерки. Мелькнул край серебристого платья и туфелька с острым каблуком.

Глава 11



Рано утром, едва только стукнула в окне первая рама, по улицам города прошел королевский глашатай.

Одежда его пестрела пышными гербами, в руке он нес длинный свиток, перевитый лентой.

— Суд! Сегодня в десять утра состоится суд! Справедливый и великодушный, в десять утра! — монотонно и равнодушно выкрикивал он на всех перекрестках.

Но у каждого, кто его слышал, тоскливо замирало сердце. Что-то будет!

День выдался непогожий, унылый. Клочковатые тучи затянули солнце. Ветер разгонял их, но тут же наползали новые.

Задолго до назначенного срока у высоких стрельчатых дверей собрались жители города. Тревожные лица. Старики грузней, чем обычно, опирались на посохи. Дети пугливо жались к матерям.

Ровно в десять стражники распахнули двери, на створках которых были вырезаны львы с грозно оскаленной пастью.

Люди, притихнув, вошли в тускло освещенный зал.

На помосте стоял длинный стол, покрытый скатертью с тяжелыми кистями, и судейские кресла. Все виделось в какой-то дымке. Судьи в черных мантиях шевелились, как летучие мыши. Мутно белели в полумраке их руки и лица.

Пустовало только одно кресло. Это было кресло главного судьи Каргора. Время шло, но Каргор на этот раз что-то запаздывал. Так еще не бывало.

Судьи перешептывались, наклонялись друг к другу, искоса то и дело поглядывали на пустое кресло.

Люди в зале примолкли настороженно и тревожно, и дыхание их было как один тихий вздох.

Стрелка башенных часов совершала круг за кругом. Каждые полчаса слышался гулкий, раскатистый звон, но Каргор все не появлялся.

Заметное беспокойство охватило судей. Они отрывисто переговаривались. Опрометью куда-то побежал слуга. Писец уронил перья, неловко и торопливо собрал их дрожащими руками и снова рассыпал.

В стороне сидел Игран Толстый. Он нетерпеливо ерзал на скамье, словно никак не мог усесться поудобней. Не без опаски поглядывал на людей в зале, сокрушенно вздыхал, вытирал платком потную шею.

Время давно перевалило за полдень.

С улицы послышались повелительные громкие голоса, щелканье бичей, звон оружия. Четкое цоканье копыт по плитам площади.

— Король! Прибыл сам король! Виданное ли дело… — прошелестело в толпе.

Вошел король, опираясь рукой на плечо маленького пажа. Это был худенький, бледный мальчик в голубом бархате с круто завитыми волосами. Но рот его был напряженно сжат, в глазах застыл недетский испуг.

— Где Каргор? Почему его нет? — голосом тихим, но не предвещающим ничего доброго, спросил король.

Его долговязая фигура, одутловатое лицо, сплющенный утиный нос могли бы показаться смешными, если бы не надменность движений и холодный взгляд.

Растерянные, перепуганные судьи с виноватым видом разводили руками, подобострастно кланяясь.

Вдруг слуги шарахнулись в стороны, из дверей пахнуло леденящим холодом и в зале появился Каргор. Он на миг помедлил в дверях и направился к своему креслу. Но все заметили, что походка его была неверной, шаткой, будто каждый шаг давался ему с трудом.

— Ты с ума сошел, Каргор! — прошипел король, бросив косой взгляд на толпу. — Это нельзя тянуть долго…

И только маленький паж расслышал слабый, измученный голос Каргора:

— Ваше величество… это случилось со мной впервые. Я обернулся вороном и вылетел из своей башни загодя. Времени у меня было довольно, я мог не спешить. Пролетая над башней Ренгиста Беспамятного, я не удержался и заглянул в окно. Много лет я не видел своего братца. Дряхлая развалина — вот каким он стал, я едва узнал его. Я не почувствовал жалости, нет. Старые счеты, государь, старые счеты. Радость, торжество охватили меня. Но я помнил, сегодня суд над рыбаками и надо поспеть вовремя. Я опустился на землю, чтобы принять обличье человека, и… не смог. Проклятье! Вновь обернуться человеком мне не удавалось.

Десятки раз я взмывал вверх и с силой ударялся о землю. Все напрасно! Как описать мой ужас! Но вдруг я почувствовал: да, я снова человек и обеими ногами стою на земле. Это не к добру, государь. Мне должно быть осторожней…

Паж съежился под тяжелой рукой короля. Крепко прижал ладонь к губам, у него зуб на зуб не попадал от страха.

— Пустое, — нетерпеливо дернул плечом король. — Глупости и бредни. Пора начинать, поторопись!

По знаку Каргора ввели братьев-рыбаков, рослых, рыжеволосых. У обоих были мужественные, открытые лица с добрыми веснушками на щеках. Звон цепей сопровождал каждый их шаг.

Невнятный ропот пронесся по залу и стих.

Кто-то из подручных слуг кучей вывалил на стол перед судьями спутанную рыболовную сеть. Кое-где поблескивала прилипшая чешуя.

— Это они, они! Что, попались, голубчики! — вдруг взвизгнул Игран Толстый. Он оперся ладонями на скамью и неуклюже приподнялся. — Это они украли мою чудесную посуду! Золотую и серебряную. Я их узнаю, хотя я их не видел. То есть я их видел, только вот беда, не мог разглядеть толком. А как их разглядишь, если эти разбойники и негодяи были в масках?

Гул возмущения волной прокатился по залу:

— Коли не разглядел, так и молчи!

— Такие честные парни!

— Мы все их знаем! Они не воры!

Король окинул беглым взглядом толпу и резко повернулся к Каргору:

— Довольно! Молчать! Вина их доказана. Зачитай приговор, судья!

— Мы никогда не видели этого толстого господина. Не понимаем, о чем он говорит! — крикнул старший из братьев. Он поднял руку. Зазвенели цепи. — Клянусь, наша совесть чиста!

— А почему рыболовная сеть оказалась на дороге? Чья она?

Каргор посмотрел на рыбака своими леденящими душу глазами.

— Мы вернулись с ловли как всегда. Сеть повесили сушиться на жердях возле дома. Потом она пропала. Это святая правда! — упрямо тряхнул головой старший брат и сделал шаг вперед. Но рука стражника тяжело надавила ему на плечо.

— Посуда! Моя посуда! — снова взвизгнул Игран Толстый. Он с мольбой протянул к судьям руки с розовыми, как у младенца, пухлыми пальцами, заговорил угодливо, льстиво: — Господа, добренькие судьи! Пусть они отдадут мне мои кубки и

подносы, а потом делайте с ворами что вашей милости угодно. Мне все равно, только верните мне мое добро!

— Мне надоел этот человек, — король нетерпеливо нахмурился.

Двое стражников вмиг подхватили Играна Толстого под мышки и стянули с лавки. Они пронесли коротышку через весь зал, а он истошно выкрикивал что-то, болтая в воздухе толстыми ножками. Стражники вынесли его из дверей. Писклявый голос затих.

Каргор медленно-медленно развернул свиток.

Пальцы не слушались его, словно это была не бумага, а скатанный в трубку лист железа. На впалых висках проступили капли пота.

— Именем справедливейшего из королей, — начал он. Голос его звучал глухо и невнятно, словно доносился из-под земли. — Братья-рыбаки Ниссе и Лесли с Окуневой улицы из дома, что напротив лавки башмачника, виновны в ограблении достопочтенного господина Играна Толстого! Улики налицо, и вина их доказана. Суд присуждает их к вечному заключению. Отныне и до скончания жизни они не увидят никого и никто не увидит их!

Из глубины зала послышались громкие горячие голоса:

— Они же ни в чем не виноваты, за что?

— Не они первые ложно осуждены!

— Где пекарь и его подмастерья? Где кузнец Верлик?

Надрывно зарыдала какая-то женщина:

— Ниссе, мой Ниссе, родной!

Зал грозно шумел. Невидимые в полумраке люди вскакивали с мест, и гнев волнами прокатывался по их рядам.

— Каргор, надо кончать… — торопливо, шипящим шепотом приказал король. Паж съежился возле него, сжался комочком. — Скрепи приговор печатью!

Но Каргор почему-то медлил.

— Ну! — бешено топнул ногой король. — Торопись! Разве ты не видишь?..

Каргор медленно потянулся к большой печати, лежавшей на столе перед ним.

Но тут лицо Каргора начало странно меняться. Брови нависли над глазами, а сами глаза стали круглыми, и тусклый огонь зажегся в их глубине. Нос вытянулся, хищно загнулся книзу и заострился.

Рука Каргора повисла в воздухе, словно не решаясь опуститься. Наконец, собравшись с духом, Каргор схватил судейскую печать…

И в тот же миг его рука превратилась в птичью лапу. Длинные кривые когти блеснули как старый янтарь.

Каргор хрипло вскрикнул и выронил печать. И тотчас же птичья лапа снова стала человеческой рукой.

— Мамка, это ворон! — тоненьким испуганным голосом вскрикнул маленький мальчик на руках у матери.

— Ворон? — Каргор быстро, по-птичьи повернул голову, круглыми страшными глазами уставился на толпу. — Кто сказал… ворон?

Никто не ответил ему, все словно оцепенели под этим нечеловеческим взглядом.

— Боюсь! Боюсь! — заплакал ребенок, но мать прижала его личико к своей груди, заглушая плач.

— Ну что ж, если так… я сам скреплю приговор печатью, — стараясь скрыть замешательство, проговорил король, голос его утерял былую властность.

Кто-то из судей подал королю печать. Капнул расплавленный сургуч. И король с силой надавил на сургуч печатью.

Стража окружила со всех сторон братьев-рыбаков. Отныне их никто не увидит. Никогда…

— Прощайте! — донесся голос старшего брата.

Но все заглушили грубые окрики стражников, лязг цепей, звон и скрежет оружия.

Слуги распахнули золоченые дверцы королевской кареты.

— Славно я поохочусь! — облегченно вздохнул король, садясь в карету. Он всей тяжестью оперся о плечо пажа, так что

мальчишка еле устоял на ногах. — Дело кончено. Вот теперь это будет поистине королевская охота!

У маленького пажа в глазах стояли слезы, и ему показалось, что у короля четыре ноги, а спина застилает полнеба. Он поскорей захлопнул дверцу кареты с золоченым гербом.

«При чем тут охота? — подумала, пролетая мимо, птичка Чересчур. — Суд, рыбаки и вдруг королевская охота! Одно не вяжется с другим. Бестолочь, воробьям на смех. Э, да кто их разберет, этих людей? Мне-то уж, во всяком случае, некогда. Столько дел, столько дел! Особенно сегодня. Просто чересчур много дел!»

Глава 12

Теперь вернемся назад, друзья мои.

Вы, надеюсь, помните, что Астрель так быстро убежала из башни Ренгиста Беспамятного, что Гвен Хранитель Леса не смог догнать ее.

И конечно, вы догадались, кто в это время постучал в дверь башни. Да, да, вы не ошиблись! Это был не кто иной, как волшебник Алеша. А на плече у него сидел сердитый и вконец изголодавшийся кот Васька.

Если бы вы пять минут спустя заглянули в зал, где у горящего камина безразличный ко всему сидел в своем кресле Ренгист Беспамятный, вы бы сильно удивились.

Посреди зала, как всегда суровая и невозмутимая, стояла тетушка Черепаха, а Гвен и волшебник Алеша, перебивая друг друга, засыпали ее вопросами.

— Куда она убежала? Что вы молчите? Отвечайте, ну? — это нетерпеливо спрашивал, конечно, Гвен Хранитель Леса.

— Кто этот величавый старик? Это и есть Ренгист Беспамятный? — это уже спрашивал волшебник Алеша.

— Почему она так торопилась, будто за ней кто-то гнался?

Тем временем сверкающие ножи и мечи ушли в толщу стен и пропали. Последняя стрела с пестрым оперением скрылась между плитами пола.

Острый кинжал, опоясанный по рукояти золотыми буквами, пронзил насквозь спинку кресла Ренгиста Беспамятного и полетел прямехонько к распахнутому окну. В последний момент волшебник Алеша ловко ухватил его за рукоять.

— Посмотри-ка! Вернулся ко мне старый знакомец. Вот и надпись та же самая: «Сомневаюсь и вам советую», — удивился волшебник Алеша, разглядывая кинжал. — Хотя, по правде сказать, я сразу смекнул: неспроста в этом зале столько всяких ножей и кинжалов. Тут какое-то волшебство, ясное дело. А

теперь, похоже, они возвращаются назад, откуда прилетели. Что ж, может статься, ты мне еще пригодишься, кинжал господина Врядли!

Кинжал шевельнулся в его руке и затих.

— Какая опасность грозит Астрель? Я должен знать! — Гвен схватил за плечо тетушку Черепаху. Но она сердито стряхнула его руку.

— Я получил это письмо. Его написала принцесса Сумерки. Взгляните, пожалуйста, — волшебник Алеша сунул руку в карман, но письма не было, хрупкая бумага рассыпалась в прах, в мелкие клочья.

— Все врешь. Нет у тебя никакого письма, обманщик! — с угрозой прохрипела тетушка Черепаха.

— Было письмо, подтверждаю! — оскорбленно пискнул кот Васька.

Птичка Чересчур, с любопытством вертя головкой, поглядывала то на Гвена, то на волшебника Алешу.

— Я пришел сюда, чтобы помочь вам, но я должен знать…

— Она чего-то боялась! — перебил волшебника Алешу Гвен. — Сердце мне сказало. Где она? Где мне ее искать?

— Эх, молочка бы попить… — вздохнул кот Васька.

Тетушка Черепаха с каменным спокойствием слушала их и, похоже, вовсе не собиралась отвечать. Она повернулась и не спеша затопала к двери. Каждый ее шаг раскатисто и гулко отдавался под сводами зала. Тетушка Черепаха вернулась, держа в руках глиняную миску с молоком, с натугой наклонилась, так что скрипнуло жесткое платье, словно сделанное из костяных пластинок. Подтолкнула кота Ваську ногой к миске с молоком.

Кот Васька перевернулся в воздухе и неловко растянулся на полу, к большому удовольствию птички Чересчур.

— Нет, каковы манеры! Никакого представления о вежливости, — оскорбленно зашипел кот Васька.

Но, отведав молока, нашел, что оно преотличное. Он снисходительно посмотрел на тетушку Черепаху и принялся с удовольствием лакать молоко.

— Своих дел по горло, а тут еще с вами болтай попусту, — досадливо пробурчала старуха. Но, увидев, с каким отчаянием ждет Гвен, кивнула ему. — Астрель… Принцесса Сумерки… Ну и что Астрель? Я все про нее знаю, у девчонки нет от меня секретов. Она не помнит ни отца, ни матери. Росла одна в холодном пустом замке. Сама мне рассказывала: бывало, весь день напролет зябла возле высокого окна, все ждала чего-то. Бедная малышка! Ничего не знала, где отец, где мать, живы ли. Спрашивала слуг — они ни гу-гу. Как будто боялись чего-то. Один за другим уходили и не

возвращались, словно замок был зачумленный. Шли годы. И вот Астрель одна-одинешенька отправилась в путь. Она готова была объехать весь свет, лишь бы хоть что-нибудь разузнать о своих. Немало дней скиталась она, пока однажды на проезжей дороге ее лошадь не схватили под уздцы братцы, добрые и славные Игни и Трагни, детки нашего короля, будь они прокляты! С тех пор и держат ее во дворце, как птичку в клетке.

— В клетке?! — в ужасе подпрыгнула птичка Чересчур. — В клетке… Ах, не говорите таких слов! Это чересчур страшно.

— Между прочим, нигде так не погреешься, как у камина, — очень довольный, заметил кот Васька. Он тем временем свернулся клубочком на ковре у ног Ренгиста Беспамятного. — Камин! Прелесть какая! Живой огонь, не то что батареи у нас в доме. Конечно, не надо лезть слишком близко, особенно тем, у кого такая красивая шерстка. Вот когда вернемся, я всем котам во дворе расскажу…

— Прекрати, — негромко, но строго одернул его волшебник Алеша.

— А почему Астрель не пробует убежать из дворца? — с волнением спросил Гвен.

— Попробуй убеги, какой умник нашелся! Сколько раз она убегала, — проворчала тетушка Черепаха. — Слушай последнее. И довольно. Больше я ничего не скажу. Все равно нет ей спасенья. Знай: в сумерках Астрель становится невидимой. Она может незаметно ускользнуть из дворца. А дальше что? На всех улицах стража с фонарями. Ночью не схватят, так утром поймают. Да и куда ей бежать?

— В лес! — Гвен вскочил на ноги. — Только бы ей выбраться из дворца. Я спрячу ее в лесу, там никто ее не сыщет. Деревья — мои друзья — скроют ее в своей тени, птицы будут служить ей.

— Служить?! Только не я! — надменно и гневно взъерошила перья птичка Чересчур, но тут же смягчилась: — Впрочем, я могу стать ее подругой. Она — милая. Я даже расскажу о ней господину Каргору. Он мой хороший приятель. Я к нему запросто летаю и рассказываю все новости.

— Да я сверну тебе шею! Посмей только сказать ему хоть слово! — свирепо прохрипела тетушка Черепаха. — Как ты посмела сюда явиться, дрянь ты этакая, если якшаешься с этим дьяволом Каргором!

— А вот тут вы не правы! — бесстрашно воскликнула птичка Чересчур. Но на всякий случай она взлетела повыше и уселась на прокопченную потолочную балку.

Птичка Чересчур, чувствуя себя в безопасности, строптиво вскинула головку.

— Это вот вы вздорная и злая, госпожа тетушка Черепаха! А господин Каргор самый добрый на свете. Он обещал спасти нас от страшного ворона, который завелся в нашем лесу и губит невинных птичек. Вот что он мне сказал: «Я только закончу одно неотложное дельце, и весь к вашим услугам. Мне надо кое-что уничтожить, погасить…» Вот что он мне сказал. А я сама видела, что он хочет погасить. Маленькую голубую искру. А она горит и не гаснет. Прямо беда!

— Что ты сказала, птичка Чересчур? Голубая искра? Горит и не гаснет? — встрепенулся волшебник Алеша. — Это любопытно! Ну-ка расскажи поподробней.

— Да слушай ты ее больше, — гневно проскрипела тетушка Черепаха. — Была бы у меня под рукой метла или жердь подлиннее, я бы ей показала…

— Да, горит и не гаснет, — птичка Чересчур насмешливо посмотрела на тетушку Черепаху. — Но он ее непременно погасит, И тогда господин Каргор обещал…

Но птичка Чересчур не успела договорить…

Потому что Ренгист Беспамятный, до сих пор равнодушный ко всему, словно окаменевший, вдруг вздрогнул и медленно приоткрыл глаза.

— Каргор… Обещал… Знакомые слова. Ты обещал мне… — глухо проговорил он, и столько страдания, неизжитой боли было в его голосе, что все стихли, глядя на него. — Каргор, ты обещал мне, что я услышу ее голос. Голос моей Дождирены. Взамен ты потребовал: «Отдай мне за это, что бы я у тебя ни попросил». Я согласился и скрепил свое слово клятвой. И я услышал ее голос…

Ренгист Беспамятный оперся на ручки кресла и встал. Он встал так тяжело, как если бы мраморная статуя поднялась с мраморного кресла. Он стоял выпрямившись, величественный, словно былое могущество вернулось к нему. Волосы седым серебром падали ему на плечи, в глазах, не проливаясь, стояли крупные слезы.

Вдруг он пошатнулся, словно силы покинули его.

Волшебник Алеша бросился к нему и успел поддержать рухнувшего ему на руки дряхлого, беспомощного старика. И только он один услышал его угасающий шепот:

— Потом… Потом я сдержал свою клятву, Каргор. Я отдал тебе то, что ты потребовал. Хотя знал, что это смерть, что это страшнее смерти…

Волшебник Алеша и тетушка Черепаха усадили в кресло Ренгиста Беспамятного, и он снова погрузился в безжизненный сон и молчание.

— Растревожили моего доброго господина, — причитала

тетушка Черепаха, заботливо укутывая старика мягким бархатным плащом. — Явились сюда какие-то бродяги, коты, дрянные пичужки. Мальчишка из леса. И вправду, кто ты такой, и не пойму, чего тебе надо? — Тетушка Черепаха подозрительно покосилась на волшебника Алешу.

— Мяу! — отчаянно взвыл кот Васька. Тетушка Черепаха нечаянно наступила ему на хвост. — Ну и лапа у вас, надо сказать! Будьте поосторожней, если у вас такие лапки! Поспать не дают порядочному коту.

И он снова свернулся клубком у ног Ренгиста Беспамятного.

Волшебник Алеша в задумчивости потер лоб. Слишком много странного и необъяснимого обрушилось сразу на него. Как будто в этой сказке все страницы перепутаны.

Птичка Чересчур… А тетушка Черепаха? Почему она так ненавидит Каргора? Ренгист Беспамятный. Его непонятная, бессвязная речь. Какая тайна стоит за ней? И главное: голубая искра. Почему она горит и не гаснет и почему ее хочет погасить Каргор? Не здесь ли разгадка всего? Может быть, это и есть та ниточка, за которую надо потянуть, и тогда весь клубок…

Значит, так. Значит, надо непременно проникнуть в башню Каргора. Чем бы это ни грозило. К тому же у него есть кинжал с надписью на рукояти. Так что голыми руками его не взять.

— Птичка Чересчур, — негромко окликнул Гвен маленькую птичку. — У меня к тебе дело. Очень важное. От этого зависит жизнь и смерть. Слышишь, птичка Чересчур?

— Ты — наш друг, Гвен Хранитель Леса. — Птичка Чересчур перелетела к нему на плечо и на миг с нежностью прижалась своей быстрой головкой к его щеке. — Поверь, я сделаю для тебя все, что смогу.

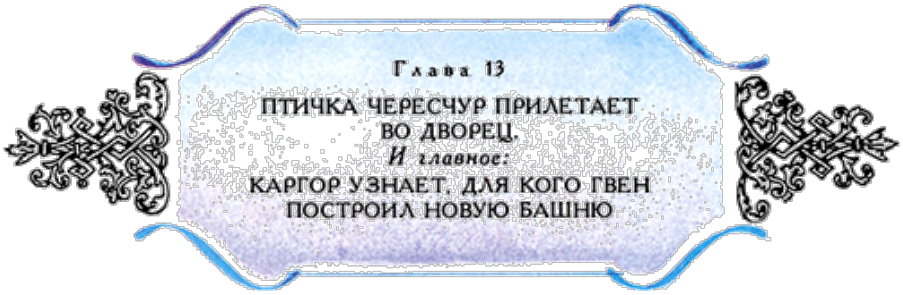
— Добрая душа, хоть и дуреха, — вздохнула тетушка Черепаха.

Дрова в камине догорели. Казалось, алые угли тихо шевелятся под мягким пеплом.

Небо на востоке посветлело. Проплыло высокое розовое облако.

— Вот и утро. Развели разговоры на всю ночь, — недовольно проскрипела тетушка Черепаха. — А толку что? Одна болтовня, и все. Разве кто поможет в нашей беде?

Глава 13



Астрель сидела в большом глубоком кресле, поджав под себя ноги.

Солнце грело ей руки и колени. Теплое, полное радости, оно говорило ей о какой-то другой жизни, мешало думать.

«Гвен… Гвен Хранитель Леса… Какие у него добрые глаза! Он совсем молодой, а руки старше. Видно, много поработали. Он — сильный. А как он смотрел на меня! Удивленно. Ну точно ребенок».

Астрель слабо улыбнулась, но улыбка быстро угасла. За эти годы она совсем разучилась улыбаться. Она больше никогда, никогда не увидит Гвена Хранителя Леса. Там, в глубоком подземелье, куда ее бросят, будут только камни вокруг, бездушные, мертвые. Но даже там кто ей запретит думать о Гвене?

За окном послышался капризный тоненький голосок:

— Чересчур, чересчур много окон! Поди отыщи, какое нужно. А, вот она, Астрель! Ну, наконец-то.

В окно влетела птичка Чересчур. Облетела всю комнату, с любопытством оглядывая стены, все вокруг. Нисколько не боясь, опустилась прямо на плечо Астрель.

— Никогда не бывала во дворце и прямо скажу: ничего особенного! — быстро заговорила она. Перепорхнула на руку Астрель, уселась на указательном пальце, перебирая цепкими лапками и хлопотливо вертя головкой. — Чересчур много ненужных вещей, вот что я считаю. Чересчур! А палец у тебя такой тонкий, как веточка. Нет, не сравнить ваш дворец с башенками и домиками, которые строит нам Гвен Хранитель Леса. Ах, да, кстати о Гвене. Он прислал меня к тебе.

— Прислал ко мне? — с нетерпением переспросила Астрель. — А что он сказал, милая, добрая моя птичка Чересчур! Что он сказал?

— Не перебивай меня, — строптиво заупрямилась птичка Чересчур. — Все равно мы с Гвеном старые друзья, а ты только вчера с ним познакомилась. Есть разница?

— Конечно, конечно, птичка Чересчур, — поспешно согласилась Астрель. — Ты его друг, самый близкий друг. И все-таки что он сказал?

— Ну уж так и быть, — смилостивилась птичка Чересчур. — Слушай. Ты должна в сумерках убежать из дворца. Только ты не беги к Ренгисту Беспамятному. Все равно он тебе ничем не поможет. Видела его сегодня, залетала к нему. Совсем плох Ренгист Беспамятный, вот что я вам скажу! Его глупая служанка — гнал бы он ее в шею! — отправилась в лес собирать целебные травы и коренья. Ах, кажется, я опять не о том… Так на чем я остановилась?

— Не надо бежать к Ренгисту Беспамятному, а куда бежать? — осторожно подсказала Астрель, боясь рассердить строптивую птичку.

— Ах, ты вечно меня перебиваешь, слова не даешь сказать! — Птичка Чересчур сердито взъерошила хохолок. — Я все уже тебе объяснила. Кто виноват, что ты такая бестолковая? Ты должна в сумерках прийти на опушку Оленьего леса. Гвен будет ждать тебя там. Он уже построил для тебя чудесную башню. Такую высокую, что ты сможешь видеть верхушки деревьев, как будто летишь над ними.

Птичка Чересчур ревниво покосилась на Астрель и перепорхнула на подоконник.

— Чересчур много хлопот из-за такой девчонки, как ты, — она надменно вскинула головку, но, взглянув на кроткое и нежное лицо Астрель, быстро вздохнула и защебетала ласково и доверчиво: — Мы с тобой тоже друзья. Ты милая. Хотя, конечно, Гвен… Ах, я заболталась. Мне надо залететь еще к одному моему другу. Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур кивнула Астрель и скрылась за окном.

«Неужели спасение, свобода? Как я ненавижу этот дворец! — Астрель соскользнула с кресла, подбежала к окну. — Стражники повсюду: у ворот, на лестнице. Но в сумерках я все равно убегу. Гвен спрячет меня в своей башне, я верю…»

А птичка Чересчур тем временем летела над городом. Ненадолго опустилась на порог пирожника Ринтуса. Тот, как всегда, кинул ей горсть сладких крошек.

Но птичка Чересчур так была взволнована, что только клюнула разок-другой и, наспех поблагодарив, помчалась дальше. Маленькие, короткие мысли теснились и путались у нее в голове:

«Все передала, как велел Гвен… Вкусные крошки… Астрель — милая, но башня, которую построил для нее Гвен, намного красивее дворца. Верхушки деревьев… Чересчур много дел! Крошек не поклевала. Там был такой вкусный кусочек с изюминкой. Ах, нужно все, все рассказать господину Каргору,

доброму господину Каргору».

Птичка Чересчур глянула вниз. Тусклые черепичные крыши города остались позади. Теперь она летела над Оленьим лесом. Снизу поднимались столбы холодного болотного воздуха.

«Ну и местечко, хуже не найдешь. Вечно тут хозяйничают туманы. В толк не возьму, зачем господин Каргор построил здесь свою башню? Говорят, король позволил ему выбрать любую поляну, а он облюбовал себе место возле самой трясины. В Оленьем лесу столько уютных полян…»

Птичка Чересчур стремительно влетела в окно башни Каргора. И только жар, полыхнувший из камина, заставил ее с писком ринуться назад. Она уселась, как всегда, на каменный выступ окна и принялась махать крылышками, чтобы хоть немного охладиться.

Каргор сидел перед камином и, наклонившись вперед, ласково, почти нежно гладил огненных змей, плясавших на раскаленных углях.

«Как он может их гладить? Они такие страшные и злые…» — с невольным содроганием подумала птичка Чересчур и тут же беспечно защебетала:

— Сколько новостей, сколько новостей, господин Каргор! Вот уж действительно когда можно сказать: чересчур много новостей! А вы, вижу, все никак не можете погасить голубую искру?

— Ну, выкладывай, какие новости ты принесла, — равнодушно сказал Каргор. — Представляю…

— Это невозможно, невозможно себе представить! — захлебываясь от волнения и восторга, воскликнула птичка Чересчур. — Крошки пирожного… Нет, я не о том. Какую башню построил Гвен! Какие окна, какие резные двери! Лучше всех башен на свете! — Тут птичка Чересчур немного смешалась, оглядела мрачные своды темного зала. — Впрочем, о вкусах не спорят. У вас тоже очень, очень уютно. По-своему, конечно… А главное, вы никогда, никогда не догадаетесь, для кого Гвен построил эту башню!

Птичка Чересчур закатила глаза и захлопала крыльями.

— Ну, для кого? — Каргор со скукой посмотрел на птичку Чересчур.

— Ни за что не догадаетесь! — Птичка Чересчур с торжеством посмотрела на Каргора. — Для Астрель принцессы Сумерки, вот для кого.

— Для Астрель? — помедлив, переспросил Каргор. — Ты сказала — для Астрель?

— Ну да! Ну да! — продолжала беспечно заливаться птичка Чересчур. — Астрель должна сегодня в сумерках прийти на

опушку Оленьего леса. Гвен спрячет ее в своей новой башне. Об этом никто, никто не знает. Правда, Астрель милая?

— Милая, милая… — глухо проговорил Каргор. Он нахмурил свои косматые брови, размышляя о чем-то. — Да, это новость, птичка Чересчур.

— Почему ваше лицо вдруг потемнело? — с испугом воскликнула птичка Чересчур. — Что с вами? Вы прямо на себя не похожи! На вас страшно смотреть, господин Каргор… Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур стрелой вылетела из башни. Куда девалась ее веселость! Ей стало отчего-то тоскливо и тревожно.

«Наверно, чересчур много новостей, — решила наконец птичка Чересчур. — И они просто дерутся, ссорятся у меня в голове. Но какие мрачные глаза у господина Каргора! Я как-то прежде никогда не смотрела ему в глаза…»

Едва птичка Чересчур скрылась из глаз, Каргор встал и громко хлопнул в ладоши.

Дверь отворилась, и вошел Скипп. Как всегда, согнулся в поклоне.

— Слушай, Скипп! — властно заговорил Каргор. — Вникни получше в то, что я тебе сейчас скажу. Я отнял у тебя твой голос и запер его в волшебной шкатулке. Собрал все твои слова, что ты успел наболтать в своей жизни. Жалкая горстка слов! Все больше хвастовство да ругань. Но недаром я великий чародей!'Знай, Скипп, я проник в твое будущее! И все слова, какие бы ты мог сказать до конца своих дней, до последнего вздоха, я собрал, сгреб, как мусор, и тоже запер их крепко-накрепко.

Маленькие глазки Скиппа сверкнули тоскливой жадностью. Он искоса бросил быстрый взгляд на сундук в углу.

— Верно, Скипп, шкатулка с твоим голосом в этом сундуке, — кивнул Каргор. — Там она, Скипп, там. До времени там ее место. Да, я сделал тебя немым, и не прогадал. Ты возненавидел всех, кто может сказать хоть словечко. Сколько в тебе злобы, Скипп, славный ты парень, нравишься ты мне. Тебе полюбилось ходить повсюду, подкрадываться, подслушивать, ловить и прятать чужие голоса в мои волшебные ларцы и шкатулки. Доволен ли ты своей работенкой, Скипп?

Скипп часто-часто закивал головой, угодливо поклонился. Он настороженно ждал, что дальше скажет его хозяин.

Каргор в раздумье прошелся по залу, по странной привычке потирая и разглядывая свои руки.

Остановился перед камином.

Голубая искра светила, словно изнемогая, из последних сил. Лучи ее дрожали. Казалось, она задыхается в душном кольце

раскаленных змей.

— Скоро, скоро… Еще немного, и ты навсегда исчезнешь, — тихо проговорил Каргор. Но сколько ненависти было в его голосе!

Он с трудом оторвал взгляд от слабо мерцающей голубой искры.

— Ах, да!.. — Каргор снова посмотрел на Скиппа. — Мы не договорили, славный ты парень, Скипп. Ты принес сегодня забавный голос. Незнакомый голос. Хотел бы я знать, чей он. Опасаюсь я этого человека, сам не знаю почему. Может, я зря тревожусь. Но что-то не хочется мне оставлять сегодня мою башню без охраны. А мне, как нарочно, надобно отлучиться. Тут в лесу живет один человек, а я и не знал. Гвен Хранитель Леса его зовут. Его в округе все любят. Может, и я с ним подружусь, а, Скипп, как ты думаешь, славный парень Скипп? Ну а вечером сам король пожелал меня видеть. Знаю, знаю, зачем я ему нужен. Ничего не поделаешь, любит наш король всякие затеи да забавы. Вот я и развлекаю его иногда, только в темноте, поближе к ночи, чтоб никто не видел… Ну, да это не твоего ума дело, Скипп. А вот теперь слушай повнимательней. И получше соображай своей глиняной головой. Все запомни и сделай, как я прикажу. Сам знаешь, Скипп, нет у меня ни слуг, ни стражников. Я никому не доверяю, таков уж я, и думаю, что прав. Но у меня есть на кого положиться, а, Скипп, как ты считаешь, парень? И если кто-нибудь чужой захочет заглянуть без меня в мою башню, что ж, милости просим, мы всегда рады незваному гостю. Только позаботься, Скипп, чтоб ему не было одиноко здесь одному. Не было скучно и одиноко. Ты понял, Скипп, понял? Так что потрудись на совесть. И если все сделаешь, как надо, я завтра же отдам тебе навсегда твой нудный голос. Болтай себе сколько хочешь. Слышишь, Скипп? Слово мое крепко!

Скипп согнулся в низком поклоне. Казалось, он сейчас лизнет руку хозяина. Но Каргор досадливо отмахнулся, и Скипп, не разгибаясь, попятился и исчез за дверью.

Каргор накинул на себя свой длинный плащ, в складках которого словно бы поселилась сама непроглядная ночь.

Спустя короткое время в Оленьем лесу раздался тревожный разноголосый птичий гомон.

Маленькие пичужки в страхе собирали своих птенцов, прятали в укрытые среди ветвей резные домики, в маленькие дворцы с крепкими запорами на дверях.

Потому что над верхушками деревьев показался большой черный, как уголь, ворон. Он неторопливо летел, сильно взмахивая широкими крыльями, зорко глядя вниз. Он что-то высматривал среди густых деревьев Оленьего леса.

Глава 14

Никогда Астрель с таким томительным нетерпением не ждала вечера. Время как будто остановилось.

— Ну отдохни, уйди за лес, поспи, ты устало… — шепнула Астрель, глядя на солнце.

Нет, этот день, наверно, никогда не кончится.

— Еще немного, еще капельку потерпеть, и наступит вечер. — Астрель то и дело подбегала к окну.

Но что это? Поглядев вниз, Астрель увидела перед дворцом множество стражников. У ворот, на ступеньках лестницы, на бархатистых газонах толпились стражники, о чем-то переговаривались. Астрель показалось, что она услышала свое имя.

Астрель выглянула из окна.

— Вон, вон она, смотрите! — послышались грубые голоса. — Девчонка! Свесила зеленые волосы! Думает, не заметим.

Астрель в страхе отпрянула назад.

Настежь распахнулась дверь. Вошли принцы Игни и Трагни. Оглядели ее насмешливо, подозрительно.

— Вот как? Надумала обхитрить нас, удрать? — сквозь зубы процедил Игни. — И не пытайся. Мы все знаем. Все двери заперты. Стража повсюду. Двести стражников окружили дворец.

Астрель отступила, прижалась спиной к стене.

Как им стала известна ее тайна? Откуда? Как могли они дознаться, что сегодня вечером она…

— Сиди тихонько, как мышка. Поплачь немного, если хочешь. Но не думай даже попытаться улизнуть! — с угрозой проговорил Трагни. — Каргор сказал нам…

— Помолчи, — оборвал его Игни.

И оба брата вышли.

В дверях, щелкнув, повернулся ключ. Послышались резкие, повелительные голоса принцев. В ответ — приглушенные ответы

стражников и журчащий, как сладкий ручеек, голосок Врядли. Значит, даже он тут и сторожит ее.

Что же ей делать? Астрель глянула в окно. Боже мой, солнце уже уходит за Олений лес. А внизу стражников стало еще больше, толпятся повсюду с алебардами в руках.

Кто-то зажег смоляной факел. Было еще слишком светло, и огонь казался бледным и расплывчатым. Над пламенем факела плясал черный колпак копоти. Поблескивал полированный мрамор ступеней и колонн.

Все пропало! Ей не выбраться отсюда. Напрасно Гвен будет ждать ее на опушке Оленьего леса…

За окном внезапно потемнело. Крыши дальних домов, верхушки деревьев Оленьего леса — все затянуло серой дымкой.

Послышался нарастающий шум и вкрапленный в него стук крупных капель.

Снизу донеслись недовольные возгласы стражников:

— Дождь!

— Ишь как припустил!

Но никто не посмел и сдвинуться с места.

Астрель глубоко вдохнула чистый влажный воздух, пробуждающий затаенные запахи земли.

— Дождь, дождь… — Теплая волна надежды вдруг согрела ее. Нет, Астрель по-прежнему понимала, что ей не уйти, не ускользнуть из дворца, но этот дождь…

Что-то было успокоительное в нем, словно он хотел помочь ей.

И вдруг… Астрель замерла, не веря своим глазам. Не сон ли это? Астрель стиснула руки, укусила себя за палец.

От ее окна до самой земли протянулась еле различимая в воздухе лестница, построенная из дрожащих прозрачных капель. Огонь факела, распластавшегося от бьющих струй дождя, заставлял вспыхивать и угасать то одну каплю, то другую, и от этого вся невесомая лестница светилась и мерцала.

Астрель увидела узорные перила, тонкие, как струны. Налетающий ветер натягивал и рвал их.

Легкий ковер, сквозной, как паутина, лег на едва видные ступени.

Астрель широко распахнула окно и вскочила на подоконник.

Вот она ступенька, совсем прозрачная, зыбкая. Капли дождя срывались с нее, падали вниз, как будто им тяжело было неподвижно висеть в воздухе. И вся лестница, качаясь и вспыхивая от света факела внезапным блеском, грозила рухнуть, не удержавшись в воздухе.

Значит, надо спешить. Отбросить все сомнения и верить.

Астрель, уже ни о чем не думая, не боясь, не радуясь, шагнула на первую ступеньку. Она протянула руку к перилам, но они осыпались вниз водопадом капель.

Астрель спускалась по лестнице. Под ногами она чувствовала в пустоте только ненадежную опору скользких капель. Капли перекатывались под ее ногами. Она спускалась вниз, боясь оглянуться. Стоило ей сделать шаг, как позади нее с шелестом облегчения рушились вниз, проливаясь дождем, прозрачные ступени.

Перед дворцом все притихли, замерли, словно остолбенели. И вдруг молчание взорвалось громом изумленных, возмущенных голосов:

— Смотрите!

— Девчонка идет по воздуху!

— Да по лестнице она идет, по лестнице! По лестнице из прозрачного хрусталя!

— Откуда тут лестница, дубина ты этакая?

— Да чего там! Спустится, и хватай ее!

Астрель не вслушивалась в их крики. Она торопливо сбегала вниз, чувствуя, что ступени лестницы уже с трудом удерживают ее.

Крики стражников вдруг потонули в шуме дождя. Нет, это было что-то другое. Это был звон и дребезг металла. Звон монет, бренчащих о мрамор.

Астрель спрыгнула на землю, и тотчас вокруг нее заблестели, скатываясь с ее плеч, серебряные монеты. Они потоком, сверкая,

сыпались сверху.

Весело, заманчиво звеня и подпрыгивая, они покатились в разные стороны.

Чьи-то руки выронили факел. Забыв обо всем на свете, стражники бросились собирать монеты. Блеск серебра словно заворожил их. Стражники ползали на коленях, сгребали монеты горстями, сыпали за пазуху, в кошели, за голенища сапог.

На Астрель никто не обращал внимания, она незаметно пробежала мимо.

Один из стражников, стоя на коленях, ухватил было ее за край платья. Астрель вскрикнула. Но стражник даже не повернул головы. Он схватил монету, на которую она в спешке наступила ногой.

В воротах тоже не было ни души. Стражники ползали по всему двору, высматривая монеты, выгребали их из-под кустов роз.

Астрель скользнула в ворота и растворилась в вечерних сумерках.

Дождь как-то сразу утих.

— Посчитать бы, сколько собрал кругляков. — Здоровый верзила-стражник с довольным видом похлопал себя по карману и вдруг замер, растопырив руки и выпучив глаза. Снова, еще не веря, сунул руку в карман и с воплем выдернул, стряхивая с пальцев капли воды: — Вода, вода! Провалиться мне на этом месте, вода! А монеты пропали!

— И у меня пропали! Чертовы деньги, куда они девались? — закричал второй стражник, с диким видом оглядываясь по сторонам.

— А у меня в кошеле лягушка!

— Кто налил мне воды за пазуху? Куда девались мои денежки?

Стражники с ошалелым видом переглядывались. Ничего не понимая, отряхивались, как мокрые собаки.

— А девчонка, похоже, тем временем дала деру, — негромко сказал один из стражников, самый старший.

Все с испугом посмотрели на него.

— Я ничего не видел, — запинаясь сказал долговязый стражник. — Я сторожил дверь, дверь я сторожил. Никто не вышел, это точно.

— И я сторожил дверь. Велено было сторожить, вот я и сторожил, — подхватил второй.

— Чего там! Дверь заперта. Как было приказано. Вон и ключ торчит. Никто в дверь не выходил, — загалдели стражники. — Ничего не видели, не знаем. Наше дело такое — сторожить! Мы и

сторожили! Как было велено.

И только маленький мальчик-паж, спрятавшись за колонной, широко открытыми, светлыми от изумления глазами смотрел на распахнутое окно там, наверху, в комнате Астрель.

Астрель тем временем, невидимая в сумерках, бежала по улицам города.

Скорей к опушке Оленьего леса! Теперь дикая чаща уже не пугала ее. Там, на опушке, ее ждет Гвен. Он уведет ее в дом, который он для нее построил. Там их никто не разыщет. А потом они уйдут далеко-далеко. Больше она никогда не увидит королевский дворец, злых и наглых принцев Игни и Трагни.

— Прощай! — звонко крикнула она, пробегая через мост Зевни-Во-Весь-Рот.

Человек в сером вздрогнул, вскочил, озираясь, как со сна, выронил тяжелый кошель. Он выскользнул из его рук и, булькнув, ушел под воду.

— Прощайте! — шепнула Астрель, пробегая мимо низких домов, придавленных высокими черепичными крышами.

Вдали показалась башня Ренгиста Беспамятного, уходящая в вечернее небо неровными осыпающимися зубцами.

— Прощай, отец… — Сердце Астрель сжалось от глубокой печали и нежности. — Спасибо тебе. Я никогда не забуду тебя, хотя ты уже не помнишь обо мне…

Вот и опушка Оленьего леса.

Астрель остановилась, тревожно огляделась. Темные неподвижные ели. Могучий дуб, ствол его до корней расщеплен не то молнией, не то глубокой старостью. Тишина. Глянешь вглубь между деревьев, там уже шевелится темнота.

«Где же Гвен? — Астрель напрягла слух: не послышатся ли шаги, не хрустнет ли где ветка. — Гвен не мог меня обмануть. Он сейчас придет. Он уже близко. Вот раздвинутся ветки орешника и…»

Но все было тихо и пустынно. Неподвижно стояли деревья, окутанные зеленой мглой. Гвена не было.

— Что-то случилось, — с отчаянием прошептала Астрель. — Гвен…

Глава 15

Да, предчувствие не обмануло Астрель. А случилось вот что.

Если вы помните, друзья мои, Каргор превратился в ворона и вылетел из окна башни.

Светило солнце, заливая теплым золотом верхушки деревьев. Лучи солнца пробирались сквозь густую листву, и тогда клочок зеленого мха вдруг вспыхивал живым изумрудом, а капли смолы, сбегавшие по стволам, вытягивались как бесценное ожерелье.

Каргор, редко взмахивая крыльями, летел над лесом. Он пристально вглядывался в просветы между деревьями.

Иногда он видел удлиненное движением гибкое тело белки. Малые пичужки, кто побеспечней, в ужасе, суетливо бились в листве, стараясь поскорее укрыться в своих домиках.

— А… вот что я ищу!

На небольшой круглой поляне, поросшей ровной бархатистой травой, стоял высокий дом, срубленный из медово-желтых бревен. Затейливые карнизы украшали окна. На дверях резной узор из листьев. На ставнях вырезаны лесные цветы: фиалки и ландыши.

Каргор сложил крылья и опустился на зеленую траву поляны.

Как трудно ему теперь превращаться в человека, с каждым разом все труднее! Он ненавидит это тело. Ребра, словно тугие обручи, мешают дышать…

Каргор собрал все силы. Мгновение пустоты, чувство, что тебя нет… О, как это тяжко!

И вот Каргор, глубоко вздохнув, расправил плечи. Длинный плащ черным кругом упал на траву. По давней привычке Каргор оглядел свои руки, холеные, с зеленовато-гладкой кожей. Перстень с черным камнем и магическими знаками.

Дверь дома широко распахнулась, и на пороге появился Гвен, усталый, с топором в руках. Влажные от пота волосы прилипли ко лбу. Он улыбался. Это была невольно возникающая улыбка

счастья.

— Так вот ты какой, Гвен Хранитель Леса, — негромко сказал Каргор, пристально глядя на юношу.

— Я не знаю вас, господин, — тихо ответил Гвен. — Войдите в дом, там прохладно.

Каргор покачал головой, поднял золотистый завиток стружки, понюхал его. На мгновение тяжелые веки закрыли глаза.

— Как пахнет… — прошептал Каргор. И тусклый, неясный свет каких-то далеких воспоминаний оживил его холодное, замкнутое лицо. — Гвен, не ходи сегодня вечером на опушку Оленьего леса, — ровным, невыразительным голосом сказал Каргор.

— Что вы знаете? Откуда? — с волнением воскликнул Гвен. — Астрель не придет? Почему? Что случилось?

— Забудь Астрель, — глухо проговорил Каргор. — Забудь, забудь Астрель принцессу Сумерки!

Руки Гвена невольно крепче стиснули топор.

— Забыть Астрель? — повторил юноша. Он даже усмехнулся. Недоверчиво и тревожно. — Забыть ее? Никогда! Скорее я забуду себя, забуду все, жизнь, солнце…

— А… Я так и думал, — почти равнодушно протянул Каргор, но в бездонной глубине его глаз вспыхнул багровый огонек. — Букашки… Шевелятся, упираются, думают, что от них хоть что-то зависит. Я в силах тебя убить просто взглядом, Гвен Хранитель Леса. Но это может мне дорого обойтись. Слишком дорого. Ты не стоишь этого, мальчишка. Все можно сделать проще. Ты не выйдешь из этого дома. Ты сам построил себе тюрьму. Славную тюрьму, Гвен Хранитель Леса!

Каргор пробормотал несколько невнятных слов. И вдруг дверь, украшенная узором из листьев, сама собой захлопнулась, резко втолкнув Гвена внутрь дома. Со стуком накрепко закрылись ставни.

Изнутри донесся бешеный стук топора.

— Что ж, потрудись, Гвен, — усмехнулся Каргор. — Все равно тебе не выбраться из дома. Не открыть ни окно, ни дверь. Я наложил заклятье на твой топор. Ты не сможешь прорубить им даже узкую щель. Маленькая зарубка и та будет тут же зарастать, словно ее и не было. Твой заветный топор — бессилен!

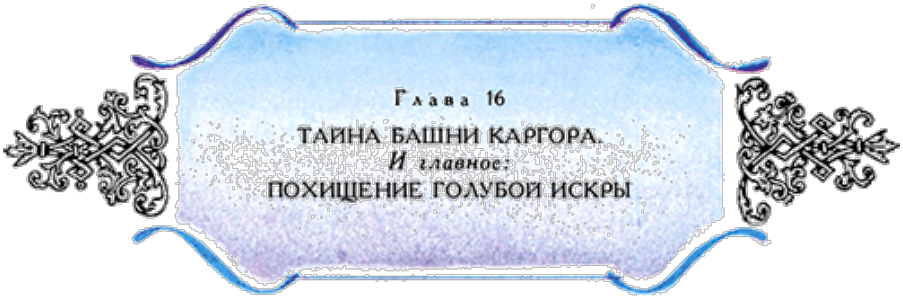
Каргор взмахнул рукой. Этого было достаточно. Плеснув крылом, от земли косо оторвался большой ворон с оперением, отливающим синевой.

«Как все просто. Как мне легко стать вороном, — подумал Каргор, летя вровень с верхушками деревьев. — Не слишком ли легко?»

Солнце, опускаясь, заливало светом верхушки елей, словно надев на них золотые шлемы.

«Скоро… — подумал Каргор. — Король, наверно, уже выехал из дворца. Да, ни Астрель, ни Гвен не увидят этого. Не увидят, что сегодня случится на опушке Оленьего леса. Там будет забавно. Когда-то это меня тоже развлекало. Теперь мне все на свете безразлично. Но случайный прохожий, пожалуй, поседеет, увидев такое. Впрочем, каждый раз одно и то же, а королю все мало».

Глава 16



Волшебник Алеша все утро просидел на лавке, слушая тягучее ворчанье тетушки Черепахи. Старуха целый час убирала посуду со стола.

— Уважаемая тетушка Черепаха, — ласково обратился к ней волшебник Алеша. — Не найдется ли у вас какого-нибудь плаща для меня? Я верну его непременно. Надеюсь, во всяком случае. Ночи холодны. Да нет, не в том дело. Но вы видите сами, я одет несколько необычно для ваших мест.

Тетушка Черепаха долго рылась в сундуках, вздыхала, бережно перебирая пропахнувшие пылью плащи, пока не выбрала самый изношенный и потертый.

— И этот для тебя слишком хорош, проходимец, — угрюмо проворчала она. — Он хоть и в дырах, да из чистой шерсти. Кто ты такой, чтобы я разбазаривала добро своего господина?

Потом она заперла все сундуки, искоса поглядывая на волшебника Алешу.

— Пойду в Олений лес. Насобираю трав и кореньев моему господину. Я уйду надолго. Может, вернусь только утром. А ты смотри, не вздумай тут что-нибудь трогать. Все крепко заперто, не надейся.

Продолжая ворчать, она взяла большой мешок и ушла.

Ренгист Беспамятный неподвижно сидел в кресле и дремал. И казалось, жизнь угасала в нем вместе с пламенем камина.

Волшебник Алеша дождался вечера. Днем выйти из башни он опасался.

— Пора!.. — Волшебник Алеша закутался в старый плащ. Сунул за пояс кинжал, вернувшийся к нему столь неожиданным образом.

Кот Васька крепко спал на ковре у камина. Волшебник Алеша на цыпочках прошел мимо, опасаясь его разбудить. Нет, брать с собой беспечного и легкомысленного кота в башню Каргора он

вовсе не собирался. Мало ли что ждет его там?

Волшебник Алеша тихо вышел из башни Ренгиста Беспамятного.

Вот уже остались позади ласковые, теплые огоньки свечей в низких окнах.

Вдаль уходила вымощенная крупным булыжником дорога. Длинные тени деревьев пересекали ее, она слабо светилась в лунных лучах.

Что-то прошелестело в листве. Откуда ни возьмись, появилась птичка Чересчур, усталая, очень довольная собой.

Задев щеку волшебника Алеши крылом, уселась ему на плечо.

— Сделай это да сделай то, — с показной досадой прочирикала она. — Все я да я. Как будто никого на свете нет, кроме птички Чересчур. Слетай к этой девчонке… Правда, она очень милая. Да предупреди, да скажи… Потом, не могла же я не залететь к моему другу, господину Каргору. Теперь вот тебе надо дорогу показать, ведь заблудишься, клянусь родным гнездышком! Впрочем, ты идешь верно. Эта дорога приведет тебя как раз к башне господина Каргора. Так и иди, не сворачивай!

Она спорхнула с плеча волшебника Алеши. На миг повисла в воздухе, часто взмахивая крылышками.

— Я должна торопиться на опушку Оленьего леса. Там должны сейчас встретиться… Ах, некогда, некогда! Чересчур много дел. Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур уже скрылась было в темной листве, но вдруг снова вернулась:

— Верь, верь Каргору. Он добрый, добрый, добрый…

Теперь дорогу с двух сторон окружали высокие деревья. Из лесной чащи потянуло болотной гнилью, запахом прелого листа.

Но вот на фоне глубокого, полного звездной жизни неба поднялась высокая черная башня.

Что-то жуткое было в этой угрюмой башне с острыми хищными зубцами, среди пугливо притихших громадных деревьев. Сова, мерцая зелеными глазами, тяжело сорвалась с ветки и, зловеще ухнув, исчезла во мраке.

Показалась высокая стена и пустая темная арка ворот. Из-под арки тянуло зябкой ночной сыростью.

Под навесом волшебник Алеша разглядел висящие гроздьями старые, давно покинутые гнезда ласточек.

«Даже ласточки не живут здесь…» — с внезапной тревогой почему-то подумал волшебник Алеша.

Хорошо, что он не взял с собой кота Ваську. Тот был бы ему сейчас только обузой. Путался бы под ногами, лез со своими советами. В этот миг что-то мягкое и теплое ткнулось в ногу волшебника Алеши.

— Вздумал удрать потихоньку? — с ехидством спросил кот Васька. — Что, не вышло? Учти, одного никуда не пущу, наделаешь без меня глупостей, потом выручай тебя.

Волшебник Алеша с досадой взял кота Ваську на руки. Вот беда с этим котом, честное слово. Самонадеянный нахал, по-другому не назовешь. Никогда не знаешь, что от него ждать. Но не бросить же его сейчас одного в темноте?

Кот Васька тем временем забрался под плащ, немного повозился и устроился на груди волшебника Алеши, грея ему шею.

— Неплохой плащ, хоть и старый, — промурлыкал он. — Чистая шерсть, между прочим, уж в этом-то я разбираюсь.

— Тс-с!.. — на всякий случай шепнул волшебник Алеша.

— Эй, кто идет? — послышался вдруг резкий окрик, и железо алебарды царапнуло по камню.

Волшебник Алеша прижался к стене, покрытой хрустящими, ломкими ветками засохшего винограда. Замер, не дыша.

Опять послышался тот же мертвенно-монотонный голос:

— Эй, кто идет? — и снова скрежет железа по камню.

«Похоже, что стражники не заметили меня. Окликают просто так, на всякий случай. Может, все-таки попробовать пробраться?..»

Волшебник Алеша осторожно прокрался вдоль стены к воротам. Проем ворот был пуст, тихая неподвижная темнота, казалось, дремала под круглым замшелым сводом.

Волшебник Алеша бегом пробежал сквозь ворота и спрятался за углом башни.

— Эй, кто идет? — снова услышал он, но уже позади себя. Те же слова, тот же голос, и опять стражник задел алебардой за камень.

«Так и есть, не заметили, — перевел дыхание волшебник Алеша. — Но это только начало, что-то будет дальше?»

Он пошел вдоль стены. От грубых камней тянуло холодом. Из-за тучи выглянула ярко-серебряная луна, и волшебник Алеша увидел широкую крепкую дверь, всю в острых медных заклепках.

Медная ручка показалась волшебнику Алеше холодной как лед. Он потянул ее на себя, дверь неожиданно легко открылась, скрипнув в тишине голосом одинокой ночной птицы.

За дверью была непроглядная, как черный бархат, темнота. Вдруг это ловушка? Неосторожный шаг через порог, а там пустота, пропасть?

— Не видишь, что ли, пол каменный и лестница, — шепнул кот Васька, щекоча усами ухо волшебника Алеши. — Ох, что бы ты без меня делал!

Волшебник Алеша шагнул через порог и постоял немного, чтобы глаза после лунного света привыкли к потемкам.

Каменная лестница круто уходила вверх.

Волшебник Алеша стал осторожно подниматься по ступеням. Низкие нависающие своды. Дверь. Еще дверь. Нигде ни луча света, ни шороха, ни движения.

Волшебник Алеша свернул куда-то в сторону. Вдруг на него, как густая сеть, опустилась паутина, от пыли мохнатая, как мех. Паутина липла к рукам, к одежде, опутывала его, сковывала движения.

Волшебник Алеша с трудом высвободил руку и кинжалом разрезал упругие и крепкие, как веревка, нити паутины. Пригодился все-таки кинжал Врядли! И снова его окружила давящая тишина. Опять ступени и молчаливые темные двери. Куда идти? Похоже, в башне пусто, никого нет.

— Выкинь потроха собакам! — вдруг оглушил волшебника Алешу пронзительный до визга громкий женский голос.

Волшебник Алеша от неожиданности застыл на месте как пригвожденный. Сердце застучало с бешеной силой. Он прижал к

себе кота Ваську так сильно, что тот сдавленно пискнул.

— Тусли! Ах ты дрянь! Опять лижешь подливку! — послышался еще один резкий женский голос, а вслед за ним звук шлепка и обиженное хныканье.

Нет, там за дверью была жизнь. Гремели крышки медных котлов. Что-то сочно булькало и кипело.

— Не забудь перец и мускат!

«Там, скорее всего, поварня», — мелькнуло в голове у волшебника Алеши.

— Щелоку подсыпь, а то разве отстираешь! — донесся голос из-за другой двери.

— Да это же свечка, свечка! Хозяин закапал камзол свечным воском.

— Крути, крути точило, видишь, какие зазубрины?

Это был уже мужской голос, грубый и сильный. Послышался скрежет металла о точильный камень, шипение искр.

Волшебник Алеша повернул было назад, но, словно преграждая ему путь, снизу послышался голос слуги и лай собаки.

— Пошла вон!

Собака жалобно взвизгнула, видимо, слуга пнул ее ногой.

Зазвенел переливчатый, летучий смех. Лукавый и холодный женский голос произнес:

— Ваша карта бита! Вы проиграли. Чем вы расплатитесь сегодня: золотом или чужими тайнами?

— Летучими мышами, моя прелесть, — ответил низкий властный голос, чуть смягченный любезностью. — Знаю, они у вас на посылках. Три дюжины летучих мышей — и мы квиты!

— Летучие мыши, экая невидаль! — хихикнул кто-то пронзительно и тонко. — Спросите лучше у вашей красавицы, сколько голов у нее засолено в бочке?

«Дело плохо! — Волшебник Алеша ускорил шаг. — В башне полно народу. Слуги, гости, может, и сам хозяин здесь. И негде даже спрятаться».

Он бегом пересек узкую галерею и заблудился в темных переходах. Прыжками побежал вверх по какой-то лестнице. Вдогонку из-за всех дверей неслись громкие голоса. Жирный хохот сменялся звяканьем монет. Шутки звучали как злобные таинственные угрозы.

Кот Васька дрожал так, что его хвост прыгал под локтем волшебника Алеши.

— Дались тебе эти сказки… — шептал он, прижимаясь к плечу волшебника Алеши. — Домой хочу! Тут обидят! Пропадем мы с тобой, как последние мышата. Шкурку снимут, а головы

засолят в бочке…

Волшебник Алеша не слушал его.

— Три монеты за эти гнилые груши, мерзавка? — послышался грубый женский голос.

— Ишь какая! Попробуй, сыщи дешевле!

Откуда-то сзади волшебник Алеша услышал сдавленный, приглушенный шепот:

— Тише, тише! Нападем из-за угла. Он нас не видит!

— В спину! Воткни нож в спину!

Волшебник Алеша стремительно обернулся. Никого. Темнота. Глухие, закрытые двери.

Лязг железа, стук ножей, собачий лай, визг и хохот окружили волшебника Алешу со всех сторон, слились в один ужасающий, оглушительный хор.

— Пустите меня, да пустите же, больно! — перекрикивая вой и гомон, вдруг раздался горький женский вскрик. — Мои косы, мои чудесные длинные косы! Не стригите их, господин!

— Это отучит тебя вертеться перед зеркалом! — насмешливо ответил мужской голос.

Где-то за дверью щелкнули ножницы.

— Ну уж нет! Что бы ни было, я не позволю! — прошептал волшебник Алеша, стараясь уловить в путаном хоре голосов, откуда слышатся несмелые жалобные всхлипывания.

Волшебник Алеша покрепче прижал к себе кота Ваську. Он поднял кинжал и изо всех сил толкнул ногой ближайшую дверь. Дверь распахнулась, волшебник Алеша замер на пороге.

Комната была пуста.

Жидкое серебро лунного света растекалось по каменному полу. Пусто. Ни души. Запах пыли. Заброшенная, нежилая комната. «Может, я открыл не ту дверь?» — подумал волшебник Алеша, отступая назад в темноту.

И вдруг замер от неожиданности.

— Извините, пожалуйста, — услышал он чей-то до удивления знакомый голос. Такой привычный, домашний. — Не скажете ли, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?

— Зачем ты это спрашиваешь? — ахнул кот Васька. Его когти больно вонзились в плечо волшебника Алеши. — Молчи! Ты что, с ума спятил?

Да, ошибиться было невозможно. Волшебник Алеша вздрогнул Это был действительно его собственный голос. Знакомые слова! Да, да, именно эти слова он сказал там, на улице, возле трактира, человеку с квадратным нависшим лбом и злыми острыми глазами.

Как объяснить, что эти слова снова звучат здесь, в этой

башне, словно живут сами по себе особой, непонятной ему жизнью? Нет, надо сейчас же, немедля найти разгадку!

И снова со всех сторон послышались шум, крики, звон черепков.

Не в силах больше терпеть загадочности всего происходящего, волшебник Алеша стал лихорадочно распахивать одну дверь за другой.

Пустые комнаты, наполненные лунным светом и словно висящими в воздухе голосами. Сломанное кресло. Свисающая до полу истлевшая скатерть. Опрокинутые кубки. На потемневших серебряных блюдах густая пыль. Холодом, заброшенностью веяло из всех дверей. И только снова и снова в пустоте звучали, возникая неведомо откуда, одни и те же слова:

— Не скажете ли, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?..

Словно преследуемый своим голосом, волшебник Алеша бросился вверх по лестнице.

— Не хочу больше! — отчаянно цепляясь за его плечо, шептал кот Васька. — Жуть! Страшно-то как. Милый, пушистенький Алеша, я буду хорошим, посуду мыть буду. Только уйдем отсюда! Сплошное мяу!

— Ничего, ничего… Еще немного, потом всем котам во дворе… Молочка попьем, — что-то бессвязно твердил волшебник Алеша, пытаясь успокоить дрожащего кота Ваську.

Опять темные, плотно закрытые двери. Волшебник Алеша пересек длинную галерею, на бегу распахивая все двери. Смех, шум, брань выплескивались из темных покоев и затихали за его спиной.

Луна скрылась за облаком и вместе с ним устало опустилась в гущу ветвей и там погасла.

В полной темноте волшебник Алеша поднялся на самый верх лестницы.

Последняя дверь. Волшебник Алеша помедлил. Что ждет его за нею?

В щель из-под двери выбивался живой подвижный свет.

Сильным ударом волшебник Алеша решительно толкнул дверь. Дверь неспешно, будто бы нехотя, отворилась.

Богато убранный зал был ярко освещен огнем камина. Резные скамьи, кресло с блестящей позолотой на ручках.

Вдоль стены тянулась широкая полка из мореного дуба. На ней подряд стояли резные шкатулки и ларцы с откинутыми крышками. Одна из шкатулок, сделанная из темного дерева, показалась ему знакомой…

Ах! Волшебник Алеша чуть не вскрикнул от изумления. Ну да! Именно эта шкатулка, по углам окованная медью, была в руках у злобного человечка, который повстречался ему тогда возле трактира. Так вот что он поймал в воздухе своей хваткой хищной рукой и сунул в шкатулку! Слова волшебника Алеши, его голос. Похоже, что все эти голоса, звучащие сейчас во всех комнатах и галереях башни, такие же пленники. Они до времени хранились в этих ларцах и шкатулках, а теперь их зачем-то выпустили на волю.

Кот Васька между тем соскочил на пол, потянулся, зевнул и лениво направился к камину.

— Продрог чего-то. Лапки мои бедные. Как приятно погреться. Сплошное мур! — Кот Васька беспечно улегся на ковре перед камином и вытянул лапы. — Тепло. Ух! Даже жарко. Смотри, пушистый Алеша, голубая искорка! На звездочку похожа, честное слово. Только маленькая, еле разглядишь.

Волшебник Алеша быстро обернулся.

Он сразу заметил: языки пламени в камине были гибкими, длинными, словно живыми. Тяга не уносила их в трубу. Нет, в своем свободном движении, приплясывая и извиваясь, они свились в пылающее кольцо. И в самой его середине, то

вспыхивая, то замирая, сияла пронзительной хрустальной чистоты голубая искра.

Так вот она какая, голубая искра, которую никак не может погасить Каргор! Она притягивала к себе взгляд, завораживала лучистым блеском. На миг, словно теряя силы, голубая искра угасала, и сердце замирало от внезапного страха за нее.

Волшебник Алеша шагнул к камину, но раскаленный язык пламени вырвался наружу и полыхнул ему в лицо. Волшебник Алеша успел разглядеть узкую змеиную головку и раздвоенное жало.

Да это вовсе не огонь, это огненные змеи!

Волшебник Алеша взял каминные щипцы и попытался вытащить из клубка змей голубую искру.

Змеи с голодным шипением обвились вокруг железных щипцов. Капли раскаленного металла потекли вниз. Щипцы в тот же миг расплавились в пылающем кольце змей.

Что же делать? Как вырвать из огненной власти змей голубую искру? К тому же надо торопиться. С каждым мгновением ее трепещущий свет слабеет, меркнет.

— Ничего себе перышко! Ни у одного ворона такого не видал, — пробормотал кот Васька.

Кот Васька лежал на ковре, лениво пошевеливая лапой, играл с огромным птичьим пером.

Что это не простое перо, волшебник Алеша определил с первого взгляда. Черное, отливающее то синим, то лиловым, острое по краям, как лезвие ножа.

А что, если?.. Уж не волшебное ли оно? Может, у мрачного хозяина этой башни слуги вороны?

Волшебник Алеша поднял с полу перо и поднес к огню. Раскаленные змеи разом отпрянули от черного пера.

— А, испугались? — прошептал волшебник Алеша. Кончиком пера он выгреб из камина голубую искру и подхватил на ладонь, обернутую краем плаща.

Огненные змеи разом выплеснулись за край каминной решетки, но волшебник Алеша успел отскочить. Брови и прядка волос на лбу были опалены.

Теперь бежать! Бежать скорее из этой башни. Пока не вернулся ее могучий страшный хозяин.

Волшебник Алеша нагнулся и подхватил кота Ваську. Тот возмущенно и протестующе взвизгнул, но волшебник Алеша не обратил на это внимания. Было не до того!

Он бегом мчался по галереям, спотыкаясь, сбегал с лестниц. Голубая искра у него в руке благодарно и освобожденно вспыхивала, освещая низкие, давящие своды, свисающие пологи

паутины, выщербленные неровные ступени.

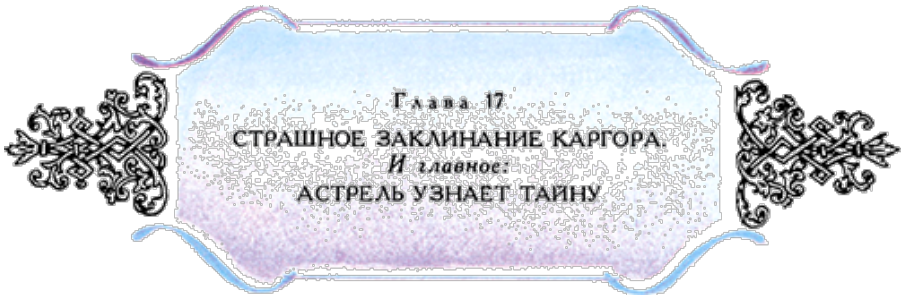
Из распахнутых дверей неслись голоса, шорохи, смех, сдавленные вздохи, шкворчание сала на сковородках.

— Как пройти к башне Ренгиста Бес… — услышал волшебник Алеша свой голос, тут же заглушенный чьим-то сытым, самодовольным смехом и собачьим ворчаньем над костью.

Волшебник Алеша в промозглых рассветных сумерках быстро пересек двор. Пробежал под темной аркой ворот, где по-прежнему витали в воздухе монотонные голоса стражников.

В это время в верхнее окно башни, прошелестев крыльями, влетел черный зловещий ворон.

Глава 17



Теперь, друзья мои, вернемся к Астрель. Мы оставили ее на опушке Оленьего леса, одну, растерянную и испуганную.

Астрель, невидимая в сумерках, стояла, прижавшись спиной к старому дубу. Его ствол был глубоко расщеплен сверху до самых корней. Закинув руки назад, Астрель прижала ладони к шершавой грубой коре.

Она не думала о себе. Она знала, куда бы она ни пошла, на любой дороге утром ее схватят стражники. Ее мучило одно: что с Гвеном, что случилось? Где он?

Все вокруг теряло свои дневные краски. Деревья окружили опушку неподвижной темной стеной.

Послышался топот копыт, громкий говор.

По слабо святящейся в вечернем свете дороге скакали всадники.

Задев крылом ветку дуба, на траву слетел огромный угольно-черный ворон. Ветер, поднятый взмахами его крыльев, пахнул холодом прямо в лицо Астрель.

Астрель услышала тяжелый вздох, так вздыхает измученный привычной болью человек. Затем стон сквозь стиснутые зубы… И на траве совсем рядом с ней поднялась, словно выросла из земли, черная фигура Каргора.

— А, ты уже тут, Каргор!

Астрель увидела короля. Слуга ловко подставил плечо, и король слез с лошади.

Каргор молча поклонился. Трава, цветы, все, что задевал его плащ, приникало к земле, словно увядало.

Король нетерпеливо оглянулся. В сгустившейся темноте Астрель еще могла разглядеть его оживленное лицо.

— А где же наши мальчики, где рыбаки? — весело спросил король.

Послышался звон цепей. Астрель увидела двух высоких

молодых мужчин.

«Они похожи — наверно, братья», — подумала Астрель. Она боялась шевельнуться, дохнуть. Она едва чувствовала свое сердце.

Юноши шли медленно, с трудом. Тяжелые цепи сковывали их движения.

— Снять цепи! — приказал король.

Кто-то из слуг нагнулся, цепи, загремев, упали.

Король, добродушно улыбаясь, обошел вокруг братьев, похлопал одного по плечу.

— А они ничего, Каргор. Как ты находишь? Молодые и сильные. И бегают, поди, неплохо.

Король рассмеялся. От его смеха холод сковал Астрель, проникая до самого сердца.

По знаку короля слуги, стража — все исчезли. Притихшей толпой, не глядя друг на друга, отступили, скрылись за деревьями.

Теперь на опушке остались только король, Каргор в своем черном плаще и братья-рыбаки.

Братья удивленно переглянулись, не понимая, что происходит, зачем их привели сюда. Младший потер запястья рук, онемевшие от тяжелых цепей.

— Я милосерден, таков уж я есть, — неторопливо, с каким-то тайным наслаждением проговорил король. — Да, я дарю вам свободу! Вы будете жить в лесу, беззаботные и счастливые. Что же вы не кланяетесь, не благодарите меня? Э, да что с вас взять, вы простые, неотесанные парни. Ну, да ладно… Каргор, теперь твой черед. За дело! Пусть свершится!

Король отступил в широкую тень дуба.

Он стоял так близко от Астрель, что, протянув руку, она могла бы его коснуться. Он весь трясся от тихого смеха, потирая руки.

Каргор выступил вперед и отбросил мешающий ему край плаща.

Мрачный, хриплый его голос поднялся и упал:

Трижды ухнула сова.
Значит, сбудутся слова!
Мрак, спустись, сгустись! Навек
Стань оленем, человек!

И в тот же миг, Астрель даже не заметила, как это случилось, братья-рыбаки исчезли. Там, где они только что стояли, Астрель увидела двух молодых прекрасных оленей с гордыми могучими рогами.

Один из оленей, кося глазами, прянул в сторону.

Вдруг послышался крик, полный отчаяния и ужаса, и на поляну выбежала молодая женщина в простом платье. Она прижимала к груди ребенка.

— Ниссе, мой Ниссе! Что вы с ним сделали, проклятые колдуны?

— И ее тоже! — весь трясясь от злости, завизжал король. — Каргор, преврати ее тоже, и мальчишку! Скорее, пока она не убежала!

И снова прозвучал нечеловеческий, словно каменный, голос Каргора:

Мрак, спустись, сгустись! Навек
Стань оленем, человек!

Один из оленей протяжно, с тоской протрубил. На опушке больше не было женщины с ребенком. Рядом с двумя оленями стояла серебристо-серая олениха. К ней робко прижимался маленький олененок на тонких дрожащих ножках.

Астрель зажмурилась. Боже, как страшно! Она услышала только хруст сухих сучьев, плеск ветвей.

Когда она открыла глаза, на поляне оленей уже не было. Только качались ветки орешника.

Король с довольным видом поглядел в глубь леса.

— А, каковы? У кого из королей есть еще такие олени в лесу?

Ну, что ты смотришь так хмуро, Каргор?

— Простите, государь, мне что-то не по себе сегодня, я нездоров, — глухо ответил Каргор. Он выпростал из-под плаща свои руки, быстро оглядел их и снова спрятал под плащ.

— Пустяки, Каргор, — небрежно повел плечом король. — Ты жаждал земной власти, я дал ее тебе. Ты главный королевский судья! При виде тебя все трепещут. Ты властен любого заточить в тюрьму, а потом, потом… Ах, какие олени! И сколько их! И еще четыре сегодня… О, это будет поистине королевская охота! Забавно, я даже не узнаю, кого я затравлю первым. Был он прежде пекарем, рыбаком, кузнецом?

Король вдруг умолк, какая-то тревожная мысль заставила его нахмуриться.

— Постой, постой! — Король повернулся к Каргору, заговорил негромко, свистящим шепотом: — Ты могучий волшебник, не спорю. Но скажи, колдовство твое надежно? Они не могут снова… Ну, ты понимаешь меня. Снова превратиться в людей? Я жалостлив и слишком добр, Каргор, мне не хотелось бы пронзить стрелой женщину или ребенка…

Если бы заговорила сама темнота, это был бы ее голос, так мрачно и угрюмо отвечал Каргор:

— Нет, ваше величество, эти олени никогда не станут снова людьми. Никогда! Для этого надо сказать тайное заклинание, а его никто не знает, кроме меня. Никто на свете.

— Никто? — с облегчением переспросил король. — Ты уверен? Да?

Астрель прижала руки к губам, чтоб не вскрикнуть. Она так дрожала, что боялась, как бы не затрепетали листья дуба и шорохом не выдали бы ее.

— Никто, государь, — твердо повторил Каргор. — Это заклинание неведомо никому. Я вычитал его в древних книгах. Надо сказать волшебные слова: «Мрак, исчезни, вспыхни, день! Человеком стань, олень!» А кто сможет их сказать, ведь я сжег эти волшебные книги, скормил их моим огненным змеям.

— Разумно, Каргор, разумно. Осторожность никогда не мешает. А теперь не порти мне моей радости. Это скучно, наконец. Мне надоел твой угрюмый вид. Твои насупленные брови.

— Слишком много забот, государь, — покачал головой Каргор. — Мои руки тяжелы, будто они налились свинцом. Грудь сдавлена словно тисками. Мне тяжко, душно.

— Душно! — беспечно воскликнул король. — О чем ты? Душно в такой теплый прекрасный вечер! Все обещает чудесную охоту. Вот и луна!

Над лесом, стряхнув с себя легкое волнистое облако, поднялась луна.

Круглые пятна света рассыпались под орешником. Волны прохладного серебра побежали по траве к ногам Астрель.

Она сильнее прижалась к шершавой коре дуба. Только бы ее не заметили! Если бы она могла скрыться в самой сердцевине дерева!

Луна еще выше поднялась над лесом, и волосы Астрель зеленым стеклом блеснули в лунном свете.

— Девчонка! — Король вытянул трясущуюся руку, указывая на Астрель. — Проклятая девчонка! Она все слышала!

Каргор повернул голову, увидел Астрель и замер от неожиданности.

Король с воплем ярости бросился на Астрель, но та оказалась проворней.

Она метнулась сквозь густой колючий терновник, перепрыгнула через поваленное дерево. Туда, туда, в глубину чащи, где ее не выдаст лунный свет.

Астрель, протянув вперед руки, бежала, ныряя в густые тени, в провалы между деревьями. Лес словно притих. Ни одна сухая ветка не затрещала у нее под ногой.

Король подскочил к Каргору, ухватил его за плечо:

— Что же ты! Скорее! Девчонка слышала заклинание. Она… нет, нет, это невозможно! Я не перенесу этого. Она же может теперь превратить всех оленей опять в… — король захлебнулся от ужаса. Смертельный страх душил его. — Каргор, убей ее!

Каргор долгим взглядом поглядел на короля.

— Хорошо. Она умрет. Я остановлю ее сердце, — сказал он медленно, и слова его падали тяжело, как камни. — Она — умрет!

— Да, да! Останови ее сердце! — вне себя воскликнул король. — Пусть она упадет мертвая! Скорее же!

Каргор властно поднял руку:

— Сердце, не бейся, сердце… — Но Каргор не договорил. Он глухо, затравленно вскрикнул и поспешно спрятал руку под плащ. В свете луны сверкнули загнутые птичьи когти, а край плаща на миг превратился в длинное крыло ворона. — Не могу, государь, вы сами видите, не могу… — в изнеможении простонал Каргор, поворачивая к королю синевато-темное лицо. — Я превращаюсь в ворона. Против своей воли. В ворона…

— Но ее надо убить! Все равно! — не слушая его, вопил король. — Как она могла улизнуть из дворца? Двести стражников, рослых болванов сторожили все выходы. Ну, придумай что-нибудь, Каргор! Да пойми же, если она убежит, это конец всему!

— Но если я превращусь в ворона, я утрачу все свое могущество. Я стану просто птицей… обычной птицей, — измученным, прерывающимся голосом ответил Каргор.

И ни Каргор, ни король не заметили, что, часто взмахивая крыльями, в лунном луче над их головами пролетела маленькая птичка с хохолком на макушке.

Это была птичка Чересчур. Она спряталась в густой листве дуба, маленькая, как желудь.

«Странно и невозможно! Где Астрель и Гвен Хранитель Леса? — Птичка Чересчур оглядела поляну. — Я бы сказала, чересчур странно. И как это добрый господин Каргор может превратиться в ворона?.. Ах…»

Птичка Чересчур сдавленно пискнула и чуть не свалилась с ветки. Она все поняла. Что она натворила! Глупая, беспечная птица. Кому она доверила тайну Астрель и Гвена! Она невольно предала их, а может быть, даже погубила…

— Ну сделай хоть что-нибудь! — уже с мольбой простонал король. — Ты только подумай, если олени снова превратятся в людей и все об этом узнают… Нет, что со мной будет?

Король схватился руками за голову, пошатнулся, оперся плечом о старый дуб.

— Успокойтесь, государь, — тихо ответил Каргор. Его слова звучали в безветренной тишине четко и внятно, и каждое из них заставляло вздрагивать птичку Чересчур, как от удара. — Я превращу Астрель в дерево. На это у меня еще хватит сил.

— В дерево? — радостно встрепенулся король.

— Да, — хмуро кивнул Каргор. — Корни уйдут глубоко в землю, и Астрель навсегда забудет, кто она. Навсегда забудет.

— Так поспеши! — весь трясясь от нетерпения, воскликнул король. — Колдуй, колдуй, Каргор! Преврати ее в дерево!

Каргор поднял голову и взглянул на небо. Нечеловеческая тоска была в его взгляде.

Он отступил в глухую тень и оттуда, из ночного мрака, послышался его тяжелый, пугающий голос:

Слову древнему покорись —
Девушка, в дерево превратись!
Руки-ветви ты опусти,
Глубже корнями в землю врасти!

Каргор устало перевел дыхание. С низко опущенной головой подошел к королю, волоча плащ по росистой траве.

— Вот и все, государь. Больше нет Астрель принцессы Сумерки!.. — Голос Каргора дрогнул. — Я превратил ее в дерево.

— Навсегда? — недоверчиво спросил король.

— Не тревожьтесь. Ее может снова превратить в человека лишь тот, кто отыщет ее в лесу и трижды назовет по имени. Но если пройдет хоть один день, корни дерева слишком глубоко уйдут в землю, ветер поселится в ветвях. И Астрель забудет себя, забудет, кто она, навсегда.

— А если все-таки кто-нибудь?.. — Король опасливо покосился в сторону леса.

Каргор покачал головой.

— Сколько деревьев в лесу! Даже мне не найти среди них Астрель. Шумят ветвями, а слов не знают. Ищи — не найдешь.

— Ну, денек! — перевел дух король. Видно было, что он успокоился. — Теперь в теплую постель и спать, спать. Все забыть. Проклятый день, хорошо, что все обошлось. Ну, прощай, Каргор! — Король небрежно махнул рукой и пошел туда, где вдалеке на большой дороге покачивалось тусклое пятно факелов.

Он даже не оглянулся. Забыть, все забыть. Отдых на пуховиках, и никаких забот. А завтра… Завтра охота на прекрасных оленей!

Каргор стоял неподвижно. Ветер обегал его стороной, словно боясь пошевелить край плаща.

«Уж не окаменел ли он?» — Птичка Чересчур, вся дрожа, посмотрела на него из густой зелени.

— Астрель… Принцесса Сумерки… Прощай навек… — вдруг послышался его невнятный, словно надломленный голос.

Луна зашла за тучу, капли росы погасли. И с потускневшей травы взлетел ворон, черный, как ненастная ночь.

Птичка Чересчур со страхом посмотрела ему вслед.

— А я-то верила доброму господину Каргору! — с горечью прошептала она. — Все просила его избавить нас от страшного ворона. Но я же не знала… Астрель, Гвен, что теперь с ними будет?

Глава 18

Каргор застывшим взглядом смотрел, как золотые змеи извивались в камине. Там больше не было голубой искры.

Дверь распахнута настежь, угол ковра загнут, кресло отодвинуто впопыхах… Ясно, здесь кто-то побывал. Нет, голубая искра не погибла, ее не успели сожрать огненные змеи — голубую искру похитили!

Скипп, словно куча жалкого тряпья, скорчился в углу. Руками обхватил голову, будто ожидая удара.

Огненные змеи, встав на хвосты, нетерпеливо плясали в камине. С голодным шипением разевали пылающие пасти.

— Есть хотите, мои маленькие, мои бедные голодные змейки, — рассеянно пробормотал Каргор. — Потерпите немного, я накормлю вас.

Огненные змеи потянулись к Каргору. Раскаленные капли яда стекали с каминной решетки, гасли на мраморном полу.

Каргор утомленно опустился в кресло, заслонил глаза ладонью.

— Кто же все-таки украл голубую искру? — неторопливо проговорил Каргор. — Почему-то я уверен, что это тот самый незнакомец. Но как он прошел через весь лабиринт голосов? Да, он не трус! Многие пытались проникнуть сюда, но никто не шагнул дальше порога. Ты видишь, я не спешу, Скипп, славный ты парень. Я все равно догоню воришку. Он не успел далеко уйти, я это знаю, чувствую.

И, словно подтверждая его слова, огненные змеи все разом закивали своими пылающими головами, зашипели еще громче.

— Он еще пожалеет об этом, Скипп, можешь мне поверить. Я превращу его в лягушку, в камень, в улитку, во что захочу. Пустяковое это дело. И все же хотелось бы мне знать, какие голоса встретили его здесь, в залах, на лестнице, в темных переходах?

Каргор быстрым взглядом обежал стоящие на полке шкатулки и ларцы и вдруг коротко присвистнул. Он увидел грубую шкатулку из черного дерева, по углам окованную медью. Она стояла раскрытая, с откинутой крышкой, как и все остальные.

Каргор резко рассмеялся, закинув голову:

— А!.. Вот оно что! Он услышал свой собственный голос и кое о чем догадался. Он к тому же не глуп, этот незнакомец. Что ж, тем более нам надо встретиться и поговорить по душам. Но сперва одно дельце, Скипп. Ты славный парень, Скипп, да вот оплошал. Верно, все думал, что вот скоро получишь назад свой голос. Размечтался, как будешь трепать языком на всех перекрестках. Это вместо того, чтобы радеть о делах своего доброго господина. Что ж, я обещал отдать твой голос… Вот где спрятан твой голос, смотри!

Каргор отомкнул большой сундук, стоявший в углу, и достал из него незатейливый ларчик. Скипп весь затрясся, увидев его. Он на четвереньках вылез из угла, не сводя с ларчика жадного, молящего взгляда.

— Что ж, я выполню свое обещание, — невозмутимо продолжал Каргор. — Только я отдам твой голос не тебе. Моим золотым змейкам — вот кому я его отдам. Моим вечно голодным змейкам. Пусть они полакомятся. Вот уж вправду редкое угощение! Хоть и приправлено бранью и глупостью. А все же, может статься, придется им по вкусу!

Каргор повертел ларчик перед самым лицом Скиппа, дразня его. Скипп рванулся к нему, отчаянной хваткой обнял его колени, но Каргор ногой отпихнул его.

Он поднял ларчик над головой и с размаху швырнул его в камин.

Золотые змеи на мгновение замерли и вдруг разом с жадностью набросились на ларчик. Он мигом вспыхнул со всех сторон. Сухое дерево потрескивало, расщепляясь от немыслимого жара.

Из огня донесся грубый, тусклый голос, неясное бормотание, сопение, ворчливое оханье, щелкнула скорлупа расколотого ореха:

— Налей… Я те потолкаюсь… Свинья ты этакая… Самому нужно… А ну убирайся…

Слова, как невесомые пузырьки, вылетали из дотлевающего ларчика, вспыхивали огоньками, и ненасытные змеи с жадностью глотали их. Последняя щепка догорела, и змеи улеглись в камине, сытые, довольные.

— Вот и все. Больше нет твоего голоса, Скипп, — лениво сказал Каргор. — Теперь ты навсегда остался немым. Впрочем, ты

сам виноват. А ведь я мог, Скипп, славный ты парень, а ведь я мог и тебя самого бросить моим огненным змейкам!

Каргор отвернулся и уже не смотрел, как Скипп в пыли и золе ползал на коленях перед камином. Скипп тянулся к огню в напрасной надежде схватить, спасти хоть одно слово.

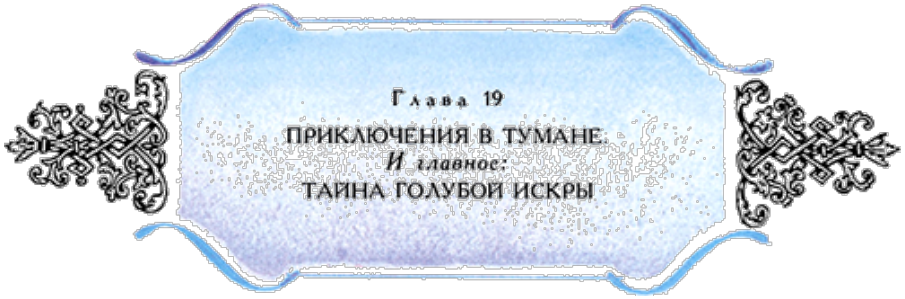
Каргор тем временем накинул на плечи свой черный, ниспадающий до пола плащ.

— Светает, но отдыхать нет времени. Пора встретиться с моим ночным гостем. Клянусь, он никогда не забудет нашей приятной беседы. О, как легко мне стало теперь превращаться в воро…

Каргор не договорил, и к потолку взлетел большой ворон. Словно дотлевающий уголек, сверкнул его круглый глаз.

Несколько взмахов шуршащих крыльев, и он вылетел в окно башни.

Глава 19



Друзья мои, но не пора ли нам вернуться к волшебнику Алеше? Узнать, что же произошло с ним и где он?

Вы помните, конечно, что волшебник Алеша в предрассветной мгле выбежал из башни Каргора.

Ночная темнота рвалась на куски и расползалась. Отовсюду, изо всех низин и оврагов поднимались, лениво потягиваясь, слоистые туманы.

Волшебник Алеша на мгновение остановился, раздумывая, что ему делать дальше.

Голубая искра уже начинала жечь руку, обернутую плащом. Кот Васька примостился на плече, спрятался от утренней сырости, уютно зарылся носом в шарф и притих.

Вокруг плыли белые клочья тумана, свивались в призрачные ограды, невесомые стены. Белые замки вырастали и качались, опадали, беззвучно растекались, таяли.

Волшебник Алеша с трудом разглядел дорогу, мощенную круглым булыжником. Дорога слабо поблескивала от капель росы. Она вела прямиком к городу, мимо башни Ренгиста Беспамятного.

«И все же… Нет, лучше пойду-ка я через лес, — решил волшебник Алеша. — На этой пустынной дороге меня всякий заметит».

Волшебник Алеша перепрыгнул через канаву и очутился в царстве тумана.

Идти было трудно. За два шага ничего не видать. То вдруг из мутного облака прямо перед ним вырастало замшелое дерево с корой, изъеденной сыростью. То волшебник Алеша вламывался в колючие кусты терновника, с трудом продирался сквозь чащобу. Ноги скользили на поросших болотной травой кочках. Следы сразу же заполнялись мутной водой.

«Голубая искра… — сомнение точило волшебника Алешу. —

Не зря ли я все это затеял? Мне померещилось, будто есть какая-то связь между Ренгистом Беспамятным, его странным забытьем и голубой искрой. Но может ли это быть? Боюсь, я только зря упустил время».

Волшебник Алеша вдруг почувствовал усталость, почти отчаяние. Он так хотел помочь Астрель, такой беззащитной и юной, несчастному Ренгисту Беспамятному…

«Да и что такое голубая искра? Скорее всего, это просто волшебный огонек, который горит и не гаснет. Мало ли чудес в сказке? Я затеял пустое. Все напрасно…»

Между тем жар от голубой искры становился все сильней. Запахло паленым — искра прожгла насквозь шерстяной плащ.

И вдруг волшебник Алеша услышал тихий, мягкий, будто завивающийся колечками, шепот:

— Я была овечкой… Меня стригли, стригли, стригли. Мою шерстку чесали, пряли… Потом ткали, ткали, ткали…

— Вот еще фокусы, плащ заговорил! — недовольно шевельнулся на груди волшебника Алеши кот Васька. — Если ты плащ, так молчи, согревай кота как следует, вот твое дело.

Рука волшебника Алеши дрогнула, и голубая искра скатилась на землю. Она упала на круто выпирающий из-под земли изогнутый корень, гладкий, словно отполированный столетиями. И сам великан-дуб вдруг надвинулся на волшебника Алешу из тумана, простирая над ним широкие ветви. Волшебник Алеша увидел черную овальную дыру дупла.

Стоило голубой искре коснуться корня, как тут же послышался приглушенный землей тягучий, еле уловимый шепот. Шепот поднимался снизу, уходил вверх, перемешиваясь со слабым шелестом мокрых листьев.

— Я был желудем, желудем, желудем, — шептал воздух вокруг волшебника Алеши. — В земле темно, тепло и тихо… Силы земные вошли в меня… Дупло, дупло… Я помню белку, белку, белку…

Все стихло, и только утренний слабый ветер срывал и ронял капли с дубовых листьев.

Голубая искра повисла на гибкой травинке, и тихий шепот заставил волшебника Алешу наклониться и прислушаться.

— Просто травинка, травинка… Тонкая, тонкая травинка… Помню копыта всадников… Помню, помню…

«Да, я не ошибся. Голубая искра — это память! Дерево, даже трава, все вспоминает свою прошлую жизнь. Память Ренгиста Беспамятного! Каргор не успел, не смог погасить голубую искру. Человеческая память. Да, тебя трудно убить!»

Волшебник Алеша несколько раз обернул руку плащом,

бережно, даже благоговейно поднял с земли сияющую голубую искру.

«Бежать! Как можно скорее, — мелькнуло, как молния, в голове волшебника Алеши. — Каргор так легко не расстанется со своей добычей. Тут полно загадок, видимо, я многого не знаю. Он, конечно, уже хватился пропажи. А тогда…»

Волшебник Алеша огромными скачками бросился вперед, не разбирая дороги.

Лишь бы успеть! Лишь бы успеть отдать эту маленькую драгоценную искру Ренгисту Беспамятному!

Он бежал, спотыкаясь о корни, налетая на стволы деревьев, проваливаясь в ямы, полные гнилых веток и прелых листьев.

— Что ты меня так подкидываешь?! — возмущенно взвыл кот Васька. — Идти не можешь нормально? Эй, волшебник Алеша! Всю душу так из меня вытрясешь!

Но волшебник Алеша, не слушая его причитаний, продолжал со всех ног бежать по лесу.

— Да что же это, честное слово! — продолжал возмущаться кот Васька. — Нет, это ты назло! Да не тряси ты меня так! Прекрати дурацкие прыжки!

— Замолчи! Изволь без капризов, — прикрикнул на него волшебник Алеша. — Я тебе потом все об…

В этот миг волшебник Алеша зацепился ногой за пенек и с размаху рухнул на землю. Кот Васька кувырком шлепнулся в траву, всю увитую туманом.

Из белесого марева послышался полный обиды голос:

— Так, значит? Выбросил? Иди куда знаешь, кот Васька? Ну, волшебник Алеша, не ждал я от тебя такого… Ладно, и без тебя доберусь. Тетушка Черепаха хоть молока даст. Вот когда назло делают, это я уже терпеть не могу!

«Ничего, найдет дорогу и без меня, — торопливо пробираясь между деревьями, подумал волшебник Алеша. — Тут уж не так далеко. Лишь бы мне успеть…»

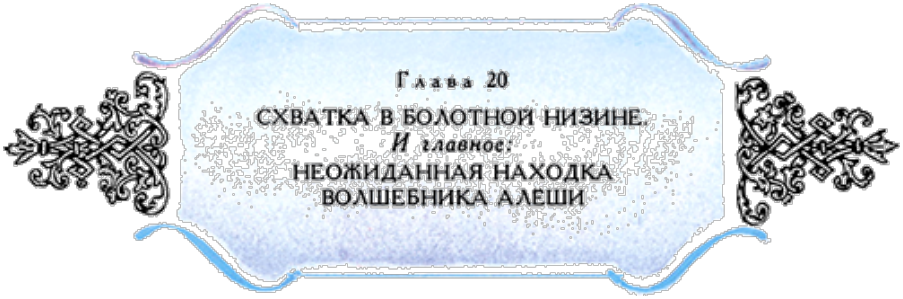
Туман начал оседать вниз. Теперь деревья словно по пояс стояли в белой дымке. Волшебник Алеша увидел знакомый дуб, огромный и корявый, с черным овальным дуплом, похожим на разинутый рот.

«Кажется, я сбился с пути. — Волшебник Алеша остановился перед дубом. — Сделал круг по лесу и вернулся на то же место».

В это мгновение он услышал вдали приглушенное воронье карканье. «Птицы проснулись», — подумал волшебник Алеша.

Сквозь густую листву дуба он вдруг увидел ворона. Широко раскинув могучие крылья, ворон низко летел над лесом. Он был такой огромный, что казалось, летит сорванная бурей крыша колокольни.

Глава 20



Кот Васька шел не торопясь.

«Туман — вещь препротивная, — рассуждал он. — Вроде дождя, да еще дразнится, на молоко похоже. Но раз молоко выпить можно, значит, и туман кто-нибудь выпьет, ну там трава, земля. Зато я один сам по себе гуляю по сказке. Кое-кто у нас во дворе просто от зависти лопнет, когда я расскажу…»

Мокрая блестящая лягушка испуганно скакнула в сторону. Кот Васька не стал ее ловить, только так, пугнул для острастки. Ладно уж, чего там, небось лягушата дома плачут. С другой стороны, нечего перед котом нахально прыгать.

Но волшебник Алеша! Вот уж не ожидал! Просто слов нет. Носится как угорелый без толку. Так тряс, словно из коврика пыль выбивал. А попросишь: «Эй, потише!» — он, извините, ноль внимания!

Кот Васька вконец растравил себя обидой. Честное слово, какой же это друг! Он лично для волшебника Алеши готов на все, а в ответ…

Бродить в тумане коту Ваське надоело. Капли влаги покрывали всю шерсть. Лапы озябли. Так и простудиться недолго! Сплошное мяу!

Кот Васька увидел, как совсем невысоко между деревьями, над клубами болотного тумана пролетел большой ворон.

«Ворон!.. Ах да, ворон. Еще маленьких птичек обижает, — вспомнил кот Васька. — Уж не об этом ли злодее говорила птичка Чересчур? Славная, между прочим, птичка. Умная. Я бы даже не прочь с ней подружиться. Хотя что такое дружба? Нет, я разочаровался во всем. Если уж сам волшебник Алеша… Впрочем, я не таков. Я для друга, если могу, уж расстараюсь!»

Кот Васька нырнул в траву и словно окунулся в густое молоко. Ворон был теперь совсем близко. Слабо блеснуло что-то серебряное на его шее среди взъерошенных перьев. Кот Васька

прижался к земле, приготовился к прыжку.

И в тот самый миг, когда ворон косой тенью пролетал над ним, кот Васька пружиной взвился кверху, вцепился в ворона всеми когтями и вместе с ним рухнул на сырые сучья. Он поймал ворона за крыло, но сейчас же перехватил повыше, почувствовал под когтями жилистую, жесткую шею.

— Попался! — с торжеством прошипел кот Васька. — Я тебе покажу, как маленьких птичек обижать!

Ворон рванулся, но кот Васька держал его мертвой хваткой.

— Сейчас придушу, и конец вопросу, — с издевкой прохрипел кот Васька.

Ворон метался и бился. Черные перья летели во все стороны и пропадали в тумане.

— Удрать хочешь? Не выйдет! Не на такого напал. С котом Васькой шутки плохи!

Кот Васька еще глубже запустил когти в шею ворону, пригнул его голову книзу, ткнул клювом в землю.

— Если хочешь живым уйти, проси прощенья, кланяйся и обещай…

Кот Васька не договорил. Он даже не очень понял, что, собственно, произошло.

Он только почувствовал, что держит когтями что-то мягкое, тонкое, вроде кружев. Кружева трещали, рвались. На миг мелькнуло человеческое лицо, щека с прилипшей мокрой травинкой, страшные черные глаза. Все тут же пропало. Кот Васька успел только перевести дух и прошептать с облегчением:

— Померещилось…

Но вдруг он с ужасом увидел, как из болотного марева высунулась длинная рука. Она медленно тянулась к нему, зеленоватая, страшная, загребая пальцами гнилые листья и землю.

— Ах ты дрянь! — прогремел грозный голос. И какой-то человек огромного роста, мазнув кота Ваську по носу полой плаща, вскочил на ноги. — Жалкая тварь, да я тебя!..

— Батюшки! — в смертельном страхе пискнул кот Васька и стрельнул в сторону, не глядя куда. Провалился в яму, полную кислой воды и плавающих листьев.

До него донеслось зловещее раскатистое карканье. Громко захлопали крылья.

Если бы не студеная болотная жижа, кот Васька, наверно, долго бы еще просидел в этой яме.

Но через какое-то время он все-таки, дрожа от холода и страха, выбрался наконец на сухое место.

Туман тем временем поредел, растаял, бледными лентами

уполз в овраги. Теплые лучи солнца то там, то тут пробивались сквозь густую листву, зажигали цветы в траве.

Кот Васька, не оглядываясь, затрусил по лесу. Его еще била дрожь, лапы подгибались. Шерсть обсохла на ветру, но от грязи свалялась комьями.

— К пушистому Алеше хочу, к моему Алеше… — чуть не плача, шептал кот Васька. — Он самый хороший, самый лучший, мой пушистый Алеша…

А что же волшебник Алеша? Он со всех ног торопился к башне Ренгиста Беспамятного. Перебегал от дуба к дубу, прячась за могучие стволы. Чутко прислушивался, не хрустнет ли ветка, не закричит ли тревожно сорока — лесной сторож.

— Каргор! Злой волшебник! Он ведь может бросить за мной в погоню кого угодно: всадников, зверей, чудовищ…

Теперь, когда показалось солнце, волшебник Алеша мог без труда найти дорогу.

Чтобы хоть немного отдышаться, он прислонился плечом к толстой шероховатой ели с низко раскинутыми широкими зелеными лапами. Утреннее солнце согрело разноцветные капли смолы, и волшебник Алеша почувствовал их крепкий целительный запах.

Снова над верхушками деревьев показался ворон. Он летел косо, одно крыло было помято. Перья на шее растрепаны, выдраны.

«Почему меня жуть берет, когда я гляжу на этого ворона? — невольно вздрогнул волшебник Алеша. — Мерзкая птица, словно черный сгусток злобы».

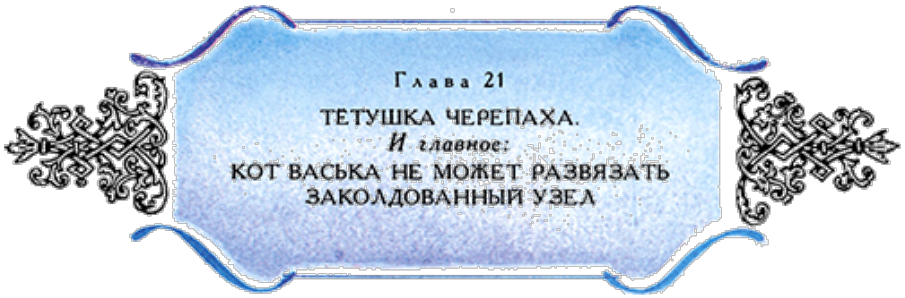
И вдруг его словно что-то стукнуло прямо в сердце. Черное перо в башне Каргора! Как отшатнулись, отпрянули от него огненные змеи. А что, если этот ворон и есть сам хозяин мрачной башни? И теперь он выслеживает его.

Волшебник Алеша сорвался с места и со всех ног бросился вперед, то прячась в тени деревьев, то зарываясь в густой орешник. Только на миг он остановился. Он увидел разбросанные в примятой траве отливающие синевой огромные птичьи перья вперемешку с клочьями кошачьей шерсти.

«Ничего не понимаю! Уж не мой ли кот Васька тут воевал? — ахнул волшебник Алеша. — Ничего не скажешь, смелый кот! Сразиться с таким чудищем!»

Волшебник Алеша уже хотел бежать дальше, но вдруг что-то круглое блестящее сверкнуло в мокрой траве. Он нагнулся и поднял небольшой медальон на тончайшей серебряной цепочке.

Глава 21



Лес редел. Все чаще попадались светлые полянки с пестрым царством лесных цветов и бабочек.

Волшебник Алеша увидел что-то пятнистое, коричнево-зеленое, мелькнувшее в перелеске. Кто-то брел, то и дело наклоняясь, неторопливо раздвигая палкой кусты и траву.

Это была тетушка Черепаха в своем негнущемся платье, твердом и морщинистом, как скорлупа грецкого ореха. Вот она протянула свою корявую руку, сорвала бледный незаметный цветок. Растерла в пальцах, понюхала, удовлетворенно кивнула. Цветок исчез в просторном мешке.

В три скачка волшебник Алеша пересек поляну. Ухватил тетушку Черепаху за рукав, рывком втянул ее в тень большой липы.

— Уважаемая Чере… Простите, дорогая тетушка Черепаха, — заикаясь от спешки и волнения, проговорил волшебник Алеша. — Какое счастье, что я вас встретил! Я вас умоляю, скорее…

— «Скорее, скорее»! Я никогда не спешу, — сердито оттолкнула его руку тетушка Черепаха. — А успеваю побольше других. Застелила постель моему доброму господину и пошла в лес. Много кореньев и трав знает тетушка Черепаха. Я нашла корень светлых снов, пусть хоть во сне мой добрый хозяин отдохнет душой.

— Тетушка Черепаха, умоляю вас, — перебил ее волшебник Алеша. — Надо отнести эту голубую искру вашему господину. И как можно скорее, да, да, скорее, не сердитесь. Эта голубая искра может все спасти!

— Спасти? — Тетушка Черепаха насмешливо и недоверчиво посмотрела на волшебника Алешу своими темными, глубоко посаженными глазами без ресниц. — Глупости все это. Только тревожите моего доброго господина и знай себе прожигаете дыры на его плащах.

— Заклинаю вас, тетушка Черепаха! — уже в отчаянии воскликнул волшебник Алеша. — Если вы хотите добра господину Ренгисту!

Тетушка Черепаха глубоко вздохнула.

— Ну, будь по-твоему, хотя я не верю ни одному слову, — угрюмо согласилась тетушка Черепаха. — А если она принесет вред моему господину, твоя голубая искра? Берегись тогда! Я разыщу тебя хоть под землей, и плохо тебе придется.

Она медленно подняла свои тяжелые руки, словно угрожая волшебнику Алеше, и опустила их.

— Голубая искра спасет его, спасет Астрель принцессу Сумерки! — Волшебник Алеша разжал жесткие пальцы тетушки Черепахи и вложил ей в руку голубую искру. — Только она горячая, может обжечь.

— Какое там! Чуть тепленькая, — проворчала тетушка Черепаха. — И откуда только ты пожаловал, бродяга? И что тебе за корысть помогать нам? Не верю я никому, вот что!

Тетушка Черепаха повернулась и, неуклюже переваливаясь, зашагала вдоль опушки.

— Глупости все это… — донесся до волшебника Алеши ее скрипучий голос.

Волшебник Алеша свободно вздохнул. Ну что ж, дело сделано! Медленно, но все-таки через пару часов доплетется до башни своего хозяина тетушка Черепаха. А Гвен и Астрель принцесса Сумерки уже в безопасности, в глухой чаще леса. Теперь только отыскать кота Ваську и…

Волшебник Алеша опустился на землю. Ему захотелось зарыться лицом в траву, в цветы, в тихий мир, полный чистых запахов и легкого движения, шуршания, покоя. Закрыть глаза и уснуть. Солнце грело ему плечо и спину.

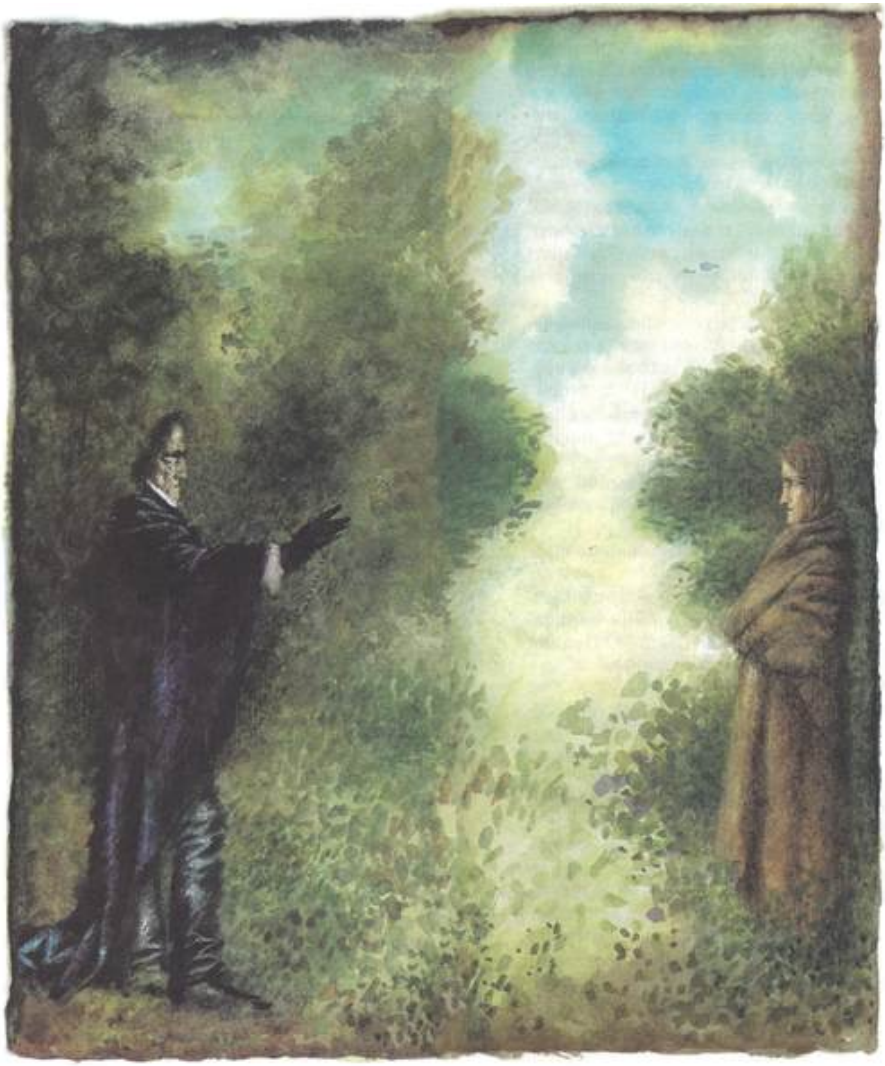
И вдруг… Что-то заставило его вздрогнуть и поднять голову.

Волшебник Алеша увидел, как из чащи леса вышел человек с темным лицом. Длинный плащ волочился по траве, и трава уже не выпрямлялась там, где ее коснулся край плаща. Человек шел мерной уверенной походкой, оставляя за собой словно выжженную полосу.

Волшебник Алеша вскочил на ноги, попятился, прижался спиной к стволу старой липы.

Человек подошел ближе. Черный плащ его в свете солнца чуть отливал синевой на сгибах. Кружевной воротник был смят и разодран. Волшебник Алеша увидел рваные царапины на шее. Правая рука была окровавлена. Плащ на плече висел клочьями.

Ледяной холод словно сковал волшебника Алешу.



— Ничего плохого… — тихим, вкрадчивым голосом проговорил человек в черном. — Свобода, деньги, драгоценности любые и много. И самое главное — жизнь. Все, что ты пожелаешь. А в обмен пустяк, мелочь. Отдай мне голубую искру!

— Каргор… — еле слышно прошептал волшебник Алеша. Он понял, кто его страшный собеседник.

— Ты похитил голубую искру. Ну нет, нет! Скажем так: взял по ошибке, для забавы. — Каргор говорил спокойно, мягко, словно это была дружеская беседа. — Отдай мне эту искорку и иди себе без забот, позванивая золотом в карманах.

— Нет… — Волшебник Алеша с трудом перевел дыхание.

— Нет? — словно бы думая о чем-то своем, рассеянно повторил Каргор. — Разве мало стоит солнечный свет, ветерок,

голос синицы и то, что ты можешь это видеть, чувствовать, слышать? Я ведь могу отнять у тебя все это. Весь мир вместе с жизнью.

Каргор замолчал, пристально глядя в глаза волшебнику Алеше. Но волшебник Алеша, не дрогнув, выдержал этот сверлящий, пронзительный взгляд.

— Впрочем, о чем я? Вижу, у тебя нет голубой искры. Ты кому-то успел ее отдать. Только имя. Одно слово. Назови имя, кому ты отдал голубую искру. И ты свободен. Иначе… — в бездонной глубине глаз Каргора вспыхнул и померк опасный огонек.

«Тетушка Черепаха, наверно, уже вышла из леса и бредет по дороге…» — мелькнуло в голове волшебника Алеши.

— Не знаю, о чем вы говорите. Я вас не понимаю, — стараясь казаться спокойным, сказал волшебник Алеша.

Он поднял голову. Небо было такое голубое, и плыли в нем чистые, белые облака. И ветер бережно нес их на своих невидимых ладонях. Пролетела птица и будто звякнула маленьким колокольчиком. Нет, ни за что он не скажет Каргору, где голубая искра.

— Ах, так! Тогда ты умрешь бессмысленно, глупо. Все равно никому не войти в башню Ренгиста Беспамятного. — Каргор говорил теперь, словно рубил железо. — Ты погибнешь, несчастный, но сначала убедишься, что даром проиграл свою жизнь!

Каргор прошептал несколько невнятных слов, и вдруг тени деревьев зашевелились, отделились от стволов, поднялись с травы. Темнея, сгущаясь, меняя свои очертания, они превратились в толпу людей. Это были полулюди, полутени. Плоские, с неуловимо сумрачными лицами, неотличимо похожие один на другого.

— Тени-слуги, покорные мне одному! — прозвучал властный голос Каргора. — Кольцом окружите башню Ренгиста. Пусть никто не подойдет к башне. Никто! Добудьте мне голубую искру. А человека, который несет искру, убейте! Так я повелел!

— Мы убьем человека! Голубую искру принесем тебе! — одинаковыми, неживыми голосами откликнулись слуги-тени.

Они прошли мимо волшебника Алеши равнодушные, бесчувственные, даже не взглянув на него, и скрылись за деревьями.

— Вот и все… — Каргор проводил взглядом длинную вереницу слуг. — Я устал. Мне прискучило все: убивать, превращать, сжигать. Превратить тебя в букашку, в камень? Стоит ли тратить силы? Можно и проще. Ты умрешь медленной

смертью, которую ты заслужил.

Неведомо как в руках Каргора вдруг очутилась длинная веревка, скрученная из темно-бурых волокон. Концы ее шевелились как живые.

Каргор проговорил голосом, полным торжества и насмешки:

Волшебная веревка!
Мне службу сослужи:
Надежно, крепко, ловко
Скрути его, свяжи!

В тот же миг веревка вырвалась из рук Каргора, обвилась вокруг ног волшебника Алеши и туго прикрутила его к дереву. Она по-змеиному, кольцами сжималась вокруг него, поднимаясь все выше, выше…

Волшебник Алеша судорожно выхватил кинжал и перерезал веревку. Но обрезанные концы мгновенно срослись. Веревка захлестнула руки, обхватила его грудь, плечи. Теперь он уже не мог пошевелиться.

Кинжал выпал из его руки и вонзился в землю.

Каргор рассмеялся. Его смех колол, как ледяные иглы.

— Я ухожу, незнакомец, — презрительно бросил Каргор. — Тебе будет о чем подумать на досуге. Знай! Узел, которым завязана эта веревка, волшебный! Кто его развяжет — тут же упадет мертвым. А ты, простак и герой, не захочешь, чтоб кто-нибудь погиб из-за тебя. Зря ты пришел сюда, незнакомец, зря. Астрель принцесса Сумерки… — Голос Каргора вдруг дрогнул, отзвук какой-то былой тоски, боль утраты послышались в нем. — Ее больше нет, нет… И корни ее все глубже уходят в землю.

— Что вы с ней сделали? — рванулся волшебник Алеша, но веревка только туже затянулась вокруг него.

Лицо Каргора снова стало непроницаемым. Он оттянул рваные кружева на груди, как будто они душили его, глубоко вздохнул… и в воздух тяжело взмыл огромный ворон с помятым крылом и ободранной шеей.

Он сделал широкий круг над старой липой и скрылся за лесом.

Стоило только исчезнуть страшной птице, как из ближайшего куста высунулся кот Васька.

Он подполз на брюхе к волшебнику Алеше и дрожа прижался к его ноге.

— Пушистый Алеша, — пискнул он. — Ты нашелся… Вернее, это я нашелся… Да все равно. Главное, мы нашлись и опять вместе. Сейчас я тебя развяжу и бегом отсюда! Вот только узел

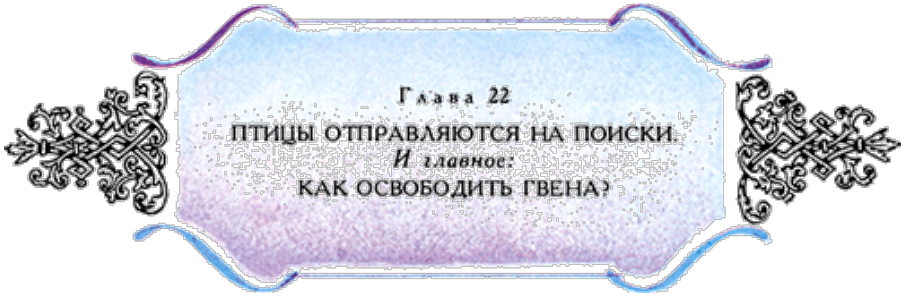
развяжу. Это я мигом…

— Остановись! Назад! — громовым голосом крикнул волшебник Алеша. — Это смерть! Веревка заколдована. Тот, кто развяжет узел, умрет!

Где-то в отдалении раздался торжествующий хохот, от которого кот Васька сжался в комок.

— Как же это? — растерянно прошептал он. — Что же теперь делать, котики-братики? Так и пропадать тут? Сплошное мяу!

Глава 22



Уж как дрожала всю ночь птичка Чересчур, укрывшись в листве дуба на опушке Оленьего леса, просто невозможно описать словами.

«Надо скорее разыскать Гвена Хранителя Леса, — твердила она себе. — Разыскать Гвена… Скорее… Все ему поведать без утайки. Пусть он будет презирать меня, пусть даже проклянет! Все равно. Ах, я глупая, безмозглая птица!»

Чуть забрезжил рассвет, птичка Чересчур помчалась на розыски. Она расспрашивала всех встречных птиц, не видел ли кто Гвена Хранителя Леса. «Нет», — отвечали все. Это еще больше встревожило и смутило птичку Чересчур.

— Я слышал, как вчера днем стучал его топор в доме, что он построил на круглой поляне, — припомнил старый скворец, домосед и мечтатель. — Даже подумал: что это он так размахался топором? Словно хочет изрубить свой новый дом в щепки. Все хорошо в меру! А потом все затихло.

Скоро за птичкой Чересчур уже летела целая стая встревоженных жаворонков, пеночек, синиц, дроздов.

Птичка Чересчур, опередив всю стаю, первая вылетела на круглую поляну. Вот он, дом Гвена Хранителя Леса!

Но что это?

Двери наглухо закрыты, ставни захлопнуты. Дом казался пустым и заброшенным. Печальная тишина легла кольцом вокруг запертого дома. Свежие бревна истекали смолой, как слезами.

— Гвена Хранителя Леса тут нет, — пискнула синица.

— Тихо и пусто, — прозвенел жаворонок.

— Здесь страшно… — шепнул маленький щегленок.

По вершинам крутой волной пронесся рокот и стон.

Откуда-то издалека долетел свист ветра, завывание, похожее на горестный плач.

— Это Смерч! Смерч-Себе-На-Беду! — всполошились разом

все птицы. — Он идет на нас! Он где-то близко. Надо прятаться, надо укрыть птенцов!

Но все стихло. Видимо, Смерч прошел стороной.

И все же птицы боязливо переглядывались, подумывая, не разлететься ли им, на всякий случай, по своим домам.

— Гвен Хранитель Леса, ты тут? — без всякой надежды спросила птичка Чересчур и постучала клювом по закрытой ставне.

Неожиданно внутри дома послышались торопливые шаги, удары кулаков обрушились на крепкую дверь.

— Где Астрель? — раздался измученный, задыхающийся голос Гвена. — Где Астрель? Кто знает, где она?

Но птичка Чересчур предпочла не отвечать на его вопрос. Она всплеснула крылышками и засуетилась.

— Все сюда! Все сюда! Гвен Хранитель Леса здесь!

Птицы, взволнованно галдя, сели на крышу дома, опустились на ступеньки, облепили закрытые ставни.

— Гвен Хранитель Леса, почему ты не отопрешь дверь и не выйдешь?

— Что случилось?

Невероятным и страшным показался им ответ Гвена:

— Злой волшебник наложил заклятье на окна и двери! Я не могу ни открыть их, ни выломать!

— А твой чудесный топор? — воскликнула птичка Чересчур. — Руби дверь, Гвен! Не жалей! Только выйди скорей из дома!

— Мой топор заколдован! Даже маленькая зарубка зарастает, стоит лишь мне вонзить его в доску или бревно, — простонал Гвен. — Мне не выйти из этой ловушки!

Большой дятел, седой от старости, уселся на резной наличник окна. Своим острым клювом он несколько раз для пробы стукнул по дубовому ставню.

Во все стороны полетели мелкие щепки.

— Дерево поддается моему клюву, — деловито заявил дятел. — Но даже если я, и мои старшие сыновья, и мои младшие сыновья будем трудиться весь день, мы не освободим тебя скоро, Гвен Хранитель Леса. К вечеру мы сможем пробить только небольшое отверстие, а у тебя широкие плечи.

— Дятлы, пробейте дыру! Птицы, раздобудьте мне другой топор! — взмолился Гвен. — Хотя бы нож. Или кинжал!

Птицы растерянно переглянулись.

— Топоры не растут в лесу, как лопухи, — огорченно сказал скворец.

— Ножи не созревают, как стручки гороха, — грустно

добавила синица.

— Мы же птицы, просто птицы, где мы найдем тебе нож или кинжал?

Птицы умолкли в огорчении, беспомощно разводя крыльями.

— А я видел человека, привязанного к старой липе! У ног его в траве блестел кинжал! — вдруг осмелев, пискнул маленький щегленок.

— Что ты болтаешь! — сурово накинулись на него птицы. — Где это ты видел у нас в лесу человека, привязанного к дереву? Как ты смеешь лгать взрослым!

— Малыш всегда говорит правду, — вступился за него папа-щегол.

Уже через минуту вся стая щеглов летела за маленьким щегленком. Он с гордостью показывал дорогу.

— Ох, смотри! Не опозорь нас перед всем лесом, — предупредил его старый щегол.

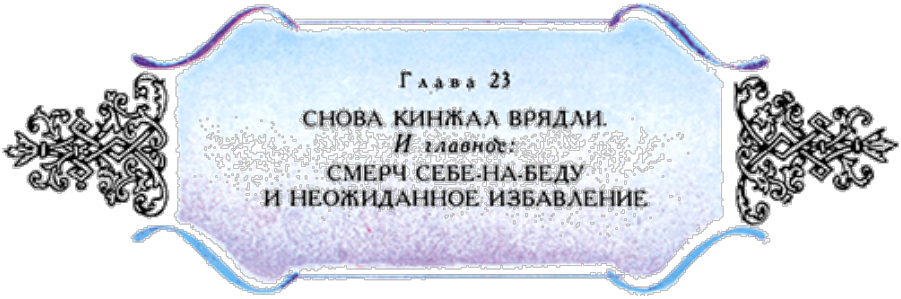
— Что ты, дедушка! — обиделся щегленок. — Я хорошо видел кинжал. И даже разглядел золотые буковки вокруг рукояти.

А все дятлы от мала до велика дружно принялись долбить деревянный резной ставень. Щепки веером полетели во все стороны на гладкую шелковую траву поляны. Вокруг порхали птички помельче. Синицы, чижи, поползни криком подбадривали дятлов.

Только птичка Чересчур, нахохлившись, сидела в стороне на ветке. Черные полоски на ее крыльях стали белыми — она поседела за одну ночь.

«Сейчас щеглы принесут Гвену кинжал. Гвен выберется из дома. Он спросит: „Где Астрель? Что с ней?“ — и я должна буду все ему рассказать!» — Маленькое сердце птички Чересчур просто разрывалось от горя, стыда и раскаяния.

Глава 23



Но, друзья мои, вернемся к волшебнику Алеше.

Он по-прежнему стоял накрепко прикрученный к дереву волшебной веревкой.

Положение и впрямь было отчаянное. Развязать узел ничего не стоило, но заклятье, наложенное на него!

Кот Васька с горя впал не то в сон, не то в дрему и прикорнул у его ног. Во сне пугливо вздрагивал, прижимая уши.

По башмаку волшебника Алеши пробежала верткая золотисто-зеленая ящерица. Подняла блестящие глаза, предложила свои услуги:

— Не могу ли быть полезной? Мы, ящерицы, великие мастерицы распутывать и развязывать всякие узлы.

— Благодарю вас, не надо, — с трудом разлепил запекшиеся губы волшебник Алеша.

Ящерица, блеснув атласной спинкой, пропала в траве.

Послышался птичий щебет. Откуда ни возьмись, налетела стая щеглов. Тревожно закружились вокруг старой липы, хлопотливо пристроились в густых ветвях.

— Видите, кинжал! Что я вам говорил! — с торжеством пискнул маленький щегленок. Он не боясь опустился прямо на башмак волшебника Алеши.

На тонкую ветку перед самым лицом волшебника Алеши уселся старый щегол. Спросил вежливо, с достоинством:

— Тебя кто-то привязал к дереву, незнакомец. Мне жаль тебя! У нас цепкие коготки и ловкие клювы. Хочешь, мы развяжем узел и освободим тебя!

— Н-нет… — волшебник Алеша помотал головой.

Кот Васька на миг оживился, разглядывая мелькающих в густой листве щеглов. Но тут же равнодушно закрыл глаза. Не до птиц теперь, не до развлечений.

— Если так, о незнакомец, — спросил старый щегол, — не

позволишь ли ты взять нам этот кинжал? Он послужит доброму делу.

— Берите, конечно, — тихо ответил волшебник Алеша. Губы его неслышно прошептали: — Он мне больше не нужен. Мне теперь ничего не нужно…

Щеглы разом опустились в траву, все дружно уцепились за рукоять кинжала. С писком вытащили его из земли.

— А ну, поторапливайтесь! — озабоченно приказал старый щегол. — Где-то неподалеку бродит Смерч Себе-На-Беду. Скорее, дети мои! Слушайте умудренного годами деда, поспешим!

Тут на помощь подоспели сороки. Все вместе подхватили кинжал и скрылись вдали.

«Славные пичужки! — Волшебник Алеша посмотрел им вслед. — Разве я мог погубить хоть одну из вас?»

Волшебнику Алеше все сильнее хотелось пить. Руки и ноги у него затекли. Но больше всего его мучил страх, что слуги-тени схватят тетушку Черепаху и отнимут у нее голубую искру. Он не освободил Астрель, не помог Ренгисту Беспамятному. Неужели все кончено?

Волшебник Алеша так погрузился в эти тревожные и печальные мысли, что не заметил, как боязливо затрепетали верхушки деревьев, а кусты наклонили ветви, стараясь плотно прижаться к земле.

Послышался, все нарастая, вой ветра, треск ветвей и свист. Но странно! К шуму вихря примешивался плач, ропот, похожие на протяжную жалобу, словно кто-то стонал и всхлипывал.

Пролетел рой разноцветных бабочек. Их полет был смят налетевшим ветром.

— Смерч Себе-На-Беду! Смерч Себе-На-Беду! — донеслись до волшебника Алеши их тонкие, еле слышные голоса.

Цветы вокруг волшебника Алеши, как руками, закрылись листьями. Казалось, все вокруг хочет спрятаться, скрыться.

И тут волшебник Алеша увидел мутный воздушный столб, высоко уходящий в облако.

Изгибаясь и раскачиваясь, он надвигался прямо на него. В своем диком танце Смерч втягивал в себя все на пути. Он поднял вверх и закружил сухие листья, вырванные с землей пучки травы, птичьи гнезда.

Маленькая синичка, попав в его середину, завертелась волчком, теряя перья, не в силах вырваться.

И снова до волшебника Алеши донесся все тот же тоскливый голос.

— Я был ветром, добрым свежим ветром, — стонал и завывал Смерч. — Я надувал паруса, нес запах жасмина… Я охлаждал

горячие щеки, дул на усталые руки. Я рассеивал семена по земле. Все любили, все любили меня…

Смерч налетел на маленький клен, скрутил его, рванул вверх. Клен зашатался, видно было, как шевелятся его корни, отчаянно цепляясь за землю. Но Смерч с силой вырвал его из земли, поднял в воздух, ломая и обрывая ветви.

— Прости меня, прости, — рыдания прорвались сквозь свист и вой. — Это Каргор превратил меня в убийственный смерч. В Смерч Себе-На-Беду! О, если бы я мог утихнуть навсегда…

Смерч подхватил кота Ваську, и тот, взвизгнув от неожиданности, взлетел кверху.

— Прости меня, маленький зверек! Я не хочу тебя губить, но это не в моей власти! — простонал Смерч Себе-На-Беду. — О, если бы я мог остановиться, умереть, уснуть…

Волшебник Алеша с ужасом смотрел, как Смерч крутит и уносит кота Ваську. Тот, растопырив лапы и кувыркаясь, стремительно поднимался все выше и выше вместе с роем сухих листьев, крыльев бабочек, птичьих перьев.

— Уснуть, уснуть навсегда, навсегда… — донесся тоскливый голос вперемешку с шорохом листьев и свистом.

— Эй, ты, послушай! — задыхаясь, пропищал кот Васька откуда-то сверху. — Если так — развяжи этот узел! Он заколдованный. Кто его развяжет — умрет. Только учти, я тебя предупредил, как порядочный.

На мгновение Смерч Себе-На-Беду остановился в своем безумном кружении. Клубясь и дрожа, он замер в воздухе. И

вдруг, словно решившись, рухнул на старую липу, к которой был привязан волшебник Алеша. Вздыбились ветви. Воздух, казалось, позеленел от пляшущих перед глазами листьев. Непосильная тяжесть навалилась на волшебника Алешу, грозя раздавить его. Он чуть не задохнулся от тугого ветра…

И вдруг все стихло. Плавно кружась и покачиваясь, опускались листья. Словно сорвавшись с крыши, вниз полетел кот Васька и шлепнулся в траву на все четыре лапы.

Волшебник Алеша вдруг почувствовал, что он свободен. Веревка скользнула по его телу и упала на землю.

И где-то у его ног послышался постепенно замирающий, гаснущий голос:

— Тишина, покой, сон, вечный сон, освобожденье… Никого больше не губить… Какое счастье, счастье…

— Это все я! — хвастливо заявил кот Васька. Он отряхнулся и громко чихнул. — Ловко я сообразил, хотя и летел вверх тормашками. Ну, а теперь, пушистый Алеша, давай бегом отсюда. Скорей бы домой попасть. Надоело мне тут! Сплошное мяу!

Тут кот Васька прижал уши и оглянулся, видимо, вспомнил страшного ворона.

— Ну, молодец, ну, умница! — Волшебник Алеша присел на корточки, прижал к себе кота Ваську. Что ни говори, а кот Васька, можно сказать, спас его. — Лучший из котов! Храбрец, каких мало! Вот только потерпи еще самую чуточку, братец. Заглянем ненадолго в башню волшебника Ренгиста и тогда домой.

Волшебник Алеша решил не смущать кота Ваську своими опасениями. Слуги-тени! Если они отнимут голубую искру у тетушки Черепахи, считай, все пропало.

— К тетушке Черепахе в гости? Молочка попить? Это неплохо, — беспечно согласился кот Васька. — Я не против.

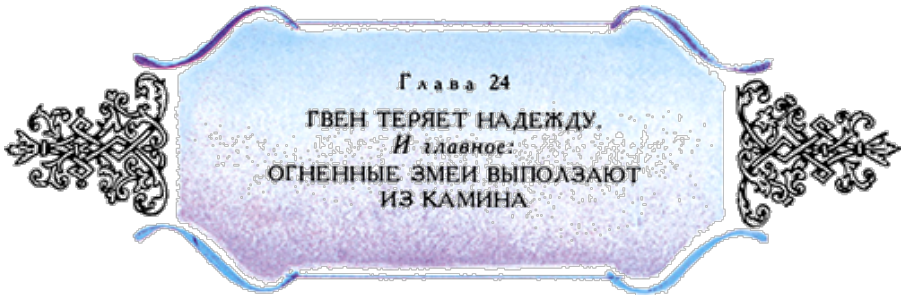
Кот Васька уткнулся носом в шею волшебника Алеши и завел длинную уютную песенку.

— А что нам делать с этой веревкой? — оглянулся волшебник Алеша. — Может, с собой прихватить?

— Нечего беспорядок в лесу разводить, — с важностью согласился кот Васька, хотя сам вечно все раскидывал и терпеть не мог прибираться.

Волшебник Алеша наклонился и хотел было поднять с земли волшебную веревку, но она вдруг зашевелилась в траве, как живая, смоталась в клубок и сама скользнула в карман волшебника Алеши.

Глава 24



Как безумный, не разбирая дороги, бежал Гвен Хранитель Леса. Он продирался сквозь колючие кусты, скатывался в овраги, метался от дерева к дереву.

— Астрель! Астрель! Астрель! — далеко разносился полный отчаяния призыв.

Но деревья молчали, печальные в своей неподвижности.

Вслед за Гвеном торопилась пестрая стая птиц. Птицы шумно переговаривались, не зная, как помочь своему любимцу.

— Надо найти Астрель, превращенную в дерево, и трижды окликнуть по имени! — в который раз объясняла подругам птичка Чересчур. — Ах, сколько в лесу деревьев, я даже как-то раньше не замечала!

Ветви исхлестали лицо Гвена, острые сучья изорвали в клочья его одежду.

«Если до восхода луны он не отыщет Астрель…» — шептала про себя птичка Чересчур.

От одной мысли, что тогда может случиться, у птички Чересчур даже в глазах потемнело. Она стала падать, но два скворца подхватили ее под крылья, и она опомнилась.

— Я видела осинку, которая дрожит каждым листиком до самой верхушки, — с надеждой крикнула Гвену синичка. — Вдруг это…

— А я видел дубок. Молодой дубок, а в нем дупло, похожее на сердечко. Ну точь-в-точь! — сообщил быстрый стриж.

— А плакучая ива возле ручья! Она такая грустная, — догоняя Гвена, крикнула иволга.

Гвен метался от ивы к молодому дубу, падал, вскакивал, снова бросался бежать.

Иногда между деревьями мелькали олени. Они подходили совсем близко, безбоязненно бежали рядом с Гвеном. Глаза их светились молчаливым сочувствием, но никто из них не видел

Астрель. Потом плавный скачок, и они исчезали в чаще.

— Астрель! Астрель! Астрель!

Но все было напрасно.

Огромный лес молчал в ответ.

А в этот самый час Каргор, ссутулившись в кресле, сидел перед камином.

В башне царило мертвое давящее безмолвие. Голоса, хохот, звон монет — все стихло. Шкатулки, ларцы снова стояли закрытые, храня в себе звуки прошедшей жизни.

— Тяжко, тяжко… — простонал Каргор, оттягивая рваные кружева у горла. — Каждый вздох мне дается с трудом.

Западное окно уже заалело от заходящего солнца. Беззвучно пролетела большая стая птиц. Птицы казались черными, словно обугленными, на фоне закатного неба.

Огненные змеи в камине, встав на хвосты, беспокойно метались в камине. Они тянулись к Каргору, разевали багровые пасти.

— Мои змейки, мои вечно голодные змейки, — пробормотал Каргор. — Чем же мне накормить вас? Скоро слуги-тени принесут мне голубую искру, и вы утолите свой ненасытный голод.

Золотые змеи нетерпеливо зашипели. Капли огненного яда, стекая вниз, плавили решетку камина.

— Подождите немного, мои славные змейки! — Каргор сунул руку в огненное кольцо змей, стал ласково перебирать их пылающие головы, нежно поглаживать. — Скоро голубая искра будет снова ваша, и вы расправитесь с ней наконец. Слуги-тени! Их ничто не остановит и никто не разжалобит. Скоро, скоро!

Но огненные змеи, шипя все громче, высунули головы из камина. Змеи обвились вокруг его руки. Вспыхнула кружевная манжета, запахло паленым.

Каргор оборвал горящие кружева, кинул в камин. Они вспыхнули, как бабочка над лампой, и сгорели.

— А! Не хотите ждать, мои змейки? Что ж… — Каргор криво усмехнулся. Он закрыл глаза на мгновенье, словно собираясь с силами. — Что ж! Прощай… Прощай, Дождирена Повелительница Дождя! Пришла пора сжечь твой голос. Я сожгу серебряный медальон. Круг завершился. Я погубил твою дочь Астрель принцессу Сумерки. И больше никогда не смогу услышать твой голос, я не вынесу этой муки. Прощай…

Каргор сунул руку за пазуху, стараясь нашарить там медальон, и вдруг замер.

Он вскочил на ноги, и вопль его был похож на рычание дикого зверя.

— Его нет! Я потерял его! Где? Когда? Неужели там, в лесу,

когда в меня вцепился этот жалкий кот, эта ничтожная тварь?!

Каргор раскинул руки, взвились края его широкого плаща. И вот уже растрепанный огромный ворон вылетел в распахнутое окно высокой башни.

Огненные змеи разом рванулись из камина вслед за Каргором. Неистово шипя, перекинулись через каминную решетку. Напрягая все силы, они старались оторваться от раскаленных углей. Наконец одна из змей выскользнула из камина и поползла по полу.

Ковер затлел, струйка дыма поднялась к потолку…

А в глубине леса, над болотистой низиной из вечернего багрового облака камнем упал вниз громадный ворон.

Мгновение — и по земле на коленях ползал человек, путаясь в полах длинного плаща.

Потянуло запахом гари. Горький тяжелый дым пополз вниз

по склонам оврагов.

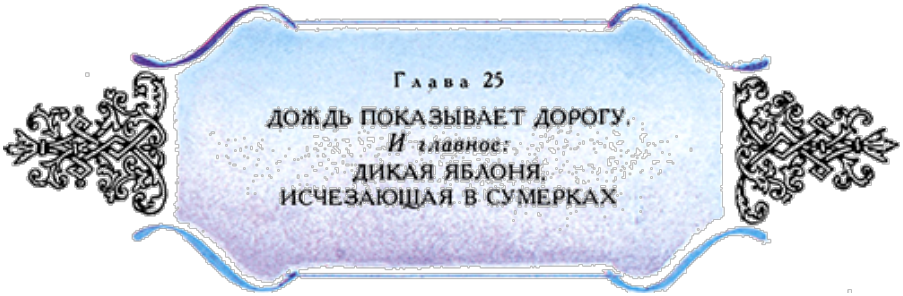
Каргор, не поднимаясь с колен, вскинул голову.

Над лесом вздыбился огненно-красный столб. В мерцающем зареве тонули и вновь проступали острые каменные зубцы.

Это горела Черная башня Каргора.

Из окон хлестали длинные языки пламени, брызги искр летели высоко вверх, мигая, рассыпались и гасли в вечернем небе.

Глава 25



Тем временем измученный, отчаявшийся Гвен продолжал метаться по лесу, не узнавая знакомых полян и просек. Он падал, поднимался и, как безумный, снова бросался бежать, не разбирая дороги.

Птицы притихшей печальной стаей, не отставая, следовали за ним.

Солнце медленно, но неуклонно уходило за Олений лес. День угасал, тени скопились в оврагах. И только светились еще верхушки самых высоких елей.

— Все кончено… — простонал Гвен. Он без сил упал на крутой пригорок, зарылся лицом в жесткий мох, почувствовал, как скрипит песок на зубах. — Я потерял ее! Все, все пропало, жизнь, счастье…

Верхушки елей погасли. Последние лучи солнца запутались в редких нитях дождя. И странное дело, дождь лился с чистого неба: ни единого облачка, ни тучи не было в его вечерней глубине.

Прохладные крупные капли падали на исхлестанные ветвями руки и плечи Гвена. И вот — усталость и боль исчезли.

Гвен вскочил на ноги.

Полоса дождя вдруг стала уходить дальше, за деревья. Влажно, глянцево заблестели мокрые листья берез. Дождь как будто манил его за собой.

Гвен протянул руки, ловя на лету ускользающие капли, и сбежал с пригорка. Тихий перестук капель по листьям был как шаги дождя.

Гвен понял: дождь ведет его куда-то. И неуверенная надежда заставила сильнее забиться сердце.

Он шел за плывущим смутным покрывалом дождя. И дневные птицы, которым давно было пора разлететься по гнездам, все, как одна, молчаливо летели за ним.

Деревья расступились, открывая дорогу лесному ручью. Ручей бежал по промытому, чистому песку. Изредка кидал звенящие струи вниз на разноцветные камни.

И вдруг Гвен увидел молодую дикую яблоню.

Могучие ели, словно оберегая маленькое деревце, заботливо окружили его плотной стеной. Ветви яблони были осыпаны чуть прозрачными бело-розовыми цветами.

Птицы, изумленно переговариваясь, кружили над дикой яблонькой, боясь опуститься на ее хрупкие ветви.

— Дикая яблоня! Смотрите, смотрите!

— Все яблони давно отцвели!

— А эта будто только сейчас расцвела. Виданное ли дело!

Струи дождя окутали дикую яблоню. Капли, дрожа и сверкая, замирали в чашечках цветов.

Гвен вздрогнул. Что это? Может ли быть? В сумерках яблоня начала таять, исчезать, растворяться в вечернем воздухе.

Ветви теряли свои очертания. Бледным серебром тускнели и меркли цветы, пропадали из глаз.

По-прежнему стояли темные ели, уходя верхушками в глубокое небо. Погасшими свечами белели стволы берез. А дикая яблоня исчезла.

— Астрель! Астрель! Астрель! — громко крикнул Гвен, еще боясь поверить в свое счастье.

Невидимые ветви невесомо легли ему на плечи.

— Гвен! — послышался тихий, еле слышный голос.

Теплое живое дыхание коснулось его щеки. Нет! Это не ветки, это тонкие руки…

Луна поднялась над верхушками Оленьего леса и озарила Астрель.

Гвен увидел запрокинутое бледное лицо Астрель, огромные бездонные глаза, устремленные на него.

Лунный свет словно накрыл их серебряным колоколом. Блестящие лучи вплелись в прозрачные волосы Астрель.

— Гвен… — шепнула Астрель. — Я не могу шагнуть. Земля еще держит меня…

Гвен подхватил Астрель на руки. Струи дождя, лунный свет сбегали по их плечам.

— Как мне было одиноко! Я чувствовала, корни уходят все глубже. Мысли путались, я уже начинала забывать, кто я…

Астрель зябко вздрогнула и прильнула к плечу Гвена.

— Гвен, я узнала страшную тайну. Но если Каргор прознает, что ты спас меня, — все погибло!

Глава 26

Тетушка Черепаха медленно тащилась по лесу.

— Старая я дуреха, поверила какому-то плуту и проходимцу, — укоряла она себя. — Вместо того, чтобы собирать добрые травы и коренья моему господину, несу ему невесть что. Огонек не огонек, светлячок не светлячок…

Тетушка Черепаха в сердцах бросила в траву голубую искру. Голубая искра исчезла под широкими листьями ландышей.

Послышался невнятный говор множества голосов, тонких, шелестящих, звенящих.

Тетушка Черепаха оглянулась. Голубая искра осветила снизу белый ландыш, и он казался фарфоровым. Травинки чутко наклонились к голубой искре, ловя ее лучи.

— Может, зря я бросила этот огонек? — сама себя спросила тетушка Черепаха. — Да нет! Еще чего! И на что он моему господину? Все кругом лгуны и обманщики, а то и похуже. Ничего в нем нет хорошего, в этом огоньке.

И все-таки тетушка Черепаха, скрипнув своим твердым платьем, наклонилась и подобрала голубую искру. Продолжая сердито ворчать, неспешно заковыляла к городу.

Голубая искра ласково грела ее корявую ладонь.

Но вот лес кончился. Показались первые дома с низкими подслеповатыми окнами, крутыми крышами с тусклой, почерневшей от дождей черепицей.

Погоняя откормленную лошадку, мимо с важным видом проехал богатый трактирщик. На лице застыла жирная самодовольная улыбка. Увидев тетушку Черепаху, он брезгливо отвернулся, сделал вид, что ее не заметил.

«Нет, видно, никогда я не поумнею. Что за толк от этого огонька? Ни тепла настоящего, ни света, — помрачнев от обиды, подумала тетушка Черепаха. — Давно пора надавать мне тумаков и вытолкать взашей. Вижу, вижу, в чести одни зазнайки да

богатеи. Житья нет тому, кто честен и прост душой…»

Тетушка Черепаха с досадой бросила голубую искру на дорогу и, сердито ворча, зашлепала дальше.

Но неведомо какое чувство заставило ее оглянуться.

Голубая искра закатилась в щель между грубыми булыжниками и словно смотрела ей вслед. Что-то сиротливое, беспомощное было в ее робком свете.

«Что за наваждение? Да пропади она пропадом, эта голубая искра! Вот словно просит, возьми меня да возьми», — удивилась тетушка Черепаха.

Она нехотя вернулась назад, снова подняла голубую искру, зажала в кулаке.

— Ладно уж, так и быть, отнесу тебя к моему господину. А то, я вижу, не дашь ты мне покоя.

Тетушка Черепаха брела по городу.

Вдруг она заметила, как в тени колокольни что-то зашевелилось. Оттуда появились долговязые стражники с алебардами в руках. Они и сами походили на тени: все одинаковые, плоские, темные, вместо лиц злые маски.

Стражники отрывисто и негромко переговаривались. Голоса их звучали монотонно и бесцветно, словно это были только тени голосов.

— Человек?

— Черепаха!

— Схватить?

— На что нам черепаха?

И они снова бесшумно исчезли в тени колокольни.

Чем ближе тетушка Черепаха подходила к башне Ренгиста Беспамятного, тем чаще попадались на пути эти полулюди-полутени.

Подозрительно оглядывали ее, переговаривались за спиной:

— Человек?

— Черепаха!

Освещенная вечерним светом, башня Ренгиста Беспамятного казалась особенно дряхлой и древней. Черными морщинами зияли глубокие трещины. Двери покосились, а медные петли истерлись и позеленели.

«Эта башня такая же старая, как и мой господин, — с горечью подумала тетушка Черепаха. — Нет сил видеть, как господин Ренгист умирает заживо. Лучше бы эта башня рухнула и погребла нас обоих под своими камнями. Ведь я и дня не проживу без моего господина…»

Тетушка Черепаха так глубоко ушла в эти мрачные мысли, что и не заметила, как ее окружили кольцом темные стражники.

Они преградили ей путь, скрестив перед ней алебарды.

— Идет к башне! — подозрительно сказал один из стражников.

— Не человек, черепаха! — отрывисто возразил другой.

— У черепахи не может быть искры! — добавил третий.

— Мерзкая черепаха!

— Пусть ползет, безобразная образина!

Тетушка Черепаха посмотрела на них исподлобья, и сердце ее переполнилось обидой и болью. Никто никогда так не оскорблял ее.

— Вот и врете! Я — человек! Да! Человек! — напрягая свой сиплый голос, крикнула тетушка Черепаха. — А вот вы-то кто? Пустота, тени! Пшик — и больше ничего. А голубая искра у меня, потому что я человек!

Тетушка Черепаха разжала кулак, с торжеством и злорадством показала стражникам голубую искру. Голубая искра словно сжалась у нее на ладони, стараясь вобрать в себя слабые дрожащие лучи.

— Вот вам!.. — едва успела выговорить тетушка Черепаха. Она и ахнуть не успела, как темные стражники бросились на нее со всех сторон.

Алебарда с размаху врезалась в ее плечо. И каким крепким ни было платье-панцирь, тетушка Черепаха пошатнулась, охнула и выронила голубую искру.

Голубая искра прочертила сияющую дугу в воздухе и упала на булыжники мостовой.

Темные стражники бесшумно, все, как один, бросились к голубой искре…

Но какой-то человек опередил их. Это был волшебник Алеша.

Его рука мелькнула между темных рук стражников. Он схватил голубую искру и одним прыжком отскочил в сторону.

Кот Васька с трудом удержался на его плече. Он выгнул спину, вздыбил шерсть и угрожающе зашипел.

Стражники-тени мгновенно построились полукругом и неумолимо двинулись на волшебника Алешу.

— Что я натворила… — хрипло проскрежетала тетушка Черепаха. Она еще ничего не понимала, но догадалась: случилась беда!

Волшебник Алеша прислонился к стене дома.

Один-одинешенек, безоружный, он зажал в кулаке голубую искру и спрятал руку за спину.

— Человека убить! Искру отнять! Так повелел господин! — Темные стражники надвинулись на волшебника Алешу. Он увидел их мертвые, пустые глаза. Это была безжалостная сила,

направленная чужой волей.

«Хотя бы кинжал… Мог бы защищаться, сразиться с ними. Все погибло! Что же делать? — лихорадочно подумал волшебник Алеша. — А… волшебная веревка? Что, если?..»

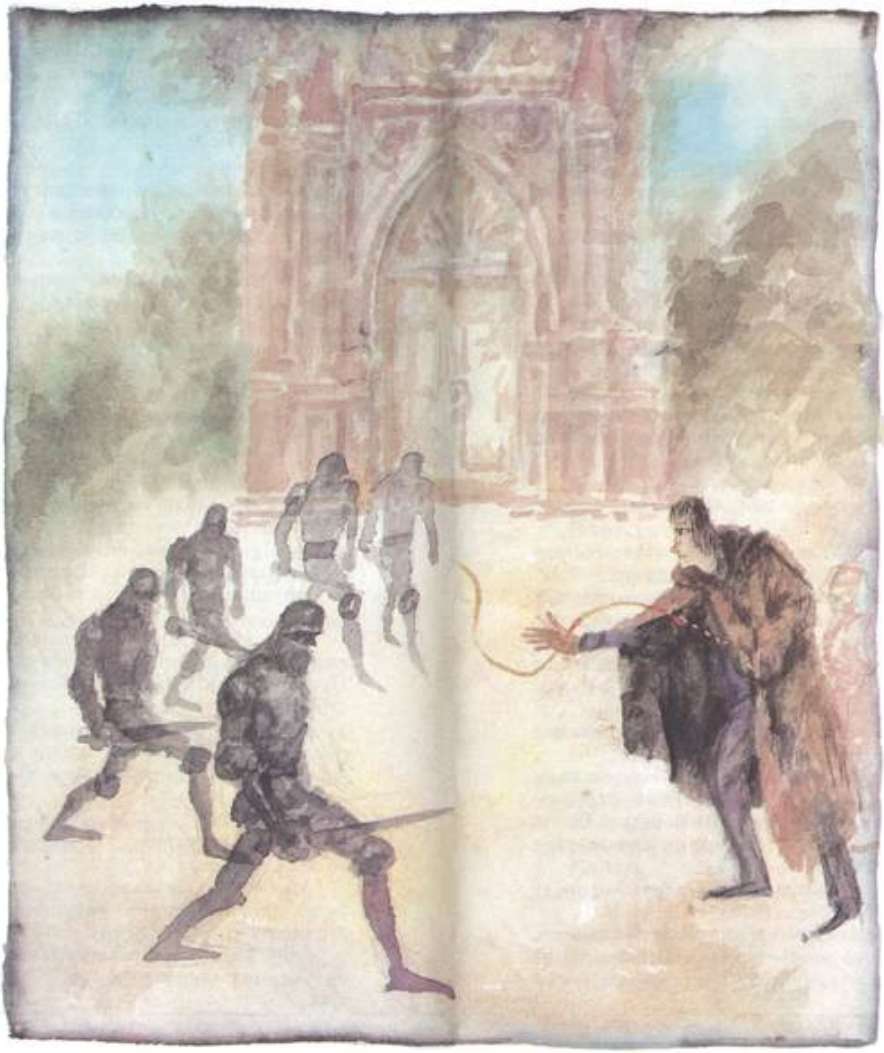
Повернувшись к стражникам, волшебник Алеша громко крикнул:

Волшебная веревка!
Мне службу сослужи:
Надежно, крепко, ловко
Скрути их и свяжи!

В тот же миг волшебник Алеша почувствовал, что моток веревки словно ожил и шевельнулся у него в кармане.

Сначала показался кончик веревки.

Мгновение, и вот уже вся веревка выскользнула из кармана.



Она хлестнула по толпе стражников, обвилась вокруг них, стягиваясь все туже и туже. Концы ее сами собой перекрутились и завязались крепким узлом.

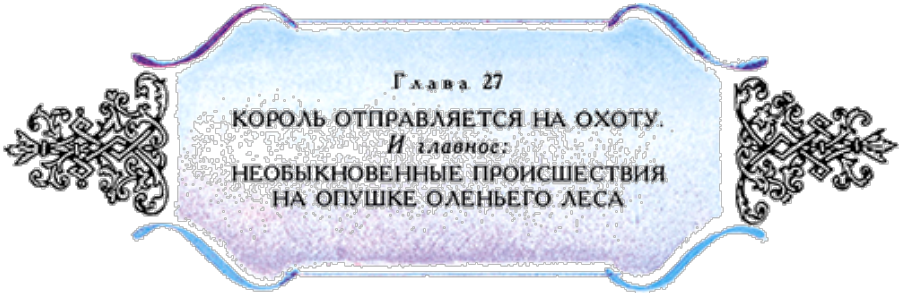
Притиснутые друг к другу, задыхаясь от тесноты, стражники не могли даже пошевелиться.

— Узел заколдован! — крикнул волшебник Алеша. — Кто его развяжет — умрет!

— Мяукнуть не успеет! — с торжеством добавил кот Васька, прижимаясь к шее волшебника Алеши.

Волшебник Алеша, бережно сжимая в руке голубую искру и даже не чувствуя жгучей боли, бегом бросился к башне Ренгиста Беспамятного.

Глава 27



Каким безоблачным и светлым было это утро!

Лучи солнца на опушке Оленьего леса зажигали в каждой капле росы многоцветный огонек. Ветер перебирал травинки осторожно, чтобы не стряхнуть ненароком каплю-фонарик.

Ни одна птица не молчала в лесу. И казалось, их голоса звучат не вразнобой, а согласно. Будто в лесу кто-то невидимый управляет птичьим хором и они все вместе, в лад поют одну песню, веселую и ликующую.

Но вот голоса птиц рассыпались.

Послышалось цоканье подков, отрывистый лай собак, окрики псарей, смех, голоса.

По дороге к Оленьему лесу скакали всадники, пестрые, как павлины. А за ними шумная толпа слуг, пажей, охотников.

Впереди ехал король, разрумянившийся от утреннего холодка. Перья на шляпе порой щекотали ему шею, и он невольно улыбался.

— Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то! — то и дело восклицал он. — Какая будет охота! На зависть всем моим соседям. У кого еще в лесу сыщется столько оленей? А? Молодых красавцев. Сильных и быстроногих. Сколько я ждал этой чудесной охоты!

Из рядов свиты вынырнул юркий Врядли, со своей вкрадчивой улыбкой и скользким взглядом.

— Вряд ли, вряд ли кто-нибудь может похвастаться такими оленями! — Его приторно-сладкий голосок тек липкими струйками. — Всегда во всем сомневаюсь и всем советую. Но сегодня! Прочь сомненья. Все будет прекрасно! О, это будет поистине королевская охота!

Вслед за королем ехали принцы Игни и Трагни, оба как в воду опущенные, угрюмые, насупленные.

— Отец приказал Каргору превратить ее в дерево. — Игни

косо, исподлобья поглядел на брата. — Я ее не увижу больше, никогда не увижу.

— Девчонка что-то прознала, сунула нос куда не следует, — процедил Трагни сквозь стиснутые зубы. — Если бы я только мог разыскать это дерево. Я бы срубил его под корень!

— А я бы сначала оборвал листья. По одному, по одному, по одному… — с ненавистью прошептал Игни.

Некоторое время братья ехали молча, не глядя друг на друга.

— Зато она не досталась тебе! — ехидно усмехнулся Игни.

— И тебе тоже, — оскалил зубы Трагни.

Король, услышав их негромкий отрывистый разговор, оглянулся.

«Обойдется, — подумал он. — Девчонки нет, скоро они забудут ее бледное лицо и волосы цвета болотной осоки. Они снова станут дружны и неразлучны, мои славные мальчики. А все, что они награбили, — моей казне прибыток. Так что немного смекалки, хитрости и тайны… Главное — тайны! И на всем можно нагреть руки».

Король пришпорил коня и первым въехал на поляну, топча ромашки и колокольчики.

Послышалось больное прерывистое карканье, и на поляну неуклюже опустился черный, как головешка, ворон.

— Каргор… — недовольно нахмурился король. — Никто не звал тебя сегодня.

В тот же миг к королю шагнул высокий человек с почерневшим, словно обугленным лицом.

Все невольно отшатнулись от Каргора. Его было трудно узнать. Королевский конь, кося глазом и хрипя, прянул в сторону.

Длинные волосы и густые брови Каргора были опалены. Копоть въелась в кожу, обгоревший плащ повис неровными жалкими лохмотьями.

— Все… Больше нет моей Черной башни. — Голос Каргора звучал прерывисто, еле слышно. — Огненные змеи… Сгорело все: колдовские книги, шкатулки с голосами.

— А мне-то что? — с равнодушным недоумением посмотрел на него король. И тут же отвернулся. — Какой прекрасный выдался денек! Эй, глоток вина мне!

Услужливый слуга тут же подставил золотой кубок под алую густую струю.

Король с улыбкой торжества поднял кубок с вином, и лучи солнца вспыхнули, втянутые в игру драгоценных камней.

— Я пью за счастливейший день моей жиз… — начал король и смолк, словно задохнувшись.

Рука его дрогнула. Вино, алое, как кровь, выплеснулось и

потекло по рукаву. Кубок упал в траву.

Полный ужаса, остекленевший взгляд короля был прикован к двум молодым березам на краю опушки.

Березы склонили друг к другу верхушки и, перемешав ветви, образовали бело-зеленую арку.

Под березами, взявшись за руки, стояли Астрель и Гвен Хранитель Леса.

Гибкие ветви ласково падали им на плечи. Молодые листья берез блестели. Лучи солнца сплели в просветах золотые венки и гирлянды.

— Призрак! Тень! Тебя нет! Сгинь, рассыпься… — посиневшие губы короля не слушались его.

— Вряд ли, вряд ли призраки, ваше величество! Просто бунтари и разбойники, — прошептал Врядли. Он весь вытянулся и словно прилип к сапогу короля. — Прикажите схватить их!

— Девчонка! — Игни покачнулся и выронил поводья.

— Страшно! — прошептал Трагни. — Смотри, брат, что это? Что это?

Вдруг зашевелились, словно ожили, все деревья на опушке леса. Раздвигая ветви, на поляну разом вышло множество людей.

Они были молоды все, как один. Но лица их были не по годам суровы. Одежда на сильных плечах была изорвана в клочья, обувь поизносилась.

Из толпы шагнули двое рыжеволосых мужчин. С ними молодая женщина с испуганным ребенком на руках. Малыш так крепко обхватил шею матери, что ей было трудно дышать. Она разняла ручки ребенка, часто-часто целуя маленькую ладошку.

Плеснув ветвями орешника, одним крутым гибким движением, на поляну выпрыгнул могучий прекрасный олень. Словно умоляя о чем-то, склонил голову с тяжелыми ветвистыми рогами к ногам Астрель.

— Бедный мой… — прошептала Астрель. — Как ты далеко ушел…

Она коснулась рукой его лба, лаская и успокаивая. Олень еще ниже наклонил голову, трепеща всем телом. Голос Астрель зазвенел:

Тьма, рассейся, вспыхни, день!
Человеком стань, олень!

И едва она проговорила последнее слово — олень исчез. Все увидели красивого юношу. На нем был потертый кожаный передник, какие носят кузнецы. На щеке пятно сажи.

Он растерянно огляделся, и вдруг улыбка счастья, еще

слабая, неуверенная, появилась на его губах.

А из леса выходили все новые и новые люди. Они клали руки на плечи друг другу. А их взгляды, грозные, горящие гневом, были устремлены на короля.

— Нет!.. — тонким заячьим голосом взвизгнул король. — Я не хочу! Вы не посмеете…

Он повернулся к темной фигуре, похожей на немое, обгорелое дерево.

— Каргор! — Голос короля прервался от страха. — Возьми полцарства, что хочешь. Помоги мне, спаси! Их глаза…

Каргор сделал несколько неверных шагов и, чтоб не упасть, схватился за ствол тонкой березы. Молодая березка согнулась под его рукой.

— Я одолею их, государь, — с такой ненавистью сказал Каргор, что все вокруг померкло.

Шмель в своей меховой шубке застыл в воздухе, мерцая крылышками. И только горестно вскрикнула птичка Чересчур, сидевшая на плече у Гвена.

— Чего бы мне это ни стоило, я уничтожу вас! — Каргор повернул свое почерневшее лицо к Астрель и Гвену. Березка, согнувшись дугой, вся трепетала, будто хотела и не могла стряхнуть его руку. — Я превращу вас в жалкие пылинки, добычу ветра! Без имени и без прошлого…

— Ну, скорее же, Каргор! Скорее! — изнывал от нетерпения король, стиснув кулаки. Но Каргор даже не поглядел на него.

— Силы мои на исходе, — глухо продолжал он. — Я знаю, отныне я превращусь в ворона. Навсегда. Мне больше не быть человеком. Что ж, пусть! Но я стану ужасом местных лесов. Бедой, вечным ужасом и гибелью, вот кем я стану! Ни одной птице никогда не петь в этом лесу!

— Птицы будут петь! — раздался глубокий, сильный голос.

Все разом оглянулись.

Посреди опушки стоял высокий старик. Его седые волосы отливали серебром. Серый бархатный плащ падал до земли. Глаза его смотрели твердо и ясно.

Вьюнок с розовыми цветами доверчиво потянулся к нему и вдруг обвился вокруг его руки, поднимаясь все выше, до плеча.

— Ренгист! Мой брат Ренгист… — Рука Каргора скользнула по шелковистому стволу березы. Он рухнул на колени. — Пощади!..

Ренгист осторожно распутал вьюнок, боясь помять его нежные, наполненные воздухом цветы.

— Он был мне как отец, — прошептала Астрель. Она подняла глаза на Гвена, делясь с ним своим изумлением, радостью.

За Ренгистом, ухватившись за его рукав, пряталась молоденькая девушка в зелено-коричневом клетчатом платье. Глазастая, большеротая, с веснушками на носу и на щеках.

— И не вздумайте, господин, пожалеть его. Это все он! Он превратил меня в черепаху. — Она опасливо дергала за руку своего хозяина. — Не верьте ему!

Чуть в сторонке стоял волшебник Алеша.

Он прижимал к груди кота Ваську. Кот Васька сонно таращил глаза. Он так устал от всех приключений, что хотел только одного: спать, спать, спать.

Сердце волшебника Алеши учащенно билось. Никогда, никогда он не забудет, как вбежал в башню к Ренгисту Беспамятному, держа на ладони голубую искру. И глаза старого волшебника. Сначала равнодушные, почти лишенные жизни. А уже через мгновение… Да, волшебник Алеша успел вовремя.

— Ты хотел стать вороном, будь по твоей воле! — Ренгист повелительно поднял руку:

Радости светлой не стой на пути!
Вороном черным в чащу лети!

И в тот же миг с травы тяжело взлетел ободранный ворон. Желтая кожа просвечивала на жилистой шее между редкими перьями. Хвоста не было и в помине, крылья были как рваные тряпки.

— Помни, Каргор! — Голос Ренгиста звучал величественно и властно. — Если ты нападешь хоть на одну малую пичужку, в тот же миг твои крылья вспыхнут и ты сгоришь. Живи, старый ворон! Злое сердце само казнит себя. Ты будешь видеть радость, и она заставит тебя корчиться от злости. Слышать смех — и задыхаться от зависти. Тобой, уродливым и ненавистным, будут пугать птенцов!

Ворон, с трудом взмахивая крыльями, пролетел над опушкой леса и скрылся. Затихло вдали его карканье, похожее на бессильные проклятья.

А из леса, взвихрив ветви, вылетали на опушку все новые и новые серебристо-серые олени.

Они склонялись перед Астрель, и снова она радостно и громко говорила слова заклинания.

Со стороны города по дороге бежала толпа людей.

Матери обнимали своих сыновей. Дети смотрели пугливо и несмело, не сразу узнавали отцов. А старики, глядя на возвращенных им внуков, возмужавших, с повадками суровых воинов, проливали невольные слезы.

Голубые и синие колокольчики старались поймать эти горько-соленые капли. Ведь если в колокольчик упадет слеза, он научится звенеть. Светлый, неумолкаемый перезвон летел над травой.

— Эй, одним волшебством сыт не будешь, — зевнул кот Васька, потягиваясь и распрямляя усталые лапы. — Молочка бы попить…

— А где же король и его наемники? — Гвен Хранитель Леса с удивлением оглянулся.

Далеко по дороге мутным шаром катилось облако пыли. Это, гонимые смертельным страхом, удирали король и его свита.

— Астрель! Дочь моя… — глубоким, полным любви голосом проговорил Ренгист.

Он подошел к девушке, она подняла голову и вдруг, пошатнувшись, упала ему на грудь.

— Ты угадала сердцем. Я твой родной отец. — Он взял в ладони лицо девушки. — Глаза… Чистые и прозрачные. Такие же… У тебя глаза твоей матери, Дождирены Повелительницы Дождя.

— Повелительницы Дождя? — тонким, совсем детским голосом повторила Астрель. — Мама…

— Нам, пожалуй, уже пора. — Волшебник Алеша подошел к Астрель и Ренгисту. — Путь не близкий, пока мы дойдем…

Солнце уже опускалось за Олений лес, и его заалевший свет брызгами окропил траву поляны.

Астрель, обнимая отца за шею, повернула лицо к волшебнику Алеше. Ренгист тоже посмотрел на него. Но волшебнику Алеше показалось, что они как будто с трудом понимают его слова. Они и смотрели на него как-то странно, словно издали, будто не узнавая его.

«Видят ли они меня?» — мелькнуло в голове волшебника Алеши.

— Вот, пожалуйста, возьмите, — волшебник Алеша вынул из кармана серебряный медальон на скользкой тончайшей цепочке. — Чуть не забыл. И счастья вам всем!

Вдруг повеяло влажной свежестью. И легкая дымка дождя повисла в воздухе.

Лучи заходящего солнца высвечивали каждую каплю, и она искрилась и сверкала.

Ренгист дрожащими руками открыл серебряный медальон.

И, смешавшись с шелестом и шепотом падающих капель, раздался еле различимый, полный тихой радости голос:

— Ренгист вернулся… Ренгист нашел нашу дочь… Дочь… Дочь…

Астрель вытянулась на носки, подняла руки ладонями вверх, ловя падающие капли. Дождь и слезы струились по ее лицу.

Последние пурпурно-лиловые лучи солнца соскользнули с верхушек деревьев. Больше не сверкали капли смолы на сосне. Словно кто-то дунул на них, и они погасли, как крошечные свечи.

Навевая покой, отраду, утихал шепот дождя.

— Мама, не уходи! — с мольбой крикнула Астрель.

Ренгист обнял ее:

— Не плачь, моя девочка. Ко мне возвратилась память, былое могущество. — Лицо Ренгиста словно помолодело. — Я буду вспоминать ее, Дождирену Повелительницу Дождя. Вспоминать со всей силой моей любви. И ты увидишь, она вернется к нам, прекрасная, нежная, такая, как была. Иначе быть не может. Она вернется!

В глубине леса уже сгустился ночной сумрак. Небо налилось бездонной синевой, готовясь встретить первые звезды. И сумерки окутали все вокруг.

Волшебник Алеша в последний раз оглянулся на Ренгиста, на Гвена Хранителя Леса… А где же Астрель?

Ее уже не было видно. Только две звезды сияли в сумерках. Это были слезы счастья в глазах Астрель.

— Ну что ж, нам пора, пойдем, — шепнул волшебник Алеша коту Ваське.

— Давно пора, — ворчливо отозвался кот Васька. — А где ихнее спасибо?

Волшебник Алеша поплотней укутал шарфом усталого кота и

зашагал в сторону города.

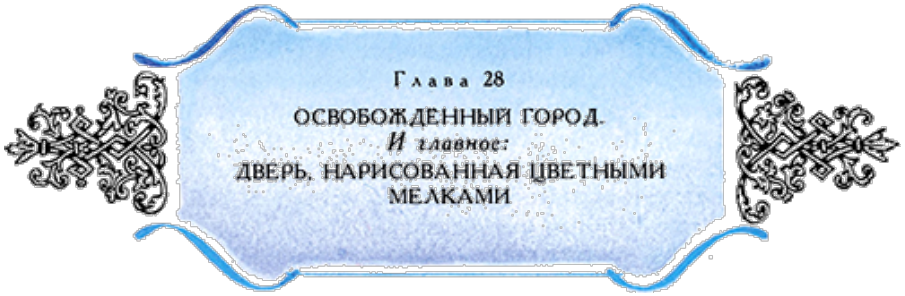
— Вымокли, оголодали совсем. А уж страху-то натерпелись, — с обидой рассуждал кот Васька, поглубже зарывая нос в теплый шарф. — И никакой тебе благодарности. Как же так, пушистый Алеша?

Луна выбелила каменную дорогу, и шаги волшебника Алеши звучали гулко и одиноко.

«Так и должно быть, наверно, — подумал волшебник Алеша. Он сунул руку под шарф и принялся тихонько поглаживать кота Ваську, почесывать за ушком, пока не услышал довольное и сонное мурлыканье. — Они забудут нас. А может, уже забыли. Потому что мы другие, из другой жизни. Это закон сказки, тут уж ничего не поделаешь. Но разве в этом дело? Астрель позвала нас, и мы пришли. Она надеялась. И вот мы спасли Астрель, спасли надежду… Вот что главное».

Волшебник Алеша улыбнулся в темноте и уже бодро зашагал к еще далеким огням города.

Глава 28



А город встречал их разноцветной россыпью огней. Ворота в городской стене были широко распахнуты.

Навстречу волшебнику Алеше шли люди с разноцветными фонариками, подвешенными на длинных палках. Фонарики раскачивались и мигали, и от этого казалось, качается и пляшет все вокруг: и дома, и длинные тени, и вывески над дверями.

Во всех домах были настежь растворены окна, всюду горели свечи. Никто не спал. Оживленные, веселые восклицания перелетали через темную улицу:

— Они вернулись!

— Все!

— Все до одного!

— И пекарь с подмастерьями!

— И кузнец!

— И гончар со своим сыном!

— И братья-рыбаки!

— А вы видели жену Ниссе? Малыш-то как подрос.

Колеблющиеся на ветру огни фонарей озаряли радостные, растроганные лица.

Волшебник Алеша устал да и проголодался.

«Уж дома отосплюсь вволю. И котлеты есть в холодильнике…» — вспомнил он.

Волшебник Алеша перешел через мост Зевни-Во-Весь-Рот. Сборщик податей, растерянный, с разинутым ртом, метался от одного прохожего к другому. Жадно заглядывал в лица, хватал идущих за руки. Но нет, никто не зевал. Люди улыбались. И каждая веселая улыбка пугала его, и он с воплем шарахался в сторону.

Свет фонарей падал с моста в воду, и река подхватывала и уносила разноцветные огни. Они плыли, качаясь и расплываясь кругами. Вся река далеко-далеко искрилась и сверкала.

— Ку-ка-ре-ку! — послышалось откуда-то издалека.

Надрывные крики все приближались, не умолкая.

На мост взбежал короткий, приземистый человечек с тяжелым нависшим лбом. Он держал в руках небольшую грубую шкатулку. Пробегая мимо волшебника Алеши, он по-петушиному вытянул шею и выкрикнул раскатисто и громко:

— Ку-ка-ре-ку!

Свет зеленого фонаря отразился в его глазах, пустых и безумных.

Волшебник Алеша заметил черные дыры на его одежде, обгорелые рукава куртки. Шкатулка, которую он держал в руках, с одного бока была обуглена.

— Ку-ка-ре-ку! — снова пронзительно выкрикнул человечек и, нелепо подпрыгивая, бросился бегом через мост.

Волшебник Алеша остановился, поглядел ему вслед.

— Это Скипп! Вот уж о ком доброго слова не скажешь, — промолвила словоохотливая старушка с маленьким синим фонариком в руке. — Он служил, да будет тебе ведомо, у самого Каргора. А как загорелась Черная башня, говорят, бросился прямо в огонь. Уж что с ним сейчас делается, и в толк не возьму. Только не будет добрый человек кукарекать.

Старушка заторопилась дальше, и синий свет ее фонарика затерялся в пестром кружении огней.

«Видимо, он хотел вернуть себе голос, да второпях схватил что под руку подвернулось, — догадался волшебник Алеша. — Первую попавшуюся шкатулку, а там был только петушиный крик. Вот оно что».

— Ку-ка-ре-ку! — донеслось издалека. И какие-то петухи, разбуженные не вовремя, начали перекликаться то близко, то далеко за рекой: «Ку-ка-ре-ку!»

— Чего это? Утро, что ли? — шевельнулся под шарфом кот Васька. — Если утро, то пора завтракать. Логично? Логично!

— Спи, спи… — погладил его волшебник Алеша. — Уже недолго. Поспи пока.

Небо чуть посветлело, и звезды, словно поеживаясь от утреннего холода, таяли одна за другой.

Волшебник Алеша прошел мимо королевского дворца. Его стены поднимались вверх черной зубчатой громадой. Ни звука, ни единого огонька.

Чугунные витые ворота были распахнуты настежь. Нигде никого.

Вдруг послышался скользящий быстрый шорох, и волшебник Алеша разглядел маленькую серую мышку. Она выбежала из-под арки ворот, спокойно присела на задние лапки и начала лапками

чистить мордочку.

Оттого, как беспечно вела себя эта маленькая мышка, огромный королевский дворец показался волшебнику Алеше каким-то особенно заброшенным и безлюдным.

«Все убежали. Да, да, конечно, — подумал волшебник Алеша. — Король, придворные, стража — все. И они не посмеют вернуться. Теперь, когда люди узнали о злодейском волшебстве. И эти смелые юноши, которых превратили в оленей! Как гневно горели их глаза!..»

От королевского дворца тянуло запустением и холодом.

Волшебник Алеша ускорил шаг и прошел мимо.

Кот Васька крепко спал, весь мягкий, теплый, не разберешь — где голова, где лапы. Тоже ведь намаялся, бедняга.

Волшебник Алеша с радостью узнал улицу сапожников.

С черепичных крыш стекало утреннее золото. Легкий ветер надувал занавески на низких окнах. Они, казалось, ждали, когда люди проснутся и примутся за работу.

Ну вот, наконец-то! Знакомая стена, сложенная из грубо отесанных камней. Только перейти дорогу — и волшебник Алеша у цели. Он сунул руку в карман и нащупал небольшой твердый кусочек мела, завернутый в шуршащий клочок бумаги. Слава богу, цел! Ведь вполне мог выпасть из кармана, потеряться. А это вам не какой-нибудь мел. Волшебный. Такого в этой сказке и не сыщешь.

Волшебник Алеша окликнул кота Ваську.

— Э-эй, просыпайся, любезный! Мы с тобой, можно сказать, уже дома!

Кот Васька вяло зевнул и высунулся из-под свитера, вытаращил зеленые глаза.

— Ага! Вот стена, та самая! — радостно мяукнул он. — Тут где-то еще кротовая норка была, ну да ладно. Давай, пушистый Алеша, действуй! Рисуй ключ. Ой, батюшки!.. — Кот Васька вдруг задохнулся. — А… где же дверь? Ну эта, нарисованная?

Волшебник Алеша не ответил. Он даже не почувствовал, как острые когти кота Васьки прошли сквозь свитер и впились в его плечо.

Нарисованной двери не было.

— Домой хочу! — завизжал кот Васька. — К мышам эти шуточки! Мне дверь подавайте!

Волшебник Алеша смотрел на шероховатые серые камни. Неужели кто-то стер домик, нарисованный на асфальте, а Вася Вертушинкин забыл снова нарисовать его? Быть не может! Но если так, никогда, никогда им не уйти из этой сказки, не вернуться домой…

Холодок пробежал по спине волшебника Алеши. Задыхаясь, он провел ладонью по неровным камням стены. Кое-где между камнями известка искрошилась. Пробежал паучок, похожий на капельку молока на тонких ножках. Неужели все кончено?

— Пушистый Алеша, как же так? Не оставаться же нам тут… — не то простонал, не то всхлипнул кот Васька.

— Тс-с… Что это? — прошептал волшебник Алеша.

Он стянул кота Ваську с плеча и приложил ухо к стене. Услышал приглушенный камнем широко и вольно раскатившийся гул грома. И вслед за ним обвал ливня.

Там, за стеной, бушевала гроза. Теперь волшебник Алеша уже различал и бульканье воды, стекающей в водосток, и звонкие удары отвесных струй по лужам. И снова сыто ворчащие перекаты грома.

— Дождь… — тихо завыл кот Васька. — Всегда его терпеть не мог. И правильно делал. Это что же, котики-братики? Сплошное мяу! Смыл наш домик, нарисованный на асфальте, дождик проклятый! Все!

— Да помолчи ты! — прикрикнул на него волшебник Алеша и снова приник ухом к стене.

Гроза уходила. Из-за стены доносились только отдельные, вразнобой, удары капель по асфальту. Кап!.. Кап!.. Шлеп!.. Все реже и реже.

— Пропали мы! — заголосил кот Васька. — Я домой хочу. Не желаю здесь оставаться. Мне мой дом подавайте!.. Ой, что это?

На каменной стене вдруг появилась неровная, расплывчатая, нарисованная мелом полоса. Она растеклась и пропала.

Волшебник Алеша и кот Васька замерли, не отрывая взгляда от стены.

Но вот полоска появилась снова. От нее побежали две полоски вниз. Вот уже показалась нарисованная оранжевым мелом дверная ручка.

— Дверь! Дверь! — не своим голосом завопил кот Васька. — Это он! Мой пушистый Вертушинкин! Он меня нарисовал, и вот вам, пожалуйста, дверь!

«Лишь бы он не забыл замочную скважину…» — мелькнуло в голове волшебника Алеши.

И в тот же миг рядом с дверной ручкой появилась замочная скважина, аккуратно нарисованная ярко-голубым мелком.

— Что ты копаешься, честное слово! — вдруг вскинул голову кот Васька. Снисходительно посмотрел на волшебника Алешу. — Что бы ты без меня делал, ума не приложу. Ну, теперь слушайся меня: доставай мел и рисуй ключ!

— Вот нахал! — не выдержал волшебник Алеша.

Он вынул из кармана кусок мела. Развернул бумагу, вытряхнул белые крошки.

Подождал немного, пока утихнет дрожь в пальцах…

Медленно и старательно волшебник Алеша нарисовал на стене старинный ключ с завитушками.

Кот Васька примолк, прижавшись к его плечу, он, кажется, забыл и дышать.

Волшебник Алеша взялся за оранжевую дверную ручку и рывком дернул дверь на себя.

Дверь неожиданно легко распахнулась.

Навстречу волшебнику Алеше, прямо ему в лицо, хлынул ослепительный поток света.

Волшебник Алеша невольно зажмурился. Лучи били в лицо, веки просвечивали красным, как будто он смотрел прямо на солнце.

Волшебник Алеша покрепче прижал к себе кота Ваську и уверенно шагнул вперед. Свет ослепил его… Он только услышал радостный крик детей.

Вася Вертушинкин и Катя, мокрые, счастливые, давно поджидали его на асфальте.

3 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»